

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

3(59)/2023

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№3(59) 2023

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации
(по состоянию на 08.02.2023).

Группы научных специальностей:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки), 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук, проф. *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., академик РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№3(59) 2023

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as of February 8, 2023).

Branches of science:

5.6.1 – History of Russia (historical sciences), 5.6.3 – Archeology (historical sciences), 5.7.7 – Social and political philosophy (philosophical sciences), 5.7.8 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences), 5.9.8 – Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy, Professor *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кадырбаев А.Ш.

К истории взаимоотношений калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии с ногайцами, туркменами и казахами в XVII–XVIII вв.....6

Кольцов П.М., Хойт С.К.

Адаптивные способности ойрат-калмыков17

Команджаев А.Н., Тепкеев В.Т.

«Известно нам, великому государю, нашему царскому величеству, что в смутное время, которое было в Астрахани, ты, подданной наш, с войском своим нам, великому государю, служил верно и радетельно». Государева грамота Петра Алексеевича к калмыцкому хану Аюке 1707 г.....25

Кононов В.Ю.

Серьги и височные кольца из меотских и сарматских памятников Кубани32

Кышпанакоев В.А.

Численность и размещение потомков депортированных народов в Хакасии (калмыки и немцы по итогам Переписи-2020).....44

Надбитов Р.К., Хохолкина Л.К.

Российско-японский спор о территориальной принадлежности островов Южно-Курильской гряды: исторические аспекты развития проблемы и ее современное состояние57

Очиров Б.В.

Правовой статус привилегированных сословий у кочевых народов Ставропольской губернии во второй половине XIX века66

Очирова Н.Г.

Культурная политика Советского государства и ее влияние на развитие культуры регионов (на примере Республики Калмыкия) в 1970-1980-е гг.76

Туфанов Е.В., Карпенко И.Н.

Кадровая политика Советского партийного аппарата управления в 1921-1950-е гг. (на материалах партийных съездов и конференций)84

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Магомадова Т.Д., Муратова Е.Н.

Исторический аспект рассмотрения слов-деепричастий в научной языковой картине94

Маджаева С.И., Гречухина З.Р.
Синонимия в медицинской терминологии: причины ее формирования 101

Марченко Т.В., Бредихин С.Н., Лепилкина О.И.
Специфика формирования ассоциативного потенциала
нового прецедентного феномена и поликодовой объективации
в современном британском медиадискурсе..... 109

Сластен А.И.
Ироническое переосмысление как средство создания фраземы
получить на орехи (укр. *отримати на горіхи*, бел. *атрымаць на арэхі*) 116

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Антонов В.И.
Символика цвета в традиционном мировосприятии монгольских этносов..... 124

Гулевский А.Н., Гулевская Н.А., Доронин Ю.П.
Войны будущего: варианты и прогнозы 137

Золотарев С.П., Шматько О.Н.
Проблемы современной сетевой коммуникации: философский анализ..... 146

Очирова О.А.
Монгольские этносы России: социальный портрет буддиста-паломника..... 154

Равочкин Н.Н.
Смыслообразование в процессе генезиса идей..... 166

Тихонова В.Л., Закутнов О.И.
Деятельность США и России по связи с общественностью в Казахстане
как фактор распространения идеологического влияния в регионе 174

ОБ АВТОРАХ 187

ABOUT THE AUTHORS 191

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

А.Ш. Кадырбаев

Институт востоковедения Российской академии наук

**К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
КАЛМЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ И ОЙРАТОВ ДЖУНГАРИИ
С НОГАЙЦАМИ, ТУРКМЕНАМИ И КАЗАХАМИ В XVII–XVIII ВВ.**

Статья посвящена актуальной проблеме – анализу истории формирования взаимоотношений Калмыцкого и Джунгарского ханств с соседними степными мусульманскими тюркскими народами Центральной Азии в XVII–XVIII вв. на основе введения в научный оборот архивных материалов и разноязычных источников. Актуальность этого вопроса объясняется его ограниченной историографической традицией, т.к. по данной проблеме в современный период изданы отдельные работы. Кроме того, актуальность изучения указанной проблемы настоятельно требует междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. Целью работы является комплексная характеристика развития взаимоотношений между калмыками Поволжья и ойратами Джунгарии с одной стороны и степными мусульманскими народами с другой, что позволит пролить свет на драматические события, оказавшие столь важное влияние на исторические судьбы этих народов. Для достижения этой цели автор представил сведения по данной проблеме, почерпнутые из разных источников и подвергшиеся научному анализу в отечественной и зарубежной историографии. Избранные автором хронологические рамки исследования вполне отвечают поставленной задаче, поскольку позволяют проанализировать взаимоотношения с указанными соседними народами и их роль в истории калмыков и ойратов.

Ключевые слова: *Калмыки, ойраты, туркмены, ногайцы, казахи, Джунгарское ханство, Калмыцкое ханство, хунтайджи, Российская империя*

Благодарность: *Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России».*

A.Sh. Kadyrbaev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

**ON THE HISTORY OF RELATIONS OF THE KALMYKS OF THE VOLGA
REGION AND THE OIRATS OF DZHUNGARIA WITH THE NOGAIS,
TURKMEN AND KAZAKHS IN THE XVII–XVIII CENTURIES**

The article is devoted to an urgent problem i.e. the analysis of the history of relations between the Kalmyk and Dzungar khanates with the neighboring steppe Muslim Turkic peoples of Central Asia in the 17th–18th centuries based on the introduction of archival materials and multilingual sources into scientific circulation. The relevance of this issue is explained by its limited historiographical tradition since separate works have been published on this issue in the modern period. In addition, the relevance of studying this problem urgently requires interdisciplinary and civilizational-cultural approaches. The purpose of the work is a comprehensive description of the development of relations between the Kalmyks of the Volga region and the Oirats of Dzungaria on the one hand, and the steppe Muslim peoples on the other, which can explain the dramatic events that significantly impacted the historical destinies of these peoples.

To achieve this goal, the author presented information on this issue, taken from various sources and subjected to scientific analysis in Russian and foreign historiography. The chronological framework of the study chosen by the author fully corresponds to the task since it allows one to analyze the relationship with these neighboring peoples and their role in the history of the Kalmyks and Oirats.

Key words: *the Kalmyks, the Oirats, the Turkmen, the Nogais, the Kazakhs, Dzungar khanate, Kalmyk khanate, huntaiji, the Russian empire*

Acknowledgments: *The article was prepared as part of the implementation of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-18-20019 “Between East and West: civilizational and cultural development of Kalmyk society within pre-revolutionary Russia.”*

Актуальность указанной темы вызывается необходимостью осветить взаимоотношения калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии с их соседями – ногайцами, туркменами и казахами в XVII–XVIII веках, что сыграло важную роль в повороте исторических судеб всех этих упомянутых народов, в особенности, калмыков, чью роль в укреплении Государства Российского, когда калмыки столетиями были главной военной силой на южных его границах, сдерживая натиск орд Крымского ханства, ставившего под вопрос само существование русской государственности, трудно переоценить. К тому же, анализ общей картины состояния взаимоотношений калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии с указанными мусульманскими степными народами необходим для комплексной характеристики истории степных пространств Центральной Азии и Поволжья в эпоху великих потрясений для кочевых обществ калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии, произошедших в 1771 и 1759 годах и связанных с крахом государственности этих близкородственных народов. Изучение указанной проблемы имеет более чем вековую традицию. Во второй половине XIX – начале XX века в трудах А.И. Левшина – «Геродота казахской истории» [18], первого казахского ученого Ч.Ч. Валиханова [5], академика В.В. Бартольда [4], А. Диваева [6], а также в исследованиях советских, российских и казахстанских ученых И.Я. Златкина [9], В.А. Моисеева [20], С.Г. Агаджанова [1], В.В. Трепавлова [24], К. Аманниязова [2], И.В. Ерофеевой [8] представлены их ценные наблюдения о взаимоотношениях калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии со степными мусульманскими народами Центральной Азии – ногайцами, туркменами, казахами. Сведения о взаимоотношениях этих народов имеются в обобщающих трудах [10; 14; 12]. Следует обратить внимание на архивные материалы по данной теме, опубликованные в соответствующих сборниках [19; 13; 25], а также фольклорные произведения [15]. На современном этапе по данной проблематике опубликованы работы А.Ш. Кадырбаева, Е.А. Команджаева, В.Т. Тепкеева и Т.И. Султанова [11; 16; 23; 22]. Вместе с тем есть необходимость в насыщении работ дополнительными источниками, прежде всего, архивными материалами, и здесь поле исследований для последующих поколений ученых безгранично.

Взаимоотношения российских калмыков и ойратов Джунгарии с тюркскими кочевниками Центральной Азии

К середине XVII века меняется ситуация на границах и в пределах степей Центральной Азии. Если до этого времени угроза для степных мусульманских народов региона – ногайцев, казахов и туркмен – шла с востока от калмыков Джунгарии – ойратов, то теперь, после распада в 1627–1628 годах в Западной Монголии ойратского союза племен и откочевки части ойратов – племени хошоутов из его пределов в Тибет, а торгоутов, численностью около четверти миллиона человек, во главе с Хо-Урлюком и части дербетов и хошоутов в Нижнее Поволжье и создания ими в 40-х годах XVII века под российским протекторатом Калмыцкого ханства, положение становится угрожающим для ногайцев, туркмен, казахов и на западе [18, с. 69]. Калмыки Поволжья, опираясь на поддержку Московского государства, тревожат своими набегами ногайские и казахские кочевья между Уралом и Волгой, оттесняя ногайцев

в предкавказские степи. В свою очередь, ногайцы и казахи, теснимые с запада калмыками, усиливают проникновение на Мангышлак, заставляя его коренных жителей – туркмен – покидать эти земли и перекочевывать на юг, на территорию нынешнего Туркменистана, и на запад, на северный берег Каспийского моря и в предгорья Северного Кавказа, где и сейчас живут их потомки – ставропольские и астраханские туркмены. Отголоски этих событий сохранились в казахской народной памяти, в частности, в эпосе «Козы-Корпеш и Баян-сулу», повести о казахских «Ромео и Джульетте», где есть слова, посвященные происхождению одного из казахских родов: «Их род из страны туркменов был...» [15, с. 63-65]. Историк, хивинский хан Абу-л-Гази Бахадур, сообщает, что он три года до 1640 года жил среди туркмен племени эрсари около Дуруна, где ныне земли Туркменистана, которые за три года до появления в их кочевьях Абу-л-Гази были разорены и вытеснены калмыками Поволжья из Мангышлака. Только за год до прихода Абу-л-Гази они смогли обзавестись юртами. Затем через два года он отправился на Мангышлак, где оставалось тогда всего 700 разоренных туркменских семей, подчинившихся калмыкам Хо-Урлюка [12, с. 252]. В 1635 г. калмыцкие тайши, чье ханство находилось под протекторатом Московского государства в Нижнем Поволжье, напали на Мангышлак и насильно переселили часть его жителей туркмен на северный берег Каспийского моря, изгоняя оттуда ногайцев. В 1630-х годах туркмены были вытеснены с Мангышлака поволжскими калмыками. Хотя туркмены, выходя из Мангышлака, находились в зависимости от Калмыцкого ханства, отношения между ними не всегда были натянутыми и даже в 1656 г. по наущению своих туркменских подданных калмыки совершили набег на Дурун и Астрабад на враждебные последним туркменские племена, бывших подданными Персидской державы. По мере оставления ногайцами под натиском поволжских калмыков своих земель в Западном Казахстане, кочевья туркмен двигались из Мангышлака в северо-западном направлении, чему способствовали усилия поволжских калмыков подчинить их себе, а также истребительная политика ханов Хивы по отношению к туркменам в первой половине XVII в. Вплоть до 1771 года туркмены, выходя из Мангышлака, вынужденные под давлением Калмыцкого ханства перекочевать на северный берег Каспийского моря, находились в подчинении его правителей [2, с. 19-30].

После распада Ногайской Орды носители этнонима «ногай» вошли в состав почти всех соседних тюркских народов. Ногаями называли и называют северную группу крымских татар, для башкир и казахов в прошлом «ногай» – сибирские татары, для калмыков – башкиры и карачаевцы с балкарцами. В результате нескольких волн переселений в XVI–XVII вв. ногайский элемент прочно закрепился в составе казахского народа. Присутствие этого элемента было особенно заметно на западе Казахстана, где до начала XX века сохранялись группы ногай и мангытай. По некоторым поздним казахским преданиям, казахи происходили от подразделения волжских ногаев, бежавших от русских после завоевания теми Астраханского ханства. Несомненным стимулом для ассимиляции ногайцев в казахской среде послужило и то, что Младший жуз казахов целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Полное «растворение» части потомков ее жителей среди казахов произошло, видимо, в конце XVII – начале XVIII веков, когда казахи под натиском ойратов Джунгарии хлынули с востока в приуральские степи [1, с. 37; 24]. Но этому предшествовала консолидация ойратов в последнюю кочевую империю в истории Центральной Азии – Джунгарское ханство.

Еще в начале XVII в., нажив себе кровных врагов в лице ногайцев (мангытов) и казахов, испытывая натиск с востока со стороны халха-монголов, маньчжуров и китайцев, ойраты оказались в критической ситуации, выход из которой они попытались

найти в переговорах с казахами. В 1620 г. тайши отправили послов к казахскому хану Ишиму для заключения мира, но последний из-за того, что во время этих переговоров ойраты не прекратили свои набеги, предал послов смерти и двинул на ойратов своих воинов, перебив много ойратов. Ишим-хан продолжал нападения на ойратов до 1627 г., и в 1628 г. ойраты откочевали подальше от казахских владений [22, с. 245-246].

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойраты стали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. под предводительством Батура-хунтайджи создали Джунгарское ханство. Джунгарское ханство стало притяжением всех земель Монголии. Объединительные меры Батура сопровождались развитием городов, ремесел в подвластных джунгарам с XVII в. областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля. Но после смерти в 1653 г. Батура-хунтайджи ханство джунгар охватила многолетняя смута, что стоило им потери Халхи и земель в Кобдо, на Алтае и Урянхае (современная Тува), подчинившихся маньчжурам – повелителям Китая с 1644 г. [9, с. 15-40]. Эти обстоятельства заставили джунгар сплотиться и обратить свои взоры на запад, на казахские земли. А по времени эти события совпали с эпохой царствования в Казахском ханстве хана Тауке.

Время правления сына Джохангира Тауке-хана ассоциируется с «золотым веком» Казахского государства, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие». При правлении Тауке-хана число подвластных казахам «городков» в Присырдарье достигало 32. Основным местом его пребывания был город Туркестан [14, с. 311].

В сражениях с ойратами Тауке-хан умело командовал своим 80-тысячным войском и в войнах с Джунгарским и Бухарским ханствами приобрел славу знатока военного дела, человека отважного в бою, за что был удостоен своими подданными почетного титула «батыр» («герой, храбрец»). Хотя отдельные победы Тауке-хана над Джунгарским ханством не могли подорвать мощь ойратов. Тауке был последним ханом, власть которого признавалась во всем государстве. После его смерти подняли голову «келте ханы» – «мелкие ханы», и во всех трех жузах появились свои властелины [22, с. 255].

С начала XVII в. усиливается натиск ойратов Джунгарии на границы Казахского ханства, как и набеги калмыков Поволжья, однако при Тауке-хане Казахское ханство еще обладало достаточным уровнем обороноспособности, что позволяло ему противостоять захватническим замыслам правителей Джунгарского ханства. Но в конце XVII – начале XVIII вв. натиск джунгар на казахов нарастал. Война приняла жестокий и кровавый характер. Ойраты Джунгарии и калмыки Поволжья являлись опасным противником. Храбрые воины и великолепные всадники, они прекрасно владели оружием. Их отряды часто делали набеги на казахские кочевья, убивая их защитников, брали пленников, угоняли скот. Казахи не оставались в долгу и вели себя аналогичным образом.

В войнах с ойратами казахи к этому времени являлись обороняющейся от джунгарских набегов стороной. Хотя набеги ойратов в 1710–1711 и 1713 годах казахи отбили, вернули свои захваченные ранее ойратами кочевья, захватили в плен много ойратов и даже атаковали пределы Джунгарского ханства, то в 1717 г. 30-тысячное казахское ополчение под предводительством ханов Каипа и Абулхаира было разгромлено ойратами на реке Аягуз. Согласно источникам, весной 1718 г. войска ойратов «рубил казахов» около Туркестана у рек Бугунь, Чаян и Арысь [13, с. 24].

Ойраты Джунгарии имели очевидное военное преимущество, если сравнивать их военный потенциал с казахами, прежде всего, в отношении вооружения и военной организации. Данное обстоятельство во многом определялось географией и природным

месторасположением Джунгарии и, тем самым, выгодной военно-стратегической позицией ойратов. Более ограниченная, если сравнить с землями Казахского ханства, территория Джунгарии, плотность концентрации человеческого ресурса, способствовали большому сплочению и единству ойратского общества. Джунгарское ханство было способно производить собственное вооружение и военное снаряжение, все сферы жизни ойратского общества в основном были направлены на военные цели, а жесткая военно-административная система управления позволила создать и поддерживать жизнеспособность Джунгарского ханства в военном отношении. Что касается Калмыцкого ханства в Поволжье, то значимость его была в том, что поволжские калмыки стали главной силой в борьбе Московского государства, а затем Российской империи, против Крымского ханства, чьи набеги столетия держали в крайнем напряжении москвитов, и только калмыки смогли сдерживать натиск крымских орд и стоявшей за ними Османской империи, когда калмыки уничтожали целые османские гарнизоны в Приазовье и Причерноморье, а территория Калмыцкого ханства охватывала бывшие ногайские кочевья, часть из которых подчинилась калмыцкому хану, а часть ушла в подданство крымского хана. Являясь протекторатом Российской империи, калмыки Поволжья получали от нее современное по тем временам вооружение и военную помощь, а непрерывные войны с крымцами и османами, а также участие в войнах России со шведами и поляками давали им бесценный опыт ведения боевых действий, в чем казахи им явно уступали.

В 1723 г. джунгары заключили мир с маньчжурской династией Цин, правившей Китаем, тем самым обезопасив свои тылы с востока, и двинули свои войска в пределы Казахстана. Этот год и считается годом начала «Великого бедствия», в устных казахских преданиях именуемый «Ақтабан шубырынды», «Алкаколь-сулама». Застигнутые врасплох, казахи вынуждены были отступать, бросая скот, кибитки, имущество. Немало народу полегло под клинками джунгарских воинов, многие погибли при переправе через реки Талас, Боролдай, Арысь, Чирчик, Сыр-Дарью. Казахские роды бежали к Сыр-Дарье, считая, что только за ней можно чувствовать себя в безопасности.

Внезапность, численное превосходство на направлении главных ударов, наличие артиллерии, лучшая по сравнению с казахским ополчением военная организация джунгар, находившихся под единым командованием, обеспечили успех первоначального натиска ойратов. К тому же джунгарские военачальники выбрали удобный момент для нападения, когда казахские аулы находились на «кыстау» – зимовках на значительном удалении друг от друга и связь между ними была затруднена по сравнению с другими временами года. Удар был рассчитан таким образом, чтобы уничтожить сразу наиболее боеспособную силу казахского ополчения, избежав затяжной войны. Не желавших выразить покорность джунгары истребляли физически. «Такая же участь ожидала всех остальных киргиз-кайсаков (казахов). Стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли бы быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг», - писал знаток казахской истории А.И.Левшин [18, с. 69].

На запад, к Яику и Волге, хлынула новая волна казахских беженцев, о чем свидетельствуют донесения подданных России – калмыцких правителей российским властям, когда «кайсаки (казахи) от утеснения хунтайджи со своих мест сошли и пришли к реке Эмбе, которая не далее 300 верст от Яика» [18, с. 770]. А далее казахские роды уже подходили к самому Яику. «Меньшая Орда, дойдя до Эмбы, где была прежняя граница ее, не остановилась, но перешла на правый берег реки... достигла до Урала», - писал А.И.Левшин [18, с. 71]. Массовая миграция казахов в западном направлении привела к возникновению панических настроений среди кочующих между Уралом

и Волгой калмыцких тайшей. Например, наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук и владелец улуса Доржи Назаров писали губернатору Астрахани А. Волынскому: «И, собрався, идут на них, калмык войною в 30 тысячах и хотят их завоевать и теми местами, где они, калмыки, кочуют, завладеть» [10, т.3: 18]. Астраханский губернатор, в свою очередь, докладывал в Военную коллегию Российской империи, что, «ежели то правда, не надеются ни по которому образу, чтобы калмыки против кайсаков могли устоять» [10, т.3, с.19]. Новая волна пришедших на Урал казахов была настолько массовая, что возникла угроза существованию Калмыцкого ханства, о чем свидетельствует просьба калмыцких владетелей к российскому правительству о военной помощи для охраны своих летних кочевий на левой стороне Волги. Калмыки с помощью российских войск сохранили свои кочевья между Волгой и Уралом [13, с. 110-111].

Огромные потрясения, вызванные джунгарским нашествием, массовая потеря скота, главного богатства кочевников, привели к обострению хозяйственного кризиса, что еще более усилило противоречия среди правящей верхушки казахских жузов. Выходом из создавшегося положения мог быть лишь организованный отпор врагу, который в дальнейшем остановил бы экономический и политический распад казахских жузов.

Но казахские Чингисиды, ханы и султаны, на начальном этапе освободительной борьбы против Джунгарского ханства оказались не в состоянии организовать сопротивление врагу, поэтому борьбу за независимость возглавили представители военного сословия казахского общества, знати «черной кости» – батыры, положив начало объединенным действиям народных ополчений [7, с. 17]. Согласно источникам, казахи предпринимали попытки организованного сопротивления джунгарам уже в 1724 г. О чем сообщается в донесении астраханскому губернатору от 8 февраля 1725 года: «Из Бухары к Дорже Назарову прибыл караван и сказывали, что... понеже де прошедшим летом кайсаки (казахи – авт.), разделясь на четыре партии, ходили подкалмык, под башкирцев, под Бухары, под хунтайшу (хунтайджи) и во всех четырех партиях побиты» [19, с. 183]. Этот документ также показывает, что причиной военных неудач казахов было распыление их сил, когда необходимо было мобилизоваться перед лицом наиболее опасного врага – Джунгарского ханства. Другой документ конкретно сообщает: «Каракалпацкий и кайсацкий Абулхайр-хан, собрав войск своих пятьдесят тысяч, бился с хонтайшою (хунтайджи) и хонтайша де десять тысяч кибиток их разорил, и оставшиеся де сорок тысяч кибиток идут сюда для взятия калмыцких войск, а ныне де оные на реке Эмбы» [19, с. 184].

Организованный отпор Джунгарскому ханству в казахских степях начался с 1726 г., когда ополченцы всех трех жузов стали действовать под единым командованием. В юго-восточной части Тургайской степи, на берегах рек Буланты и Белеуты, к западу от реки Сарысу, в местности Кара-сиыр, получившей впоследствии название «Калмак кырылган» – «Место гибели джунгар», произошло большое сражение между казахским ополчением и джунгарскими войсками. В предании сообщается о том, что джунгарские воины «бежали на Белеуты – Буланты, понеся полный разгром, причем самая блистательная победа одержана киргизами (казахами) в местности Кара-сиыр». Эта первая крупная победа над войсками Джунгарского ханства подняла настроение народа, боевой дух казахских воинов, вдохновила на дальнейшую борьбу. Но задача освобождения казахских земель от джунгарских завоевателей на юге и востоке страны не была снята с повестки дня. Этим объясняется направление ханом Серединного жуза Семеке 6 ноября 1728 г. посольства к поволжским калмыкам для

мирных переговоров, чтобы, обезопасив свой тыл на западных границах, казахские предводители смогли бы сконцентрировать все свои силы для главного удара против войск Джунгарского ханства [6, с. 41].

Критической ситуацией на восточных рубежах делала необходимым объединение сил трех жузов. На курултае – народном собрании – главнокомандующим объединенного казахского ополчения избрали хана Младшего жуза Абулхаир. Хотя точная дата этого события неизвестна, можно предположить, что это произошло после 1728 г.

Огромную роль в организации отпора врагу сыграл хан Абулхаир, ставший во главе объединенных сил трех жузов, являвшийся одним из тех немногих вождей казахского общества, который в трагические времена «стонов и рыданий» не утратил присутствие духа. Волевой и смелый, обладавший военными и дипломатическими качествами, Абулхаир-хан и внешне внушал доверие людям, вверявшим свои судьбы ему как вождю. Рослый, плотного телосложения, красивый и мужественный, он обладал огромной физической силой и был весьма искусен в физических упражнениях и джигитовке. Никто из батыров, например, не мог превзойти его в натягивании тетивы самого тугого лука, подобно герою Гомера Одиссеею [7]. Под стать героическому образу своего хозяина был и знаменитый скакун Абулхаир-хана, о выучке и резвости которого ходили легенды не только в Казахской степи, подаренный им с щедростью, свойственной широкой натуре степняка, английскому путешественнику Джону Кэстлю [17, с. 109]. Велика была роль батыров Букенбая, Кабанбая, Тайлака, Саурыка, Малайсары, Джаныбека, сплотившихся вокруг Абулхаир-хана, именно их мужество и самопожертвование позволило выстоять в этой жестокой борьбе. И летом в раскаленный жар, когда от солнечного удара гибли кони и люди, и зимой в жестокую стужу, в степях, выцветших от жары или покрытых снегом и льдом, разыгрывались жестокие бои у хана Абулхаира с джунгарским хунтайджи. В отчаянных степных атаках, в рубке на всем скаку сходились здесь джигиты казахского ополчения с джунгарскими воинами. А во главе конных лав, атакующих боевые порядки джунгар, на бешеном карьере, рубя клинками направо и налево, неслись батыры... Особенно примечателен в этой связи образ батыра Букенбая (или Богенбая), знаменосца казахского войска. По свидетельству современников: «Слабые души... обнаружили свой страх... предлагали искать безопасность от милосердия хантайши (джунгарского правителя). Другие хотели оставить жилища свои и спастись бегством за реку Волгу, а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны и поколебали было постоянство многих, но известный в то время по храбрости Букенбай уничтожил сии предприятия» [18, с. 76]. Он призвал «употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови» [18, с. 77]. Согласно данным топонимики избрание Абулхаир-хана главным военачальником всего казахского ополчения произошло у горы Орда басы (Главная ставка), расположенной к западу от современного Чимкента. Следы дальнейшего маршрута воинов Абулхаира можно видеть в названиях урочищ «Улкен орда конган» и «Киши орда конган» в верховьях рек Боролдай и Кошкар-ата, а также в названии лога «Абулхаир». В казахских народных преданиях сохранились воспоминания об Анракайской битве в 120 км к юго-востоку от озера Балхаш в местности Анракай («Место стонов и рыданий джунгар»). Победа в Анракайском сражении была следствием объединения сил трех жузов, и произошло это событие в 1729 или весной 1730 года [20, с.55-112].

Джунгары после поражений были вынуждены отойти на восток в пределы собственно Джунгарского ханства. Тем не менее угроза очередного вторжения джунгар не была устранена, чему после Анракайской битвы способствовал разлад между

казахскими ханами, причины которого не отражены в источниках. Известно, что вскоре после сражения Абулхаир-хан поспешно откочевал на запад, к российским границам, а хан Абулмамбет, представлявший Серединный жуз, откочевал к ставке казахских ханов – городу Туркестану. Есть основания предполагать, что основной причиной раскола между казахскими ханами и султанами явилась борьба за верховную власть в Казахской степи. Главными претендентами на трон хана Казахского ханства были: от Серединного жуза – Абулмамбет и Семеке, от Младшего жуза – Абулхаир. А поскольку ханом избрали Абулмамбета, Семеке и Абулхаир сочли себя обойденными и удалились в пределы своих владений, что негативно сказалось сразу же на военных усилиях казахов против Джунгарского ханства [20, с. 52-121; 25].

К этому времени, в 1730-1731 годах, ойраты в трех сражениях разгромили маньчжуро-китайские войска, а в 1735 году джунгары после долгих переговоров заключили мир с маньчжурским богдыханом – повелителем Китая и напали на Старший жуз. Во второй половине 30-х годов XVIII века джунгарский хунтайджи Галдан-Церен готовил крупный поход в казахские степи, чтобы подчинить Серединный жуз, находившийся в это время под возрастающим российским влиянием. Весной 1739 г. 24 тысячи ойратских конников двумя ударными колоннами атаковали земли Серединного жуза. Казахи, занятые подготовкой к набегам на Калмыцкое ханство и башкир, оказались не готовы к отпору и не смогли отразить джунгарское вторжение. Во время этого похода ойраты «вырубили киргиз-кайсацких пять волостей... и пятьдесят тысяч овец отогнали» [18, с. 77].

В конце 1739 – начале 1740 г. ойраты осуществили новый набег, когда одна колонна ойратов двинулась на север вдоль рек Ишим и Тобол, а другая часть джунгарского войска атаковала присырдарьинские степи. Общее число джунгарских воинов в этом походе составляло 30–35 тысяч человек, и их план заключался в том, чтобы отрезать казахов на юге от Средней Азии, а на севере от линии российских укреплений, то есть от их потенциальных источников снабжения оружием. Казалось, ничто не могло остановить наступление ойратов. Но суровая зима расстроила джунгарские замыслы и спасла Серединный жуз от разгрома [3, с. 68].

Третий джунгарский поход против казахов состоялся во второй половине 1740 г. На этот раз предводители казахского ополчения встретили врага во всеоружии, заранее проведя боевую подготовку к отражению неприятеля. Упорные бои с переменным успехом между двумя сторонами продолжались до начала 1741 г. Получив заверения российских властей о невмешательстве в казахско-джунгарскую войну и о том, что отступающие под натиском джунгар казахские кочевья Серединного жуза не будут пропускаться за линию русских укреплений, в конце 1741 г. тридцать тысяч джунгарских воинов повели наступление на казахов по трем направлениям: по берегу Ишима, на Ташкент и на Туркестан. Джунгары оттеснили хана Серединного жуза Абулмамбета с его людьми за реки Илек и Урал, нанеся им ощутимое поражение. В ойратский плен попали многие казахские султаны и батыры, в том числе уже известный тогда военачальник султан Аблай, чье мусульманское имя Абиль-Мансур, впоследствии ставший ханом. Однако казахи нанесли поражение правому крылу джунгарских войск и стороны, истощенные войной, отошли на рубежи, занимавшиеся ими до начала военных действий. Так в мае 1741 г. закончилась последняя джунгаро-казахская война, длившаяся три года [20, с. 55-61].

Эти годы вошли в историю казахского народа как «годы Великого бедствия» – «Ақтабан шубырынды», оставив глубокий след в жизни и сознании казахского общества на долгое время. Ярким отражением и воплощением этих трагических страниц

казахской истории стали кюи (кюй – домбровский наигрыш у казахов) домбриста и композитора Байжигита «Ақтабан шубырынды» – «Годы Великого бедствия», «Кайынсауған» – «Доение березы» (сок которой спасал от голода) и песня неизвестного автора «Елим-ай» – «Родина моя».

Лишившись в результате джунгарского нашествия богатых пастбищ в Семиречье, казахи понесли немалые материальные и людские потери. Предполагается, что после «Ақтабан шубырынды» казахи потеряли треть своего населения. Были нарушены веками установившиеся маршруты кочевков на всей территории Казахстана. Вытеснение джунгарами казахских родов на западные и северо-западные границы Казахстана осложняло вопрос о кочевых пространствах между Уралом и Волгой, привело к постоянным столкновениям с яицким казачеством и калмыками, за которыми стояла могущественная Российская империя. Нашествие джунгаров ослабило хозяйственно-политические связи между жузами. Такое положение способствовало дальнейшему усилению раздробленности Казахстана.

Джунгарское нашествие оставило глубокий след в социальных отношениях казахского общества. Опустошение и разорение страны увеличили число бедных. Многие из них бежали на север и запад Казахстана к русским границам. В эпоху непрерывных войн возросло влияние военного сословия – батыров и могущество казахских ханов, в первую очередь, определялось силой и числом преданных им батыров. Сложными оставались взаимоотношения казахов с российскими подданными – Яицким казачьим войском и Калмыцким ханством, башкирами. Добиться мира на западных границах Казахстана стало одной из главных внешнеполитических задач казахских ханов. Это было крайне необходимо, чтобы развязать руки в борьбе с главным противником – Джунгарским ханством. Таковы были предпосылки последующих событий XVIII в., в итоге приведших к потере независимости сначала Младшим жузом, а затем другими жузами, и превращению Казахстана в колонию Российской империи.

В 1759 году под натиском империи Цин пало Джунгарское ханство, большинство кочевого населения которого – ойраты – были вырезаны маньчжуро-китайскими войсками, что потрясло вчерашних врагов джунгар – казахов и киргизов, оказавших их последнему хунтайджи Амурсане военную помощь в своих кочевьях, когда цинские войска вышли на границы Казахских степей, сокрушив последнюю в истории Центральной Азии кочевую империю.

Но последним актом драмы калмыков стали события 1771 г. в Поволжье, когда молодой правитель Калмыцкого ханства Убаши из-за конфликта с властями Российской империи, вызванного наступлением на права калмыцких ханов и усталостью калмыцкого общества от войн с соседями – Крымским ханством и Османской империей, куда постоянно втягивали калмыков российские имперские власти, откочевал с большинством подвластных ему калмыков из Нижнего Поволжья на родину предков в Джунгарию и Западную Монголию. При этом подвластные Убаши туркмены были уведены им из владений Российской империи, но часть из них смогла оторваться от калмыков и вернуться. Другая их часть попала в плен к хану казахов Аблаю, который по наущению российских властей напал на людей Убаши, чей путь возвращения в Джунгарию лежал через казахские степи, что стоило жизни многим калмыкам, немногие из которых дошли до исторической родины.

Таким образом, исходя из сказанного выше, невозможно представить историю калмыков Поволжья, равно как и историю ойратов Джунгарии вне связей со степными тюркскими мусульманскими народами – ногайцами, туркменами и казахами, какими бы неоднозначными они ни были, о чем и свидетельствуют разноязычные

источники. Не все в истории взаимоотношений калмыков и ойратов с мусульманскими степными народами было гладко, мирные времена и культурные связи сменялись войнами и набегами. Однако все эти темные и трагические события в истории их взаимоотношений, тем не менее, не привели к антагонизму между калмыками и ойратами с одной стороны и ногайцами, туркменами и казахами с другой. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с эпосами и преданиями мусульманских степных народов, где нет неприязни, а тем более ненависти к калмыкам и ойратам, называемых общим именем калмык или калмак, и если есть отношение к ним как к противникам на поле брани, то как к достойным врагам, доблесть которых заслуживает уважения, не говоря уже о том, что в этих эпосах воспевается красота калмыцких женщин, ставших женами казахских ханов. Все эти народы разделили общую историческую судьбу, став подданными сначала Российской империи, а затем Советского Союза, что способствовало взаимопроникновению их культур, и этот процесс продолжается и поныне уже в других исторических условиях. Войны между ними канули в лету, а их отношения вышли уже на другой уровень.

Список литературы

1. Агаджанов С.Г. Ногайцы и туркмены. Исторические и этнокультурные связи // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала: Б.м., 1993. – С. 36–42.
2. Аманниязов К. Туркмены Мангышлака. – Алматы: Б.м., 2004. – 143 с.
3. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Гылым, 1998. – 280 с.
4. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. – СПб.: тип. «Сел.вестн.» 1914. – 174 с.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – 2-е изд. Доп. и переработанное. – Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985. Том 1. 1984 – 432 с. Том 2. 1985. – 416 с. Том 3. 1985. – 416 с. Том 4. 1985. – 461 с. Том 5. 1985. – 528 с.
6. Диваев А. Мавзолей Кок-Кесене. Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, год 10. – Ташкент: Б.м., 1905. – С. 41–44.
7. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы: «Санат», 1999. – 334 с.
8. Ерофеева И.В. Институт батыров в структуре военной организации казахов-кочевников // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. – Алматы: LEM, 2010. – С. 322–352.
9. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
10. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в 5 томах. Том 3. – Алма-Ата, «Гылым», 1979. – 544 с.
11. Кадырбаев А.Ш. Памятники степного права «Жеты-жаргы», «Их цааз», «Цааджинбичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica*. 2016. Т. 17. С. 30–34.
12. Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. Страна от Кара-Кум до предгорий Копет-Дага. Очерки истории Туркменистана с древнейших времен до начала XXI века. Серия «История стран Центральной Азии». – М.: ООО «УгрешаТ», 2021. – 448 с.
13. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сборник документов и материалов / Акад. наук КазССР. Центр. гос. архив КазССР. – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. – 743 с.

14. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: «Рауан», 1992. – 378 с.

15. Козы-Корпеш и Баян-сулу. – Алма-Ата: Жазуши, 1968. – 102 с.

16. Команджаев Е.А. Защита интересов Российского государства при образовании государственности калмыцкого народа // В сборнике: Интересы в праве. Жидковские чтения. материалы Всероссийской научной конференции. Российский университет дружбы народов; Ответственный редактор М. В. Немыгина. 2017. – С. 510–517.

17. Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга кАбулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / пер. с нем. В. Штаркенберга. Алматы: Жибекжолы, 1998. – 152 с.

18. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Часть 1. Известия географические. – 264 с. Часть 2. Исторические известия. – 333 с. Часть 3. Этнографические известия. – 304 с.

19. Материалы по истории каракалпаков. Сборник. – М.,-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 299 с.

20. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв.– Алма-Ата: «Гылым», 1991. – 238 с.

21. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений).– Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – 175 с.

22. Султанов Т.И. Казахи. Судьба народа и судьба страны в средние века. Алматы. «Дайк-Пресс». 2020. – 344 стр.

23. Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время.– Элиста, КалМНЦ РАН, 2018. – 359 с.

24. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.– М.: Изд-во «Восточная литература» РАН. 2001.– 752 стр.

25. Цинская империя и казахские ханства (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.) / сост.: К.Ш. Хафизова, В. А. Моисеев; ред. кол.: А. К. Избаиров, В. С. Зикирбаева, З. Е. Кабульдинов и др. [2-е изд. (испр. и доп.)]. – Нур-Султан : [Б. и.], 2020. – 344 с.

П.М. Кольцов¹, С.К. Хойт²

¹*Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

²*Центр поддержки общественных и научных инициатив, Элиста*

АДАПТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ ОЙРАТ-КАЛМЫКОВ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10065
«Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков
в ритуальных и коммеморативных практиках»*

Настоящая статья посвящена адаптивным способностям европейских ойрат (калмыков) в период с XVIII по XX вв. В работе приводится обзор источников, содержащих антропологическую информацию о различных ойратских группах. Подавляющее большинство работ XVIII-XIX вв. является библиографической редкостью.

Используемые в статье свидетельства можно сгруппировать в несколько блоков: физическое воспитание детей, терморегуляция, физическая сила и выносливость, искривление ног, различные виды сенсорной чувствительности (зрительная, слуховая, вкусовая), восстановление тканей, общее состояние здоровья.

В целом, несмотря на фрагментарность и преимущественно описательный характер данных, они показывают картину крайней приспособленности к среде обитания у волжских ойрат XVIII-XIX вв. Комплекс адаптаций делал возможным оптимальное или, вероятно, даже комфортное существование в различных климатических и географических зонах. Эти адаптации крайне редко наблюдаются у современных калмыков, живущих в городских условиях. Для выяснения причин подобного явления необходимо провести сравнительные исследования современных калмыков с представителями других ойратских групп в Монголии и Китае, ведущих как сельский, так и городской образ жизни.

Ключевые слова: ойрат, калмыки, адаптация, антропология, морфология, физиология.

P.M. Koltsov¹, S.K. Khoit²

¹*Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov*

²*Center for Promoting Social and Research Initiatives, Elista, Russia*

ADAPTIVE ABILITIES OF THE OYRADS

*The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-28-10065
“The modern structure of ethnic, religious and civic identity of Kalmyks in ritual and commemorative practices”*

This work is a continuation of the review of sources of the XVIII-XIX centuries, containing anthropological information about various Oyrad groups. In particular, in the article provides information on the adaptive abilities of European Oyrads (Kalmyks) in this period. Now the overwhelming majority of these works is a bibliographic rarity.

Founded evidence can be grouped into several blocks: physical education of children, thermoregulation, physical strength and endurance, curvature of the legs, various types of sensitivity (visual, auditory, taste), tissue repair, general state of health (health status).

In general, despite the fragmentariness and mostly descriptive character of the data, they show a picture of extreme fitness of the Volga Oyrads of the 18th and 19th centuries to the environment. The complex of adaptations made possible an optimal or probably even comfortable existence in different climatic and geographical areas. These adaptations are not observed in modern Kalmyks living in urban conditions. In this regard, it would be topical to produce a comparative studies of modern Kalmyks and other Oyrad groups in Mongolia and China, living by urban and old style of life.

Key words: oirat, kalmyks, adaptation, anthropology, morphology, physiology.

Ойрат-калмыки на протяжении многих столетий кочевали в наиболее аридных областях Евразии, демонстрируя тем самым физиологию выживания в экстремальных природно-климатических условиях. Специальных исследований по физиологии ойрат-калмыков не проводилось, но есть определенная информация об их антропологических данных в публикациях авторов XVIII–XIX вв., которая включала, помимо прочего материала, описание внешности. В XX в. о физических данных калмыков писали Чебоксаров Н.Н. [20], Левин М.Г., Трофимова Т.А. [12], Ашилова Д.О. [1; 2; 3], Эрдниев У.Э. [21] и др. Из современных исследователей об антропологических данных ойрат и главным образом их западной ветви, известной под именем калмыки, писали С. Хойт [18; 19], Есенова Т.С. и др. [9].

В настоящей статье рассматриваются морфологические, физиологические и поведенческие аспекты адаптации калмыков к внешним условиям. Хотя свидетельства этих адаптаций, по большей части, не носят характер антропологических описаний и измерений, свойственных работам физических антропологов XX в., ценность их от этого не уменьшается. Исследователи XIX в. описывали их, как правило, попутно, при описании жизни и быта. Для облегчения восприятия встреченные свидетельства сгруппированы в несколько блоков.

Физиология женщины

Интересная информация о материальной и духовной культуре калмыков содержится в работах И.В. Бентковского, человека разносторонне одаренного, органично сочетавшего работу секретаря Ставропольского губернского статистического комитета с научными изысканиями в области истории, этнографии, статистики, картографии, метеорологии и экономики Северного Кавказа.

В 60-е годы XIX в. И.В. Бентковский совершает рабочие поездки по восточным окраинам Ставропольской губернии, включая хотоны Большедербетовского улуса, где собирает значительный этнографический материал по калмыкам. Впоследствии он публикует их в виде серии научных статей, которые содержат информацию о жилище, одежде, семейном быте и воспитании детей, включая религиозные ритуалы и обычное право [5].

Для нашего исследования большой интерес представляют данные по воспитанию детей и физиологии женщины-калмычки [6].

Описывая физический портрет женщины, И.В. Бентковский обращает внимание не только на общие контуры внешнего облика, но и на мелкие детали. Например, он пишет: «Тип этот, начиная с почти плоского овала лица, с широко выдавшимися скулами и приплюснутым носом, переходит до ногайского типа с кавказским оттенком (явный признак метисации). Узкие, немного вкось расположенные глаза, совершенно открытые и всегда черные как смоль; щеки, покрытые более или менее ярким и неподдельным румянцем кровавого цвета, который не оставляет лица калмычки иногда до глубокой старости; рот, хотя несколько широкого разреза, но нельзя сказать, чтобы не гармонировал с овалом лица (нередко, впрочем, можно встретить женщину с маленьким ротиком)» [6, с. 141–142].

Физический облик женщины включает также данные о ее фигуре и росте. И.В. Бентковский сообщает, что «калмычки большей частью бывают высокого роста, низкорослых, горбатых, хромых как между ними, так и между мужчинами, вовсе нет. Стройный стан, при широкой груди, дает себя заметить, несмотря на покрыв одежды, не обнаруживающий талии. Естественные выпуклости груди не очень развиты. Калмычки не имеют расположения к тучности, но нельзя сказать, чтобы были и сухого сложения. Ноги только кажутся малыми, а руки созданы только для тяжелого труда».

В то же время исследователь делает важную ремарку «у женщин высшего класса как руки, так и ноги попадаются очень маленькие» [6, с. 142].

Необходимо отметить также присутствие в описании внешнего облика женщины литературного стиля, включающие образные сравнения, такие как: «губы несколько толстые, но всегда кораллового цвета, скрывающие ровные и белые, как слоновая кость, зубы, долго сохраняющие прочность и белизну; уши немного большие и отвислые; общее выражение лица слишком спокойное и серьезное для улыбки, но полные жизни глаза, с избытком пополняющие этот недостаток; цвет кожи – имеющий свойство не загорать, хотя на других загар после многих оттенков переходит в медно-красный цвет, довольно редко встречаются лица матовой белизны» [6, с. 141–142].

Интересным является также наблюдение И.В. Бентковского за тембром голоса, который, по его мнению, меняется в зависимости от социального положения человека. В частности, он писал: «калмычка одарена сильным и резким голосом, только немногие из высших представителей племени отличаются чистым, ровным и нежным голосом» [6, с. 142].

Таким образом, по описанию И.В. Бентковского, физиологический портрет женщины-калмычки Большедербетского улуса демонстрирует силу, здоровье и энергию, свойственную степным кочевым народам.

Физическое воспитание детей

Во время пребывания в Большедербетовском улусе И.В. Бентковский собрал интересную информацию по физическому воспитанию детей, которую в 1879 г. ввел в научный оборот [4]. Важность подобного исследования была по достоинству оценена научным сообществом при Императорском Обществе естествознания, антропологии и этнографии. В качестве награды И.В. Бентковскому была вручена бронзовая медаль.

В описании по уходу за детьми и их воспитанию встречаются целый ряд примеров, которые были удивительны для европейского человека. Прежде всего, И.В. Бентковский отмечает зависимость калмыка от резко континентального климата с его перепадами температур от + 25° и до – 20°, начиная со дня рождения и далее на протяжении всей жизни. Несмотря на экстремальные природные условия, уход за кожей лица и рук не отличался разнообразием.

Процедура ухода за новорожденным была следующей: ребенка купали в теплой воде, в которую добавляли соль, ладан, толченный сандал и другие травы. Для дезинфекции пуповину смазывали курдючным салом или свежим маслом. Предохраняя кожу младенца от опрелости, ее обрабатывали порошком от жженой глины из-под очага, что напоминает современный аналог присыпки из талька и цинка оксида.

Очень подробно описана люлька – *улгэ (юльге)*. Основное отличие ее конструкции от подобных изделий других народов заключалось в наличии *цорго* – трубки, которая проходила через дно люльки и выводила мочу ребенка. Ребенок в пеленках или молодых овчинках лежал на тюфячке, набитом шерстью или войлоком. Ногами он охватывал *цорго*.

Питание младенца было не только разнообразным, но и с элементами экзотики, с точки зрения европейца. Помимо молока матери (кормление грудью длилось до полутора лет), ребенку давали вместо соски бараний хвост или волчье сало. Объяснялось это так: в первом случае курдючное сало (бараний хвост) «будто бы, производит очищение желчи»; во-втором, волчье сало «сделает человека (мальчика) смелым и храбрым». Начиная с полугода ребенок получал дополнительное питание из обычной пищи в виде

бульона из мяса (*шөлүн*), кипятка, приправленного мукой и салом (*будан*), калмыцкого чая и мяса. Приучали также обглаживать кости. В рационе кочевника-калмыка практически отсутствовал хлеб, который изредка поставляли русские.

Причины искривления ног у ребенка И.В. Бентковский объясняет отсутствием пеленания младенца, а также специфическим устройством колыбели и нетрадиционным способом нянчить ребенка. В колыбели ребенок охватывает ногами *цорго* – трубку. Беря ребенка на руки, калмычка усаживает его на левый бок, поддерживая при этом рукой. В такой позиции ребенок обхватывает бок матери ногами. Таким образом, во всех случаях ноги ребенка принимают О-образную форму, что ведет к деформации костей.

Сидеть, ползать и ходить дети начинают рано, особенно летом, зимой же их пространство ограничено. По мнению И.В. Бентковского, эти способности развиваются «въ дѣтяхъ сами-собою, безъ искусственнаго приучиванія матерей, которымъ часто и не до того, да въ кибиткѣ и негдѣ этимъ упражняться. Природа въ этомъ отношеніи единственный учитель и помощникъ калмыцкихъ матерей. ...»

Калмыки (богатые, конечно, во-всеѣмъ и вездѣ составляютъ исключеніе) лѣтомъ не одѣваютъ своихъ дѣтей до 6, а иногда до 8 лѣтъ. Нагіе и почти нагіе дѣти бѣгаютъ и рѣзвятся лѣтомъ, а зимою, плохо одѣтые, прячутся какъ сурки въ родительскіе шубы, кошмы и во-что попало, или грѣются у пылающаго среди кибитки огня, въ ожиданіи какой-нибудь скудной трапезы и всего чаще будана. Вольныя – какъ широкая степь, рѣзвыя – какъ лѣтній вѣтерокъ, кроткія – какъ домашніе звѣрки, калмыцкія дѣти, привыкнувъ съ самаго рожденія къ терпѣнію, легкой и удобоваримой пищѣ, ко всѣмъ переменамъ погоды и во всѣ времена года, переносятъ въ послѣдствіи самыя рѣзкія атмосферическія крайности съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостью» [4, с. 1–3].

В заключение данного обзора исследователь делает вывод, что ультраспартанская система калмыцкого воспитания детей вполне логична. Иная система воспитания в столь сложных природно-климатических и материальных условиях не позволит детям достичь желаемой физической формы.

Терморегуляция

В качестве свидетельств «спартанского» воспитания калмыцких детей И.В. Бентковский [4, с. 3–4] приводит показательные случаи терморегуляции, когда в холодные времена года они обходились без теплой одежды, иногда и вовсе были нагими. Во время рабочей поездки по калмыцким хотонам И.В. Бентковский подарил женщине-калмычке ситец для ребенка, который ходил совершенно голым и периодически грелся у очага. В очередной свой визит в хотон исследователь вновь увидел голого малыша, на вопрос, отчего он голый, мать отвечала, что «сшила рубашку и надела, он в тот же день ее сорвал – говорит, что в рубашке ему холоднее».

Другой случай произошел во время поездки И.В. Бентковского с молодым проводником калмыком по незнакомой дороге. Сильный дождь, а также быстро наступившие сумерки заставили путников заночевать в степи. Если И.В. Бентковский лег в тарантасе, укрывшись фартуком и зонтом, то проводник, напротив, разделся донага, спрятав одежду под зонтом, лег под повозку. Дождь шел всю ночь, и проводник сильно замерз, но упорно отказывался лечь в тарантасе. Утром он оделся в сухую одежду и, чтобы согреться, выпил «добраго» стакана водки. «Запрягши лошадей, они поехали. После второго стакана парень повеселел и уверял, что если бы он не разделся, то одежда была бы мокрая, и он мог бы простудиться...» [4, с. 5].

Физическая сила и выносливость

Свидетельства физической силы и выносливости калмыков можно встретить у Н. Нефедьева, который выезжал в калмыцкие улусы в течение 1832 и 1833 гг. В частности, он писал: «Въ доказательство необыкновенной силы Калмыковъ можно привести и то, что они, нанимаясь въ Астраханской губерніи для разъѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, нерѣдко въ продолженіе цѣлыхъ дней, безъ отдохновенія и пищи, работаютъ веслами и, не чувствуя изнуренія, преодолеваютъ порывы вѣтровъ или быстроту течения, будучи при томъ палимы солнцемъ и терзаемы безчисленнымъ множествомъ комаровъ. Труды сіи возбуждаютъ общее удивленіе, и многіе здѣсь, чтобы выразить твердость Калмыковъ, въ шуткахъ называютъ ихъ водяными лошадьми» [15, с. 131].

Любопытное описание условий жизни и работы табунщиков оставил писатель и публицист рубежа XIX–XX вв. В.А. Гиляровский:

«Целыми сутками, день и ночь, стоят три-четыре калмыка перед табуном, уговаривая и окликая его. Если долго не идет смена, калмыки по несколько суток проводят в седле, питаются мерзлой кониной и иногда засыпая на лошади.

Проведя такую работу, калмык сменяется и добирается до *джулума* (*жолм*). Это маленькие кибитки при табунах, специально для табунщиков. Зачастую калмыка, заоченелого, снимают с лошади, затем снимают застывшее платье, все сшитое шерстью вовнутрь, к голому телу. Ему подносят деревянный ковш горячего конского сала из непрерывно кипящего котла. Он выпивает, согревается и, через несколько часов богатырского сна в джулуме он снова на коне перед табуном» [8, с. 131].

Искривление ног

Помимо Н. Нефедьева и И.В. Бентковского, на характерную черту внешнего облика калмыка в виде О-образного искривления ног указывали такие авторы, как П.И. Небольсин [14], И.Г. Георги [7], И.И. Лепёхин [13], Е.А. Покровский [17], А.А. Ивановский [11].

Еще в конце XVIII в. И.Г. Георги писал, что ноги у калмыков в коленях «выгибисты» не от природы, а от «сиденья, въ присядку, и отъ всегдашней верховой ѣзды» [7, с. 9].

Также Георги отмечал телесную силу калмыков, которая давала им преимущество перед другими кочующими народами. Описывая внешние данные калмыков, он указывает на средний рост, стройный стан и искривленные ноги, которые делают их походку неловкой. Далее исследователь пишет: «За то верхомъ на лошади, онъ гораздо тверже, нежели на ногахъ, и даже тотъ изъ нихъ, кто пьяный не сделаетъ шагу не упавши, никогда не свалится съ лошади, если его посадятъ на нее. Женщины ихъ въ наѣздничествъ столь же искусны, какъ и мужчины» [7, с. 130, 132].

О воспитании детей у калмыков и о причинах кривизны их ног писали также Е.А. Покровский в своей статье «О первыхъ приемахъ воспитанія у разныхъ народовъ» [17, с. 263–264] и А.А. Ивановский в своей монографии, посвященной одной из азиатских ветвей ойрат. Причем Ивановский считает, что утверждение исследователей (в данном случае Покровского) относительно сильной кривизны ног у калмыков и их неуклюжей походки сильно преувеличены [11, с. 262–264].

Среди физиологических данных калмыков исследователи отмечают также зрительную, слуховую, вкусовую и др. О способности калмыков видеть на большие расстояния писал П.С. Паллас: «какъ извѣстно, еще в 1776 г. замѣтилъ в своихъ путешествіяхъ чрезвычайную дальноркость калмыковъ» [11, с. 272–273; 16].

Подобное наблюдение встречается также у Нефедьева, отмечавшего, что «Калмыкъ безошибочно объяснить подробности едва мелькающего признака; но жаль, что дымъ, причиняя глазныя боли, вредить сей дальноркости» [15, с. 130].

Группу калмыков из 22 человек осматривал в 1884 г. гамбургский глазной врач Котельман, который пришел к выводу, что у калмыков «самая высокая степень остроты зрѣнія изъ до сихъ поръ извѣстныхъ у челоуѣка. Значительное большинство изслѣдованныхъ субъектовъ были гиперметропы, меньшинство – эметропы и ни одного міопа (т.е. близорукого)» [23; 11, с. 272–273].

Восторженные отзывы об остроте зрения у калмыков оставил Бенджамин Бергман. В частности, он подчеркивал: «Благодаря острому глазу эти кочевники лучше всяких инженеров могут определять расстояния на местности и направлять пушки. Для пехоты они не годились бы, а вот для конной артиллерии лучше калмыков никого нет. Кто знает их ловкость, зоркие глаза и наблюдательность, которыми одарила их природа, тот согласится с моими утверждениями» [22, с. 196–197].

Также Б. Бергман обратил внимание на такие качества калмыков, как выживаемость, которая достигалась за счет специфического подхода к рациону питания во время похода и военного противостояния. В оригинале это звучит так: «Дойдя до границы врага, калмыки принимают решение есть как можно меньше. Кусочек мяса, величиной с кулак, делят на три дня. У кого нет мяса, поджаривают на огне кусочек свежей кожи и жуют ее. В день сражения пьют только мясной бульон, не прикасаясь к мясу. Калмыки утверждают, что при таком рационе дольше выдерживают трудности и не так страшны опасности. «Наш желудок из-за небольшого количества еды меньше растянут. Вражеские пули не так страшны. После ранения быстро заживают», – говорят они. Тому подтверждение многочисленные примеры прострела кишок и их скорейшее выздоровление» [22, с. 195].

О слуховых и вкусовых качествах кочевников И.А. Житецкий писал так: «Не менѣе тонокъ и слухъ степнаго обитателя, который слышитъ лай собакъ тамъ, гдѣ поражается абсолютной тишиной пустыни. Но особенно обращаетъ вниманіе тонкость вкуса, или точнѣе – тонкость вкусовой наблюдательности ... въ случаяхъ необходимости опредѣлить мѣстонахождение въ степи въ темную ночь, – степняки ... если нѣтъ возможности опредѣлить мѣстность даже по характеру растеній, узнаютъ урочища по вкусу почвы...» [10, с. 32–33].

Несколько иного мнения о вкусовых качествах калмыков был И.Г. Георги: «Осязаніе и вкусъ ихъ тупы, но обоняніе, зрѣніе и слухъ чрезвычайно остры» [7, с. 9]. Каких-либо фактов относительно «тупого осязания и вкуса» исследователь не привел, поэтому оставим данное заявление без комментариев.

В заключение следует привести свидетельство об общем состоянии здоровья калмыков, красочно описанное в первой половине XIX в. Н. Нефедьевым. Среди прочих свидетельств о состоянии здоровья калмыков он приводит такое любопытное наблюдение: «Кочевая жизнь съ младенчества сообщаетъ тѣлеснымъ силамъ ихъ особенную крѣпость, а врожденная безпечность, праздность и всегдашнее спокойствіе духа, дополняютъ средства къ достиженію глубокой старости. Проѣзжая почти всѣ улусы, я всюду находилъ большое количество стариковъ, изъ коихъ 70-ти и даже 80-ти лѣтніе, по наружности и твердости ихъ, кажутся не старѣе 50-ти или 60-ти лѣтъ» [15, с. 125–126].

Несомненно, что описанные культурные, морфологические и физиологические адаптации к среде обитания были результатом жесткого отбора. Люди, прошедшие непростой жизненный путь и достигшие 70-80-и лет, имели зачастую неплохое здоровье.

Если сравнить физические возможности калмыков XVIII–XIX вв. с физическими возможностями современных калмыков, в значительной мере представляющих

урбанизированное в нескольких поколениях население, то сравнение будет не в пользу последних.

Однако и в наши дни встречаются группы людей, чья производственная деятельность связана с отгонным скотоводством, которое по образу жизни сближает их с калмыками XVIII–XIX вв. Это значительная часть современных ойрат и других монгольских групп Монголии, Северо-Западного и Северного Китая, чьи адаптивные способности изучены еще недостаточно хорошо. За последние десятилетия наблюдается тенденция к переходу определенной части сельского населения к городскому образу жизни. В связи с этим, актуальность изучения изменений комплекса морфолого-физиологических адаптаций среди различных ойратских этнических групп, которые еще 200–300 лет назад составляли собой единую этническую общность, значительно возрастает.

Список литературы

1. Ашилова Д.О. К истории изучения антропологии калмыков // Ученые записки. Вып. 8. Серия истории.– Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1969.– С. 207–214.
2. Ашилова Д.О. Антропологическая характеристика современных калмыков // Советская этнография, 1971. №5.– С. 61–74.
3. Ашилова Д.О. Этническая антропология калмыков.– Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976.– 215 с.
4. Бентковский И.В. О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. 1879. № 9–10.– С. 1–6.
5. Бентковский И.В. Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1868. Выпуск 1. С. 82–104.
6. Бентковский И.В. Женщины-калмычки Большедербетовского улуса в физическом, религиозном и социальном отношении // Сб. стат. свед. о Ставропольской губернии. Вып. 2. – 1869. – С. 141–167; Вып. 3. – 1870. – С. 95–119.
7. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также История о Малой России и купно о Курляндии и Литве.– СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. Ч. 4.– 385 с.
8. Гилярковский В.А. Сочинения в четырех томах. Том 1. Мои скитания. Люди театра.– М.: Директ-Медиа, 2014.
9. Есенова Т.С., Харчевникова Р.П., Есенова Г.Б. Антропологический портрет калмыка // Вопросы психолингвистики. 2017.– С. 62–73.
10. Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки. – Астрахань, 1892. – 214 с.
11. Ивановский А.А. Монголы-торгоуты // Изв. Имп. общества Любителей Естественн., Антроп. и Этногр. Томъ LXXI. Труды Антропологического Отдѣла. Томъ XIII. Добавленіе къ Дневнику Антропологического Отдѣла 1891 года. Москва. Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1893.
12. Левин М.Г., Трофимова Т.А. Калмыки. Краниологический очерк // Антропологический журнал. 1937. № 1.– С. 54–67.
13. Лепёхинъ И.И. Дневныя записки путешествія, 1871. цит. по Ивановскій, 1893.
14. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Карл Крайа, 1852. – 190 с.

15. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Карл Крайа, 1834. – 287 с.

16. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи.– СПб., 1773. Ч. 1. – 455 с.

17. Покровский Е.А. О первых приемах воспитания у разных народовъ. «Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи», т. XXXV, ч. 1, вып. 1, 2, и 3. “Антропологическая выставка”, т. III, ч. 1, стр. 135. цит. по Ивановскій, 1893.

18. Хойт С.К. Антропологические характеристики калмыков по данным исследователей XVIII-XIX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография. № 1.– Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – С. 220–243.

19. Хойт С.К. Калмыки в работах антропологов первой половины XX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография. № 3. – Элиста: Изд-во КГУ, 2012. – с.215–245.

19. Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного улуса // Антропологический журнал. 1935. № 1.– С. 21–62.

20. Эрдниев У.Э. Калмыки. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985.– 282 с.

21. Bergmann's B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga. 1804.

22. Kotelmann L. Die Augen von 22 Kalmücken. “Zeitschrift für Ethnologie”, 1884. цит. по Ивановскій, 1893, с. 272–273.

А.Н. Команджаев¹, В.Т. Тенкеев²

¹*Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова*

²*Калмыцкий научный центр РАН*

**«ИЗВЕСТНО НАМ, ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРИЮ,
НАШЕМУ ЦАРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ЧТО В СМУТНОЕ ВРЕМЯ,
КОТОРОЕ БЫЛО В АСТРАХАНИ, ТЫ, ПОДДАННОЙ НАШ,
С ВОЙСКОМ СВОИМ НАМ, ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРИЮ, СЛУЖИЛ ВЕРНО
И РАДЕТЕЛЬНО». ГОСУДАРЕВА ГРАМОТА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА
К КАЛМЫЦКОМУ ХАНУ АЮКЕ 1707 г.**

В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к личности калмыцкого хана Аюки и всему письменному наследию русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. Поэтому в настоящей статье впервые публикуется полностью текст государевой грамоты Петра Алексеевича к калмыцкому хану Аюке 1707 г. Целью работы является введение в научный оборот новых письменных свидетельств русско-калмыцких отношений в петровский период. Основной источниковой базой для данной работы послужили материалы Российского государственного архива древних актов, где отложились уникальные документы, касающиеся переписки калмыцкого хана с русским царем. Публикация подобных документов внесет серьезный вклад в изучение русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. В документе упоминаются довольно интересные сведения о военно-политической ситуации на южном порубежье Российского государства в начале XVIII в. – Астраханском восстании 1705–1706 гг. Краткое описание этих событий дает достаточно интересное представление о роли калмыков и их правителя, хана Аюки, в военно-политической жизни не только южного региона, но и в истории всего Российского государства.

Ключевые слова: калмыки, Российская империя, Калмыцкое ханство, тайши, Петр I, Аюка-хан, Чакдоржап, Астраханское восстание 1705-1706 гг.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России».

A.N. Komandzhaev¹, V.T. Tenkeev²

¹*Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov*

²*Kalmyk Scientific Center of the RAS*

**‘IT IS KNOWN TO US, THE GREAT SOVEREIGN, OUR ROYAL MAJESTY,
THAT DURING TROUBLED TIMES IN ASTRAKHAN, YOU, OUR SUBJECT,
WITH YOUR ARMY, THE GREAT SOVEREIGN, SERVED FAITHFULLY
AND DILIGENTLY’. SOVEREIGN LETTER OF PETER ALEKSEEVICH
TO KALMYK KHAN AYUKA 1707**

*The research is sponsored by Russian scientific fund № 23-18-20019
<https://rscf.ru/project/23-18-20019/>*

Recently, historiography has seen an increasing interest in the personality of the Kalmyk Khan Ayuka and written documents concerning the Russian-Kalmyk relations of the XVII-XVIII centuries. Therefore, this article for the first time publishes the full text of the sovereign’s letter of Peter Alekseevich to the Kalmyk Khan Ayuka in 1707. The purpose of the work is to introduce into scientific circulation new written evidence of Russian-Kalmyk relations in the Petrovsky period. The main

source base for this work was the materials of the Russian State Archive of Ancient Acts, where unique documents concerning the correspondence of the Kalmyk Khan with the Russian Tsar were deposited. The publication of these documents will be a significant contribution to the study of Russian-Kalmyk relations of the XVII-XVIII centuries. The document provides rather interesting information about the military-political situation in the southern border of the Russian state at the beginning of the XVIII century, i.e. the Astrakhan uprising of 1705-1706. A brief description of these events highlights the role of the Kalmyks and their ruler, Khan Ayuka, in the military-political life of the southern region as well as in the history of the entire Russian state.

Key words: *Kalmyks, Russian Empire, Kalmyk Khanate, taishi, Peter I, Ayuka Khan, Chakdorzhap, Astrakhan uprising of 1705-1706.*

Acknowledgment: *The study was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-20019 "Between East and West: civilizational and cultural development of the Kalmyk society as part of pre-revolutionary Russia".*

В различных российских архивах и библиотеках отложились тысячи документов, содержащих в себе богатейшую информацию о русско-калмыцких отношениях XVII–XVIII вв. Наши знания об исторических событиях той эпохи не могут быть полными и всеобъемлющими без использования сохранившихся до наших дней широкого круга источников. Задача исследователей, занимающихся изучением той эпохи, существенно осложняется тем обстоятельством, что в специфических условиях кочевого образа жизни и перенесенных потрясений собственных документальных материалов сохранилось не так много. Тем большее значение приобретают сохранившиеся в российских архивах источники эпистолярного характера.

Касательно исследования русско-калмыцких отношений в петровский период здесь для нас представляют интерес, в первую очередь, материалы трех архивов – Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Однако основной документальный массив по изучаемой теме хранится в фонде 119 «Калмыцкие дела» РГАДА, который необходимо ввести в научный оборот. Документы, которые ведут отчет с 1616 г., достаточно в полной мере отражают историю русско-калмыцких отношений, раскрывают содержание шертных записей и договорных статей тайшей, жалованные и дипломатические царские грамоты, дела о калмыцких и русских посольствах. В историографии можно отметить целый ряд работ, где полностью публикуются данные документы [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

В ходе исследовательской работы в Российском государственном архиве древних актов было обнаружено дело под названием «Отправление в Казань подполковника Юрия Урна с похвальной к калмыцкому тайше Аюке грамотою за верную с войском его службу во время смятения бывшего», датированное от 14 мая 1707 г. [4]. Особый интерес среди прочих документов вызвал текст копии грамоты государя Петра Алексеевича, направленной к калмыцкому хану Аюке, который в официальном российском делопроизводстве еще именовался под старым титулом «тайша».

Божиею поспешествующею милостию от пресветлейшаго и державнейшаго великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича и наследника и государя и обладателя подданному нашему, калмыцкому Аюке тайше, наше царского величества милостивое слово.

Известно нам, великому государю, нашему царскому величеству, что в смутное время, которое было в Астрахани, ты, подданной наш, с войском своим нам, великому

государю, служил верно и радетьельно. И за тое твою верную службу мы, великий государь, тебя, подданного нашего, жалуем [и] милостиво похваляем. И впредь та твоя верная служба у нас, великого государя, и забвенна не будет. И ты б подданной наш, Аюка тайша, тое нашу великого государя милость ведал.

Таково грамоту государеву писали ко Аюки тайши Павел Кульвенской [и] Федот Мунгалев с обще переводчики нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1707-го июня 3-го дня, государствования нашего 25-го году [4, л. 5-6].

Для полного понимания, о каких событиях упоминается в грамоте, необходимо обратиться к истории Астраханского восстания, которое вспыхнуло на юге страны в 1705 г. и быстро распространилось на соседние крепости и близлежащие к ним территории. Восстание вызвало серьезную тревогу не только у правительства, но и у калмыцкого хана Аюки, который в молодые годы пережил довольно масштабный Разинский бунт, случившийся на Нижней Волге, и все его негативные последствия для калмыцкого народа.

Астраханское восстание было вызвано социально-экономическими последствиями петровских преобразований в государстве: ростом налогов, введением новых повинностей, репрессивными действиями нового воеводы Тимофея Ивановича Ржевского и др. Начавшаяся Северная война и государственные реформы требовали огромных финансовых затрат и рабочей силы. В начале 1705 г. был издан указ о снижении хлебного жалованья астраханским стрельцам, а летом этого года воевода Т.И. Ржевский стал претворять в жизнь указ Петра I об обязательном ношении иностранного платья и брадобритии. Все это в конечном итоге привело к открытому вооруженному протесту и неподчинению властям населения Астрахани.

В ночь на 30 июля 1705 г. в Астрахани вспыхнуло вооруженное восстание солдат и стрельцов, в результате которого был захвачен кремль, перебиты большинство офицеров, в том числе и воевода Т.И. Ржевский. К утру город был полностью в руках повстанцев, а в августе к мятежникам присоединились Черный Яр, Красный Яр, Гурьев и Терки. В Астрахани был создан новый аппарат управления, на собрании круга был избран совет старейшин, отменены многие налоги и указы о брадобритии и ношении иностранного платья.

В отношении соседних калмыков мятежниками была избрана политика мирного сосуществования, хотя с их стороны были случаи нападения на рыболовецкие ватаги в дельте Волги. В начале августа к Аюке и его старшему сыну Чакдорджабу из Астрахани была отправлена делегация [3, с. 131, 132].

Первоначально калмыцкие владельцы формально поддерживали связь с астраханскими повстанцами, обмениваясь посланниками, несмотря на возникавшие инциденты в виде набегов небольших калмыцких отрядов на окрестности Астрахани. Многие астраханцы считали, что это дел рук стрелецких полковников Михаила и Бориса Кареитовых, нашедших надежное убежище в калмыцких улусах. Повстанцы интересовались у калмыцкой стороны о судьбе и других беглецов, таких как стольник Г. Мансуров, откупщик А.Мещеряк, также им до конца не было понятно истинное отношение хана Аюки к астраханским событиям. На личных встречах с ханом Аюкой и Чакдорджабом в начале августа 1705 г. астраханские представители встретили довольно хороший прием. Калмыцкие улусы в относительной безопасности продолжали кочевать под Черным и Красным Ярами [3, с. 132, 133].

Успех любого восстания зависит от скорости его распространения, так как чем больше людей будет в него вовлечено на начальном этапе, тем оно успешнее и будет

развиваться. Однако в Царицыне местные власти в лице воеводы Афанасия Турчанинова сумели вовремя отреагировать и предпринять меры по локализации астраханского выступления во многом благодаря тому, что Аюка, Чакдорджаб и другие калмыцкие владельцы быстро предупредили его о восстании и убийстве Т. Ржевского, а также 300 «начальных людей». Так, Турчанинов резко ввел запрет в Царицыне на ношение немецкой одежды и бритье бороды, что ранее вызывало резкое недовольство у местного населения на одно из петровских нововведений [3, с. 174; 15, с. 5].

Также 13 августа Турчанинову стало известно от калмыцкого владельца Чимета о выдвижении полторатысячного астраханского войска, которое намеревалось захватить не только Царицын, но и Азов и Таганрог. Чимет настоятельно рекомендовал царицынскому воеводе просить дополнительно военного подкрепления, так как местный гарнизон был довольно малочисленным [5, с. 11]. Поскольку воевода не был уверен в надежности царицынских жителей, он запросил помощи у донских казаков, Саратова и хана Аюки [3, с. 174, 175].

24 августа саратовский воевода также получил письменное уведомление от хана Аюки об астраханском восстании и ряд советов как можно быстро усилить численность гарнизона, чтобы город не достался в руки повстанцам [4, с. 11].

По мнению Н.Б. Голиковой, калмыцкий хан был лучше всех осведомлен о событиях в Астрахани, поскольку в ханскую ставку стекалась информация не только от калмыков-лазутчиков, но и от бежавших от преследования в большом количестве астраханских должностных лиц и офицеров, посланников от повстанцев, приезжавших к калмыкам решать какие-либо вопросы. На первых порах Аюка и Чакдорджаб на переговорах с представителями повстанцев всячески скрывали свои истинные намерения, ведя весьма хитрую дипломатическую игру, заверяя их в своем стремлении к сотрудничеству и миру [3, с. 175].

Аюка в этом конфликте сразу и безоговорочно принял сторону российского правительства, с которым был связан подписанными «договорными статьями» 1697 г. Многим астраханским беглецам Аюка дал у себя приют и помогал добраться до Саратова, но стрелецкие полковники Михаил и Борис Карейтовы добровольно остались в калмыцких улусах, чтобы оттуда на ближних рубежах организовать вооруженное сопротивление повстанцам [3, с. 175]. Они также стали его ближайшими военными советниками, и в последующие годы между ними сложились довольно доверительные отношения, чего ранее не наблюдалось.

Получив сведения о выдвижении походного войска астраханцев к Царицыну, калмыцкие отряды стали постепенно стекаться к Царицыну, тем самым укрепив позиции его воеводы. А. Турчанинов расположил калмыков по обоим берегам Волги в окрестностях крепости, а отряд из 600 вооруженных калмыков ввел непосредственно в город, чтобы сочувствующие повстанцам жители оказались бы в меньшинстве и не смогли бы оказать какое-либо содействие астраханцам [3, с. 175, 176].

Войско астраханских повстанцев под командой И. Дериглаза подошло к Царицыну, но на его подступах было встречено объединенными силами А. Турчанинова и калмыцких владельцев. По приказу хана Аюки под Царицыным в основном действовали отряды дербетских тайшей Менке-Темира, Черкеса, Четера, Чимет-Дорджи, Соном-Дорджи, которые традиционно кочевали в этом направлении, а также торгутского владельца Чимета. Только под началом дербетских тайшей у Царицына находилось войско в 5 тыс. калмыков [5, с. 27-30].

Астраханские повстанцы напрасно ожидали подхода донских казаков и восстания царицынцев. Сильный артобстрел со стороны царицынского гарнизона и постоянные

конные атаки калмыков заставили И. Дериглаза действовать нерешительно и в конечном итоге отступить от Царицына. В тылу походного войска повстанцев, в районе Черного Яра, также появились калмыки и стали тревожить местный гарнизон, создав угрозу окружения войска И. Дериглаза [3, с. 183, 184]. Отправка к нему вспомогательного отряда во главе с терским стрельцом Андреем Хохлачом также не привела к успеху, и 12 сентября 1705 г. оба отряда вернулись в Астрахань [3, с. 192].

После неудачи астраханцев под Царицыным, виновниками которой были и калмыки, Аюка в письменном послании к астраханской старшине дистанцировал себя от дербетских владельцев и Чимета, называя их обособившимися владельцами. Однако он при этом ставил перед ними вопрос о подтверждении нейтралитета, в противном случае угрожая присоединиться к указанным владельцам [5, с. 198].

Руководство астраханских повстанцев всерьез отреагировало на нападения калмыков, а И. Дериглаз открыто обвинял Аюку в организации вооруженного сопротивления повстанцам. Однако, формально сохраняя нейтралитет с Аюкой и Чақдорджабом, астраханская старшина объявила войну дербетским владельцам и Чимету [3, с. 196].

Отслеживая ситуацию в мятежной Астрахани, Аюка постоянно снабжал информацией царицынского воеводу. Например, 8 октября хану стало известно об отправке астраханцами в Кубанскую Орду посланцев с просьбой быть готовыми подойти с войском к Астрахани, чтобы принять к себе повстанцев и юртовских татар. В начале октября с Кубани прибыли 60 человек с заверением поддержки астраханцев и готовностью по первому же их призыву подойти с войском к Астрахани. Мятежники заверили кубанцев, что окажут им помощь и против калмыков [3, с. 39]. Конечно, вмешательство в эти события кубанских ногойцев никак не входило в интересы калмыцких владельцев, и они видели в этом прямую угрозу своему положению в Нижнем Поволжье [6, с. 201].

11 октября 1705 г. Петр I отправил к боярину Б.А. Голицыну грамоту с распоряжением послать калмыцким владельцам, отличившимся под Царицыным, жалованье в виде пушнины («мяхкой рухляди») [3, с. 206].

В середине ноября по указанию государя из Москвы выдвинулась в направлении мятежной Астрахани большая армия во главе с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым. На юге страны к его армии должны были присоединиться донские казаки, калмыки и дворянское ополчение. Одновременно Петр I отправил в Астрахань грамоты с предписанием прекратить «смуту» и повиноваться «в смиреннии» царской власти.

Еще в сентябре калмыки перекрыли Волгу в районе Черного Яра, взяв практически эту крепость в осаду. В начале октября отправленный из Астрахани отряд Хохлача сумел оттеснить калмыков от крепости. Однако уже под Красным Яром Чақдорджаб стал готовить нападение на мятежников, заручившись поддержкой Дорджи Назарова. У астраханцев уже не осталось каких-либо иллюзий относительно нейтралитета калмыцких владельцев [3, с. 212, 213].

Попытки калмыков в сентябре и октябре 1705 г. собственными силами взять штурмом Красный Яр, Черный Яр и Гурьев были безуспешны. Но возросшая военная активность калмыцких владельцев показала астраханцам, насколько они опасны и сложные противники. Калмыцкие удары по мятежникам одновременно проходили в нескольких направлениях. Действия мелких отрядов калмыков, их высокая мобильность, уклонение от прямых столкновений делали борьбу с ними малоэффективной. Астраханские отряды не могли им нанести поражение, поскольку калмыцкие улусы откочевали вглубь степей. Применяя такую тактику, калмыки изматывали силы восставших, нарушали их хозяйственную деятельность и постоянно держали население

Астрахани в напряжении. Астраханские старшины по просьбе жителей постоянно формировали новые отряды против калмыцких набегов. Блокада района восстания перекрытием Волги у Царицына усугублялась теперь и внутренним блокированием отдельных астраханских городов и крепостей. Торговля с населением степи практически полностью прекратилась, что вызвало рост цен и ухудшение общей экономической ситуации в Астрахани [3, с. 218, 219].

В октябре отряд А. Хохлача во второй раз попытался захватить Царицын, но местный воевода успел, в том числе и с помощью калмыков, укрепить город, что позволило полностью перекрыть по Волге продовольственное снабжение Астрахани. Видя бесплодность военных действий, 24 октября А. Хохлач приказал отряду возвращаться в Астрахань.

В это время Аюка попытался взять на себя роль посредника в урегулировании отношений между правительством и мятежниками. Когда в Астрахань от государя Петра Алексеевича пришла грамота с требованием прекратить восстание, калмыцкий правитель предложил А. Хохлачу вернуться и подписать повинную, а со своей стороны пообещал заступничество перед государем. В противном случае угрожал открыть против мятежников военные действия [3, с. 231].

В ноябре 1705 г. калмыки при поддержке царицынского воеводы А. Турчанинова и полковника Б. Карейтова взяли в осаду Черный Яр и в ходе нескольких штурмов безуспешно его пытались захватить. В этих боях участвовали калмыки владельцев Чимета и Менке-Темира [3, с. 235, 236; 15, с. 50].

В начале декабря, когда стало известно, что астраханцы отказываются сдаваться властям, Чакдорджаб возобновил военные действия против Красного Яра, под Гурьевом действовали люди хана Аюки [3, с. 243].

Но с началом зимовки калмыки на время сбавили свое давление на города мятежников. 12 февраля 1706 г. в ставку Аюки, которая находилась в Рын-песках, прибыл дворянин А. Змеев, который привез хану и другим тайшам жалованье (ткани, меха, кожу и другие подарки) и письма от Б.А. Голицына и Б.П. Шереметева. Аюка остался доволен подарками и заверил царского представителя в верности к государю.

2 марта 1706 г. армия Б.П.Шереметева взяла Черный Яр, а 11 марта подошла к Астрахани. В штурме города приняли участие и калмыцкие отряды Аюки, Чакдорджаба, Менке-Темира и Черкеса [3, с. 300]. Утром 13 марта повстанцы прекратили сопротивление и сложили оружие.

Слухи о подавлении астраханского мятежа быстро распространились до Москвы, и наиболее яркое отражение они получили в донесениях иностранных резидентов. В связи с приездом в столицу калмыцких послов от тайшей главную роль в подавлении восстания они отвели калмыкам. Например, австрийский дипломатический агент О. Плейер сообщал в Вену, что калмыцкий хан Аюка по собственной инициативе уничтожил основную массу астраханских мятежников, а остальных взял в плен или рассеял [3, с. 204].

С самого начала восстания Аюка соблюдал формальный нейтралитет, изредка беря на себя роль посредника между Астраханью и Москвой. Очевидно, что астраханцы возлагали надежды на договоренности с Аюкой о калмыцком нейтралитете. Тем не менее он с самого начала выступал на стороне правительства, поскольку перед ним имел договорные обязательства, получая ежегодное жалованье. Именно действия калмыков позволили локализовать восстание и не дать ему перекинуться на все Поволжье и Дон. Союз городского дворянства, донской старшины и калмыцких владельцев оказался достаточно сильным, сохранившим свое влияние на народные

массы. Они достаточно оперативно выставили в районе Царицына заслон с целью не допустить распространения мятежа. Прибытие регулярной российской армии означало быстрый конец восстанию. Астраханское восстание, не получив поддержки, было обречено, а активное участие калмыков на стороне правительства только ускорило его подавление.

Список литературы

1. Батмаев М.М. К историографии политического положения Калмыцкого ханства в конце XVII – первой четверти XVIII веков // Вестник института. Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. – № 5. – С. 140–157.

2. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 382 с.

3. Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 328 с.

4. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.: сб. док. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев.– Элиста: Джангар, 2003. – 316 с.

5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 119. Оп. 1. 1707 г. Д. 4.

5. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / Подгот. Н.Б. Голикова. – М.: Древлехранилище, 2004. – 416 с.

6. Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования.– Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 456 с.

7. Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.).– Элиста: НПП «Джангар», 2009. – 992 с.

8. Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время.– Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. – 366 с.

9. Тепкеев, В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. – Элиста: Джангар, 2012. – 375 с.

10. Тепкеев В.Т. Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4.– С. 10–22.

11. Тепкеев В.Т., Бембеев Е.В. «Я очень возрадовался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник архивиста. 2020. № 1. – С. 223–235.

12. Тепкеев В.Т., Нацагдорж Ц.Б. Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. № 1 (8).– С. 2–12.

13. Тепкеев В.Т., Ярмаркина Г.М., Гедеева Д.Б. Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 10–38.

14. Успенский В.Л., Яхонтова Н.С. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. – С. 267–294.

В.Ю. Кононов

«Крымский региональный центр археологических исследований»

СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА ИЗ МЕОТСКИХ И САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУБАНИ

В статье исследуются типы металлических украшений – височные кольца и серьги сармато-меотского населения Кубани в период раннего железного века. До настоящего времени эти украшения из меотских и сарматских памятников Кубани специально никем не исследовались. Имеется лишь упоминание в публикациях материалов из раскопок о находках различных типов этих украшений с некоторыми аналогиями для датировок. Таким образом, представляется возможным восполнить пробел в изучении данной категории украшений, происходящих из памятников меотов и сарматов Кубани. Нами анализируются различные типы серег и височных колец, составляется их классификация. На основе полученных результатов исследования делаются выводы об их происхождении, заимствованиях и распространении. Эволюция данного вида украшений отражает сложную историю сармато-меотского населения Кубани и формирования этнического костюма древнего населения рассматриваемого периода.

Ключевые слова: меоты, сарматы, Кубань, серьги, височные кольца, типология, хронология, датировка, аналогии.

V.Yu. Kononov

Crimean regional center of archeological investigations

EARRINGS AND TEMPLE RINGS FROM SARMATIAN-MEOTIAN MONUMENTS OF THE KUBAN

The article examines the types of metal jewelry – temple rings and earrings of the Sarmatian-Meotian population of Kuban during the Early Iron Age. Until now, these decorations from the Meotian and Sarmatian monuments of the Kuban have not been specifically studied by archeologists. Some publications have mentioned materials from excavations about the findings of various types of these decorations with some analogies for dating. Thus, it seems possible to fill the gap in the study of this category of jewelry originating from the monuments of the Meotians and Sarmatians of the Kuban. We have analyzed various types of earrings and temple rings and composed their classification. The results of the study helped to conclude about their origin, borrowing and distribution. The evolution of this type of jewelry reflects the complex history of the Sarmatian-Meotian population of Kuban and the formation of the ethnic costume of the ancient population of the period under review.

Key words: Meotians, Sarmatians, the Kuban, temple rings, earrings, typology, chronology, dating, analogies.

Среди меотских и сарматских украшений видное место занимают серьги и височные кольца. Они были массовыми украшениями (учтено 287 экземпляров), используемыми как женщинами, так и мужчинами на протяжении всего раннего железного века Кубани, и располагаются, как правило, у ушных или у височных костей черепа, чаще же в описании погребения говорится, что они найдены «по обеим сторонам» или «слева, справа от черепа» без детализации их расположения. По мнению В.Г. Петренко, форма и окончание дужки также зачастую не могут служить доказательством того или иного способа ношения [1, с. 21].

Основы типологического изучения серег и височных колец в отечественной науке были заложены А.В. Арциховским. В основу деления на группы положен вид металла, из которого изготовлено украшение [2]. Позднее предложенная им классификация была доработана и детализирована: всю массу височных колец и серег было предложено объединять в одну категорию и разбивать на группы по общему контуру кольца, по техническим признакам выделять подгруппы, деление на типы производить на основе деталей, либо по оформлению концов [3, с. 13].

Приступая к построению типологической схемы серег и колец, происходящих из меотских и сарматских памятников Кубани, весьма целесообразно учитывать уже существующие классификации, разработанные для изучаемой категории вещей раннего железного века, предложенные В.Г. Петренко для скифских древностей Северного Причерноморья и В.И. Козенковой для западного и восточного вариантов кобанской культуры, поскольку изучаемые серьги и височные кольца из кубанских памятников зачастую обнаруживают аналогии среди украшений, распространенных на близлежащих территориях, занятых носителями других археологических культур.

В.Г. Петренко все известные серьги разделила на пять типов, за определяющие признаки принимались: наличие или отсутствие дужки при общем сохранении формы, орнамент, техника изготовления [1, с. 21–40]. Типология, предложенная В.Г. Петренко, весьма наглядно и практично разделяет весь изученный ею материал на типы и варианты, на основе выработанных типологических признаков. Однако необходимо заметить, что такой признак, как орнамент, используемый В.Г. Петренко для выделения типов, более подошел бы для выделения вариантов или подвариантов, поскольку украшения, имеющие общие морфологические признаки (моделировка поверхности и оформление концов) и отличающиеся только наличием или отсутствием орнамента, скорее всего, являются типологически едиными.

Изучая серьги и височные кольца (подвески) западного и восточного вариантов кобанской культуры, В.И. Козенкова разделила их по способу ношения на две группы: серьги и височные подвески, выделяя внутри на основе морфологических признаков типы [4, с.34–38; 5, с.33–39]. Разработанная В.И. Козенковой типологическая схема, в целом, вполне соответствует сложившемуся в отечественной археологии подходу к созданию классификаций. Не вызывает противоречий и основной типобразующий признак – морфологические особенности поверхности украшения. Однако, как уже было доказано В.Г. Петренко, деление на группы или отделы рассматриваемой категории украшений, на основе функционального назначения или способа ношения не всегда оправдано, поскольку, во-первых – не всегда возможно его определить; во-вторых – часть серег и височных колец типологически едина (например, простые проволочные) и могла использоваться либо как серьги, либо как височное украшение, по желанию владельца.

Поскольку весьма успешно были созданы классификации серег и височных колец раннего железного века для соседних с Кубанью регионов, объективной задачей является построение такой классификации для меотских и сарматских древностей Кубани.

С учетом уже существующих типологий, была разработана классификация (рис. 1), в основу которой были положены следующие признаки:

- по способу изготовления серьги и височные кольца делятся на четыре отдела: проволочные, пластинчатые, трубчатые и сложносоставные;
- в качестве основного типового признака приняты морфологические особенности украшения (моделировка поверхности и форма концов);
- в качестве вариативных – мелкие изменения в моделировке поверхности, при сохранении основного типового признака.

Отдел 1 – проволочные серьги и височные кольца, изготовленные из гладкого или витого стержня, как правило, круглого или овального в сечении

Тип I. Височные кольца округлой или овальной формы с заостренными концами (учтено 20 экз.). По форме височного кольца выделяются варианты:

Вариант 1. Височные кольца округлой формы, свернутые из толстой, округлой в сечении бронзовой проволоки в полтора или более оборотов, концы заострены – учтено 6 экземпляров (рис. 1, 1).

В.Р. Эрлих выделял эти височные кольца в тип 1 и разделял на варианты по толщине стержня, из которого они изготовлены: 1 вариант – подвески из массивного прута; 2 вариант – подвески из тонкой проволоки. При этом он указывал на широкий хронологический диапазон спиральных подвесок от поздней бронзы до раннего железа. По его мнению, очевидным является бытование подвесок этого типа (вариант 1 по нашей классификации) в рамках протомеотского времени, а в скифское время в меотских памятниках становятся популярными височные кольца из тонкой проволоки со сходящимися или заходящими друг за друга концами, вероятными прототипами которых были массивные спиральные подвески [6, с. 161–162].

Наиболее ранние экземпляры происходят: из погребения № 17 Николаевского могильника первой половины VIII в. до н.э. [6, с. 176, 187] и погребения № 11 могильника Черноклен, датируемого VIII–VII вв. до н.э. [7, с. 25]. Наибольшее распространение спиральные височные кольца получают в VI–V вв. до н.э. [8, рис. 3, 18; 9, рис. 40, 1]. Таким образом, можно заключить, что височные кольца варианта 1 появились с первой половины VIII в. до н.э. в протомеотских памятниках, в рамках уже существовавшей на Кавказе традиции, и продолжали существовать, незначительно изменяясь вплоть до конца V в. до н.э. Причем эти изменения, как правильно было замечено В.Р. Эрлихом [6, с. 162], касались лишь изменения толщины стержня, из которого они изготавливались, и количества витков.

Височные кольца рассматриваемого варианта имеют аналогии в памятниках западного варианта кобанской культуры, датирующихся по оружию скифского типа – VII–VI вв. до н.э. [5, с. 35. Типы I и II]. Встречаются они также и в скифских памятниках Северного Причерноморья, и по данным В.Г. Петренко (тип 23 по ее классификации) датируются VI веком до н.э. и генетически восходят к височным кольцам племен высокой культуры VIII–VII вв. до н.э. [1, с. 34].

Вариант 2. Полуторавитковые овальные кольца с заостренными и разведенными в разные стороны концами, изготовленные из бронзовой, круглой в сечении проволоки, учтено 14 экземпляров. По наличию или отсутствию орнамента на концах височные кольца этого типа можно разделить на два подварианта: подвариант А – с гладкими неорнаментированными концами, представлены 17 экземплярами (рис. 1, 2); подвариант Б – концы орнаментированы горизонтальными кольцевыми насечками (рис. 1, 3).

Время бытования височных колец этого варианта (исходя из хронологии узкодатируемых комплексов) в меотских памятниках определяется в пределах IV в. до н.э. Аналогичные височные кольца из скифских памятников Северного Причерноморья В.Г. Петренко выделяла во 2 вариант 25 типа и датировала также IV в. до н.э. [1, с. 35]. Височные кольца этого варианта могли изготавливаться из колец 1 варианта рассматриваемого типа, путем поперечного сжатия, в качестве упрощенного подражания кольцам III типа.

Тип II. Подвески массивные с гвоздевидным расширением одного конца (рис. 1, 4). С территории Кубани происходят три экземпляра: первый изготовлен из бронзы и сохранил следы золотой плакировки [6, с. 162]; два других изготовлены из серебра,

происходят из могильника Ясеновая Поляна [10, таб. 2, 9]. Подобные подвески В.И. Козенкова выделяла в VIII тип западнокобанских подвесок и отмечала, что они предшествуют северо-причерноморским и, соответственно, являются их прототипами [5, с. 36].

Данный тип височных подвесок В.Р. Эрлих выделял в 3 вариант 1 типа и относил к классическому новочеркасскому времени – конец VIII – начало VII в. до н.э. – и считал их характерными для черногоровской культуры, для которых существовал независимый от кобанских древностей источник формирования – подвески белозерской культуры [6, с. 162].

Тип III. Височные кольца, согнутые в 1,5 оборота из бронзовой (реже серебряной или золотой) проволоки, круглой в сечении с утолщенными концами (рис. 1, 5–8), учтено 103 экземпляра. По форме утолщений на концах височные кольца этого типа можно разделить на два варианта:

Вариант 1. Височные кольца, концы (напоминают форму кегли) которых оформлены в виде конуса, увенчанного шариком (рис. 1, 5, 6) – учтено 34 экземпляра. По наличию или отсутствию орнамента под конусом можно выделить два подварианта: подвариант А – с гладкой неорнаментированной поверхностью – 21 экземпляр; подвариант Б – под конусом прорезаны два – три концентрических желобка – 13 экземпляров.

Вариант 2. Височные кольца, концы которых оформлены в виде трех или четырехгранной пирамидки, оканчивающейся небольшим шариком (рис. 1, 7, 8), учтено 69 экземпляров. По оформлению поверхности под пирамидкой можно выделить два подварианта: подвариант А – с гладкой неорнаментированной поверхностью – 35 экземпляров; подвариант Б – поверхность орнаментирована концентрическими насечками, создающими эффект витой проволоки – 34 экземпляра.

По мнению К.Ф.Смирнова, этот тип представляет упрощенную схему золотых колец Пантикапея, из которых ранние экземпляры относятся к V в. до н.э. и являются характерным украшением для Кубани и Тамани в IV в. до н.э. [11, с. 272]. Хронология меотских комплексов, содержащих надежно датированный сопутствующий инвентарь, не выходит за рамки IV в. до н.э., что подтверждается и мнением других исследователей [12, с. 189, 190; 13, с. 251].

Что же касается происхождения формы височных колец с развернутыми концами, украшенными пирамидками или конусами, то по сведениям, приводимым В.Г. Петренко, следует, что уже с VII в. до н.э. они были характерным украшением греков. К скифам эта форма проникает только с V в. до н.э. и распространяется лишь среди населения, жившего в непосредственной близости к греческим городам и подвергшегося эллинизации [1, с. 35]. В свете этих данных появление данных височных колец в меотской среде в IV в. до н.э. можно связать с широким вовлечением земледельческого населения Кубани в хлебную торговлю с Боспорским царством, в результате которой в меотских памятниках резко возрастает количество греческого импорта, в том числе и рассматриваемых височных колец.

Тип IV. Простые проволочные серьги (возможно, использовались и как височные кольца) в виде кольца, из круглой в сечении бронзовой, иногда золотой проволоки, с вертикально обрубленными концами (рис. 1, 9–11), учтен 51 экземпляр. По оформлению поверхности можно выделить следующие варианты:

Вариант 1. Серьги в один оборот с вертикально обрубленными, сомкнутыми или заходящими друг за друга концами, изготовленные, как правило, из бронзовой гладкой проволоки – учтено 32 экземпляра.

По наличию или отсутствию орнамента на концах серьги этого варианта можно разделить на два подварианта: подвариант А – серьги с гладкими неорнаментированными концами – 30 экземпляров; подвариант Б – концы орнаментированы кольцевыми насечками, имитирующими витую проволоку. Орнамент на серьгах зарегистрирован в нескольких случаях, это объясняется тем, что они зачастую покрыты плотной патиной или сильно корродированы (рис. 1, 10). Представлены шестью экземплярами серег, происходящих из грунтового могильника Старокорсунского городища № 2. Наиболее ранние экземпляры серег 1 варианта происходят из меотских грунтовых могильников и датируются античным импортом – второй половиной IV в. до н.э. [13, с. 221–223]. Наибольшее распространение они получают в III–II вв. до н.э. как в меотских, так и в сарматских комплексах Кубани [13, с. 268, рис. 48, 3; 14, рис. 48, 83, 94, 110, 230]. Известна данная форма серег также и в скифских памятниках Северного Причерноморья, где они появляются в V в. до н.э. и продолжают встречаться в IV–III вв. до н.э. [1, с. 34].

Вариант 2. Серьги витые, с гладкими, вертикально обрубленными концами (рис. 1, 11), учтено 4 экземпляра. Наиболее ранние экземпляры (2 шт.) происходят из погребения № 190 меотского могильника городища Спорное. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датировали этот комплекс в пределах второй половины IV – середины III в. до н.э. [15, с. 141]. Однако верхнюю дату этого погребения можно ограничить началом III в. до н.э., поскольку там же были найдены бронзовые браслеты с зональными расширениями, которые позднее этого времени не встречаются [16, с. 249].

Известны находки этих серег и в сарматских памятниках Кубани, относящихся ко II в. до н.э. [14, комплексы № 17, № 268]. Таким образом, время их распространения на территории Кубани может быть определено в пределах второй половины IV–II вв. до н.э. В скифских памятниках Северного Причерноморья аналогичные серьги бытуют в IV–III вв. до н.э. [1, с. 36], где они также встречаются довольно редко.

Тип V. Серьги округлой формы, с заостренными концами, изготовленные из гладкой или витой проволоки (рис. 1, 12–14), учтено 68 экземпляров. На основании моделировки поверхности можно выделить три варианта.

Вариант 1. Серьги круглой или овальной формы, изготовленные, как правило, из бронзовой проволоки круглой в сечении, с заостренными концами (рис. 1, 12) – 63 экземпляра. Довольно часто встречаются в меотских погребениях и датируются по совместным находкам с фибулами I – начала III в. н.э. (группа 15, варианты 1, 4; группа 12, вариант 4; группа 11, серия I, вариант I–1; группа 4, подгруппа 2, вариант 5 по А.К. Амброзу) [17]. В богатых погребениях сарматской знати, на территории Средней Кубани, встречены проволочные серьги, изготовленные из золота, датирующиеся в пределах II–III вв. н.э. [18, курган 7, погребение № 48].

Вариант 2. Серьги витые с гладкими заостренными концами (рис. 1, 13), представлены двумя экземплярами из комплексов, относящихся к I в. до н.э. – I в. н.э. [14, с. 90, рис. 60, 8], и, по-видимому, являются видоизмененной формой серег 2 варианта IV типа, так как изменение формы концов, скорее всего, способствовало более легкому безболезненному продеванию их в мочку уха.

Вариант 3. Серьги, изготовленные из полностью перевитой проволоки, с заходящими друг за друга заостренными концами (рис. 1, 14) – 3 экземпляра. Все они происходят из меотских грунтовых могильников и датируются в пределах I–II вв. н.э. [19–21].

Тип VI. Серьги из золотой проволоки, один конец которой сплюснен и свернут в трубочку, в которую вставлен другой конец. На уплощенной стороне припаяны три шарика (рис. 1, 15, 16), учтено 3 экземпляра. На основании моделировки поверхности серег можно выделить два варианта:

Вариант 1 – представлен двумя серьгами из круглой в сечении проволоки с гладкой поверхностью (рис. 1, 15). Первая найдена в погребении кургана у хутора Верхний и датируется второй половиной II в. до н.э. [14, с. 87, рис. 61, 11]. Вторая происходит из погребения № 2 кургана у хутора Пролетарский и датируется первой половиной – второй четвертью II в. до н.э. [14, с. 87]. Таким образом, серьги данного варианта следует датировать в пределах II в. до н.э.

Вариант 2 – представлен одной серьгой из четырехугольной в сечении проволоки (рис. 1, 16). Происходит данный экземпляр из погребения № 9 кургана у хутора Песчаный и датируется II–I вв. до н.э. [22, с. 102–105].

Тип VII. Серьги бронзовые из круглой в сечении проволоки, один конец которой заострен, другой оформлен в виде небольшой шишечки (рис. 1, 17). Представлены двумя экземплярами, происходящими из погребений № 393 и № 340 могильника городища № 1 у хутора имени Ленина. Датируются по меотской сероглиняной керамике и железной круглорамчатой пряжке – I в. до н.э. – II в. н.э. [21]. Серьги этого типа обнаруживают близость по форме к браслетам с шишечками на концах (а возможно, и были изготовлены из детских браслетов), встречающихся в меотских памятниках I – первой половины II в. н.э., этим временем и следует их датировать.

Тип VIII. Серьги бронзовые проволоочные. Один конец заострен, а другой образует петельку, свободный конец которой обмотан вокруг дужки серьги (рис. 1, 18), учтено 10 экземпляров. Широко распространены в меотских грунтовых и датируются фибулами (группа 15, серия I, варианты 1, 3 по А.К. Амброзу) [17], а также бусами из египетского фаянса в пределах I–II вв. н.э. Известны они также и в синхронных памятниках Крыма и Боспора [22, с. 107, рис. 32].

Тип IX. Серьги из тонкой серебряной проволоки, один конец которой заострен, другой загнут в виде спиральки в два оборота, а заостренный конец вставляется в спиральку (рис. 1, 19). Представлены двумя экземплярами из сарматского погребения 19 насыпи 7 курганного могильника у станции Тбилисской и датируются II–III вв. н.э. [18].

Тип X. Серьги бронзовые в форме конусовидной спирали в 4–7 оборотов, с овальной, незамкнутой дужкой для подвешивания. Изготовлены из круглой в сечении проволоки (рис. 1, 20). Представлены четырьмя экземплярами: три из которых происходят из грунтовых меотских могильников Старокорсунских городищ № 2 и № 3 и одним из сарматского погребения Мостовского могильника. Все экземпляры датируются по сопутствующему инвентарю в пределах I–II вв.

Тип XI. Серьги (2 экземпляра) из белого сплава, представляют собой сильно стилизованное изображение змеи, заглатывающей свой хвост (рис. 1, 21). Были найдены в погребении № 31 могильника близ аула Ленинохабль, датируются по совместной находке со светильником и серебряной чашей – I–III вв. н.э., но, по мнению А.М. Ждановского, дату этого комплекса следует ограничить II в. н.э. [24, рис. 211]. Возможно, они были изготовлены из браслетов со змеиными головками на концах, которые были широко распространены в меотских памятниках Кубани в это время.

Отдел 2 – пластинчатые серьги или височные кольца

Тип I. Представлен подвесками типа Шаренград, имеющими форму двух цилиндров с желобчатой поверхностью и с широким наружным, горизонтально отогнутым краем. Сверху оба цилиндрика соединены петлей (дужкой), служившей для подвешивания (рис. 1, 22). Изготовлены из золотой или серебряной пластины.

По сведениям, приводимым В.Р. Эрлихом, все находки подвесок этого типа (тип 2 по его классификации) сосредоточены в пределах центрального варианта протомеот-

ских памятников. [6, с. 163]. Происходят они из могильника Пшиш I (5 шт.); Николаевский могильник (2 шт.); с территории Псекупского могильника (5 экземпляров) [25, с. 90; 6, рис. 221, 14, 15].

Ареал распространения подвесок Шаренградского типа весьма широк и включает: Северный Кавказ, нижний Дон, Саратовскую область, Среднюю Европу. По мнению В.Р. Эрлиха, эти подвески попадали в равнинное Закубанье из Средней Европы, а затем уже из Закубанья в степь в черногоровскую среду [6, с. 163].

Дата их бытования, как и время функционирования Николаевского могильника, определялась Н.В. Анфимовым в пределах VIII–VII в. до н.э. [26, с. 118, 119]. В.Р. Эрлих относил время появления подвесок Шаренградского типа к предклассическому периоду, время которого определено им в рамках второй половины VIII в. до н.э. [6, с. 191]. Именно этим временем и следует датировать височные подвески I типа, поскольку данных, позволяющих пересмотреть хронологию, предложенную В.Р. Эрлихом, в настоящее время нет.

Тип II. Спиральные подвески, изготовленные из бронзовой пластинки (ленты) (рис. 1, 23), представлены 3 экземплярами из могильников: Псекупский, Абинский и Пшиш I. В.Р. Эрлих объединял их с массивными подвесками в 1 вариант 1 типа и относил их к VIII в. до н.э. [6, с. 161]. Существует точка зрения, согласно которой некая морфологическая схожесть наблюдается с западно-кобанскими височными подвесками (тип III по классификации В.И. Козенковой) из погребений X – середины VII в. до н.э. По мнению В.И. Козенковой, генезис этой формы связан с подвесками XIV–XIII вв. до н.э., распространенными на Центральном Кавказе, откуда они могли проникнуть в бассейн Кубани с первой волной раннекобанской культуры [5, с. 35].

Тип III. Серьга из узкой серебряной пластинки, свернутая в форме усеченного конуса с припаянными к ней снизу пятью колечками. Дужка из округло изогнутой проволоки круглой в сечении (рис. 1, 24). Была найдена в погребении № 31 могильника городища № 1 у хутора имени Ленина и датируется I–II вв. н.э. [1].

Отдел 3 – трубчатые височные кольца

Тип I. Височные кольца в 2,5 оборота, изготовленные из бронзовой трубочки округлой в сечении. Концы оформлены в виде железных стерженьков, утончающихся к концу и вставленных с обеих сторон в полую трубочку (рис. 1, 25). Представлены двумя экземплярами, происходящими из сарматского погребения № 9 кургана 10 у станицы Анапской, относящегося ко второй половине – третьей четверти III – концу III в. до н.э. [14, с. 86, рис. 80, 3].

Отдел 4 – сложносоставные

Тип I. Серьги золотые в виде объемной фигурки лежащего барашка (козла), изготовленного из двух штампованных половинок (рис. 1, 26, 27), учтено 8 экземпляров. Глаза изображены шариками зерни и окантованы рубчатой проволокой. Уши из тонкой листовидной пластинки, подняты вверх. Дужка высоко поднята, изготовлена из литого стержня. Один конец которого утончен и входит в круглое отверстие сзади на тулове барана, другой расширен и крепится к голове. В целом дужка имитирует рога барана. По оформлению поверхности боков барашка можно выделить следующие варианты:

Вариант 1 – с гладкими боками (рис. 1, 26), представлен пятью экземплярами: первый происходит из могильника Старокорсунского городища № 2; два – из могильника у ст. Ладожской и еще два из кургана 1 у хут. Чернышев. Серьги из могильника Старокорсунского городища № 2 относятся авторами публикации к III–II вв. до н.э. [27, кат. № 146, 147]. Погребение у ст. Ладожской датировалось в пределах II в. до н.э. [28, с. 113, 114].

Вариант 2 – тулово барашка с обеих сторон украшено орнаментом из тонкой напаянной проволоки (рис. 1, 27). Серег этого варианта известно три экземпляра: первый является случайной находкой на Пашковском городище № 6, второй найден в погребении № 15 могильника Старокорсунского городища № 2, третий происходит из Серегинского могильника. Отличаются они друг от друга тем, что на первом экземпляре на боках расположено по две розетки, а на втором – по одной, а третий украшен тремя кругами, расположенными горизонтально на боках фигурки.

Из трех рассмотренных серег одна может быть датирована по совместной находке с зеркалом I в. до н.э. – I в. н.э.; вторая – II–II вв. до н.э. [27, кат. № 145]. Исходя из хронологии серег первого варианта и отсутствия в погребениях вещей, надежно датированных III в. до н.э. и I в. н.э., время бытования серег варианта 2 следует ограничить II–I вв. до н.э. По всей видимости, данный тип серег является греческим, попавшим в меотскую среду в результате торговых связей оседлого населения Кубани с Боспором.

Тип II. Височные подвески (серьги) с дужкой-петлей и подвеской, к которой крепятся плетеные цепочки, заканчивающиеся небольшими пластинками в виде кружков (рис. 1, 28–30), учтено 8 экземпляров. По форме подвески можно выделить:

Вариант 1. Височные подвески (серьги), изготовленные из золота, в виде ажурного цилиндрика, состоящего из диска, украшенного филигранью, и трех колец, соединенных поочередно шестью золотыми шариками. К нижнему кольцу крепились шесть плетеных цепочек, заканчивающихся круглыми маленькими дисками. Сверху подвески имеют округлую дужку для подвешивания (рис. 1, 28). Учтено 4 экземпляра: первый происходит из сарматского погребения кургана у ст-цы Старомышастовской, время которого было определено И.И. Марченко в пределах конца III – первой половины II в. до н.э. [14, с. 27–28, 87, рис. 91, 10]; второй – также из сарматского погребения кургана у хут. Северного и датируется, как и весь комплекс, – второй половиной II в. до н.э. [14, с. 87]; и еще два экземпляра, так же из сарматского погребения в кургане у ст-цы Динской, относящегося ко II в. до н.э. [14, с. 87]. Таким образом, время бытования серег первого варианта в сарматских погребениях Кубани не выходит за рамки II в. до н.э.

Вариант 2. Полукруглые золотые подвески с петлей для подвешивания и пятью цепочками внизу, заканчивающимися дисками с пуансонным орнаментом. Поле подвески с двух сторон украшено завитками и валиками из припаянной проволоки, орнаментированной частыми насечками (рис. 1, 29). Представлены двумя экземплярами из сарматского погребения Тимашевского кургана. В.Н. Каминский при публикации датировал это погребение II в. до н.э. [29, с. 100].

Вариант 3. Серьги (2 экземпляра) золотые с подвеской в форме лошади с длинной шеей, к нижней части которой припаяны четыре цепочки, оканчивающиеся небольшими кружочками из тонкого листового золота (рис. 1, 30). Происходят из разрушенного сарматского погребения в кургане у ст-цы Раздольной. Точной даты не имеют, но могут быть отнесены ко II в. до н.э., как и другие сарматские погребения из этого же кургана [30, с. 132].

Височные подвески (серьги) с дужкой-петлей и подвеской, к которой крепятся плетеные цепочки, заканчивающиеся небольшими пластинками, были широко распространены в «сарматском» мире и представлены различными модификациями, встречаются они в памятниках Северного Причерноморья со II в. до н.э. по II в. н.э. [31, р. 276. abb. 2, 6; 4, 2].

Тип III. Серьги золотые с проволочной дужкой, концы которой заходят друг за друга, с фигурной подвеской, верхняя часть которой коническая, нижняя – полая, дугая, украшена шариками зерни, сгруппированными в пирамидки (рис. 1, 31, 32), учтено 3 экземпляра. По форме нижней части подвески можно выделить два варианта.

Вариант 1. Нижняя часть подвески с шестью полукруглыми выступами, пять из которых расположены по бокам, а шестой – снизу (рис. 1, 32). Серьга происходит время которого было определено И.И. Марченко в пределах первой половины II в. до н.э. [14, с. 87, рис. 77, 10].

Вариант 2. Нижняя часть подвески – полусфера (рис. 1, 31). Представлен парой серег из сарматского погребения из кургана у ст-цы Геймановской, датирующегося в пределах второй половины I – начала II в. н.э. по совместной находке с зеркалом-подвеской с боковой ручкой-петелькой. Серьги с полой подвеской, аналогичные рассматриваемому типу, а также представляющие различные их модификации, довольно широко представлены в сарматских памятниках Восточной Европы, где датируются I–II вв. н.э. [32, с. 76–81].

Подводя итог характеристике серег и височных колец (см. рис. 2), можно сказать, что самые ранние экземпляры попали в протомеотскую среду в результате контактов с соседними племенами: с одной стороны – носителями западного варианта кобанской (отдел 1, тип I, вариант 1; отдел 2, тип II); с другой – кочевниками черноговорской культуры (отдел 1, тип II); а также с населением Западной Европы (отдел 2, тип I).

Займствованная у соседей простейшая форма височных колец (отдел 1, тип I, вариант 1) существует в меотской среде до конца V в. до н.э., а в IV в. до н.э. их сменяют импортные греческие формы (отдел 1, тип III) и местные подражания им (отдел 1, тип I, вариант 2). Широкое распространение «лировидных» височных колец и височных колец с фигурными окончаниями в IV в. до н.э. весьма неслучайно, поскольку, как уже отмечалось целым рядом исследователей, именно на это время приходится пик греко-меотских экономических контактов, прежде всего, хлеботорговли.

Со второй половины IV в. до н.э. появляются гладкие и витые серьги с вертикально обрубленными концами (отдел 1, тип IV) и существуют, не изменяясь до конца II в. до н.э. как в меотских, так и в сарматских памятниках.

С конца II в. до н.э. и до начала III в. н.э. в памятниках Кубани распространяются одинаковые для меотов и сарматов формы серег, из которых часть (отдел 1, тип V) продолжает линию развития ранее существовавших. Другая часть (отдел 4, типы II) является привнесенной «сарматской» формой серег, встреченных только в погребениях кочевников. Также необходимо отметить и наличие в меотских и сарматских памятниках греческих импортных серег (отдел 4, типы I, III), отражающих сохранение меото-боспорских контактов.

Таким образом, из вышесказанного следует, что серьги и височные кольца появились в меотской среде в VIII в. до н.э. под влиянием соседних племен и к первым векам нашей эры стали одной из наиболее распространенных категорий украшений, включавшей в себя как собственно меотские формы, так и заимствованные у сарматов и греков. В целом для первых веков нашей эры характерно следование определенной моде, о чем свидетельствует распространение одних и тех же типов серег и височных колец на обширной территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Список литературы

1. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII – III веков до н.э. – М., 1978 // САИ. Вып. Д 4-5.
2. Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М., 1930.

3. Левашова В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ, № 43.– М., 1967.
4. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. Вып. В 2–5.– М., 1982.
5. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен (западный вариант) САИ. Вып. Б 2–5.– М., 1998.
6. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников.– М.: Наука, 2007. – 430 с.
7. Анфимов Н.В., Пьянков А.В. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов.– Майкоп: 1989. – С. 11–26.
8. Беглова Е.А. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов.– Майкоп, 1989.
9. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI-V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1.– Краснодар: 2001.– С. 32–133.
10. Дитлер П.А. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т.2.– Майкоп, 1969.
11. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. № 64.
12. Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сб. науч. тр.– Краснодар, 2005.– 432 с.
13. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сб. науч. тр. –Краснодар, 2005.– 432 с.
14. Марченко И.И. Сираки Кубани. – Краснодар, 1996.
15. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья. МИАК (6).– С. 134–151.
16. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Об одной серии браслетов из Прикубанья // Шестая Международная археологическая Конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест. – С. 247–252.
17. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д 1–30. М. 1966.
18. Ждановский А.М. Отчет об исследовании курганного могильника у станицы Тбилисской в 1977 году // Архив КГМЗ. ф. 3. Ш 5/3 № 227–228.
19. Анфимов И.Н. Отчет о раскопках грунтового могильника у хут. им. Ленина в 1980 г. // Архив КГИАМЗ. ф – III. № 308.
20. Лимберис Н.Ю. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции за 1983 год // Архив КГИАМЗ, ф. III № 408 – 410.
21. Марченко И.И. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции за 1981 год. Раскопки могильника городища № 1 у хут. им. Ленина // Архив ИА РАН, ф. Р – 1, № 9884.
22. Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани.– Краснодар, 1990.
23. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь.– Киев. 1994.– 207 с.
24. Ждановский А.М. Отчет об исследовании могильника в ауле Ленинохабль Теучежского района адыгейской автономной области в 1975 году // Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6524.
25. Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп. 1995.

26. Анфимов Н.В. Протогеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи Т.2. – Майкоп, 1961.

27. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки.– М. 1987.

28. Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н. Могильники Среднего Прикубанья эпохи эллинизма и римского времени // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

29. Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в Степном Прикубанье // Древние памятники Кубани.– Краснодар. 1990.– С.94 – 101

30. Нехаев А.А. Отчет о раскопках курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА РАН, ф. Р–2, № 7551.

31. Simonenko A., Mel'nik A. Eine sarmatische Bestattungim Kurgan Kamova Mogilabei Krivoj Rog // Eurasia antiqua. Berlin, 2004. Band 10.

32. Пукліна О.О., Трейстер М.Ю. 2007. Серезки перших столітьновоіериз колекції С.М. Платонова узбірцінаціональног омузею Історії України // Археологія. 2007. № 3. – С. 73–85.

ОТДЕЛ 1							
ТИП I			ТИП II	ТИП III			
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2			ВАРИАНТ 1		ВАРИАНТ 2	
	подвариант А	подвариант Б		подвариант А	подвариант Б	подвариант А	подвариант Б
							
VIII–V вв. до н.э.	IV в. до н.э.	IV в. до н.э.	кон. VIII – нач. VII в. до н.э.	IV в. до н.э.	IV в. до н.э.	IV в. до н.э.	IV в. до н.э.

ТИП VI			ТИП V		
ВАРИАНТ 1		ВАРИАНТ 2	ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2	ВАРИАНТ 3
подвариант А	подвариант Б				
					
2/2 IV–II вв. до н.э.	2/2 IV–II вв. до н.э.	2/2 IV–II вв. до н.э.	I – нач. III в. н.э.	I в. до н.э. – I в. н.э.	I–II вв. н.э.

ТИП VI		ТИП VII	ТИП VIII	ТИП IX	ТИП X	ТИП XI
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2					
						
II в. до н.э.	II–I вв. до н.э.	I – нач. II в. н.э.	I–II вв. н.э.	II–III вв. н.э.	I–II вв. н.э.	II в. н.э.

ОТДЕЛ 2		ОТДЕЛ 3		ОТДЕЛ 4	
ТИП I	ТИП II	ТИП III	ТИП I	ТИП I	
				ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2
					
2/2 VIII в. до н.э.	VIII в. до н.э.	I–II вв. н.э.	2/2 – 3/4 III – кон. III в. до н.э.	II в. до н.э.	II–I вв. до н.э.

ТИП II			ТИП III	
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2	ВАРИАНТ 3	ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2
				
II в. до н.э.	II в. до н.э.	II в. до н.э.	1/2 II в. до н.э.	2/2 I – нач. II в. н.э.

Рис. 1. Типологическая таблица серег и височных колец

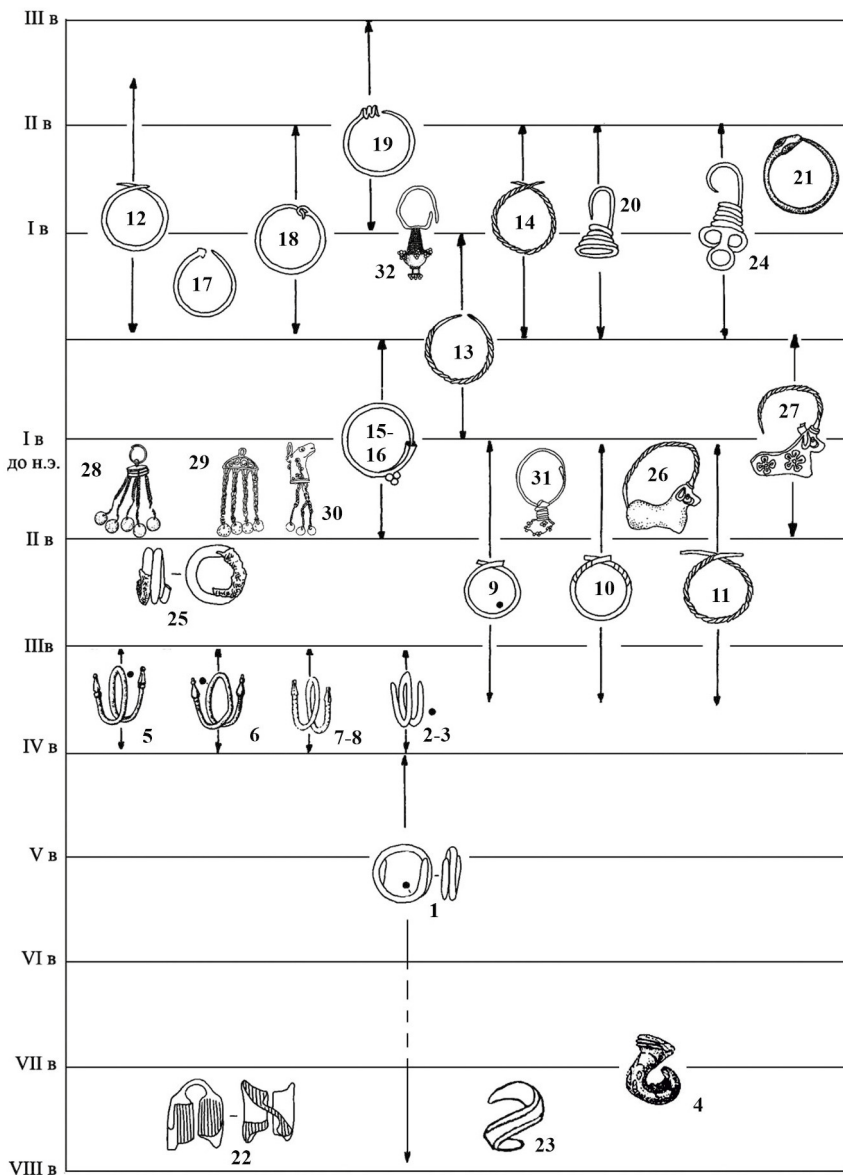

Рис. 2. Хронология серег и височных колец из меотских и сарматских памятников Кубани

В.А. Кышпанак

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

**ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПОТОМКОВ
ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ХАКАСИИ
(КАЛМЫКИ И НЕМЦЫ ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ-2020)**

В статье рассматриваются итоги Всероссийской переписи населения 2020 (2021) гг. по Республике Хакасия по национальному составу. Анализируется численность и размещение по городам и муниципальным районам проживающих в них потомков депортированных в годы Великой Отечественной войны народов, часть которых была сослана на поселение в Хакасскую автономную область в 1941-1944 гг. – немцев из республики Поволжья и калмыков из Калмыцкой АССР. Приводятся сравнительные данные с предыдущими, в том числе советскими переписями населения. Показаны данные о владении родным языком среди немцев и калмыков. Делается вывод как о значительном снижении их численности по сравнению с предыдущими переписями населения, так и об утрате ими родного языка.

Ключевые слова: репрессированные народы, депортация, Хакасия, советские немцы, калмыки, перепись -2020, численность, размещение, родной язык.

V.A. Kyshpanakov

Khakass State University

**THE NUMBER AND PLACEMENT OF DESCENDANTS OF DEPORTED
PEOPLES IN KHAKASSIA
(KALMYKS AND GERMANS ACCORDING TO THE RESULTS
OF THE 2020 CENSUS)**

The article discusses the results of the All-Russian Population Census 2020 (2021) in the Republic of Khakassia by ethnic composition. The number and distribution of the descendants of the peoples deported during the Great Patriotic War, some of whom were exiled to a settlement in the Khakass Autonomous Region in 1941-1944, are analyzed in cities and municipal districts. – Germans from the Republic of the Volga region and Kalmyks from the Kalmyk ASSR. Comparative data are given with previous, including Soviet, population censuses. Data on native language proficiency among Germans and Kalmyks are shown. The conclusion is made both about a significant decrease in their number compared to previous population censuses, and about the loss of their native language.

Key words: repressed peoples, deportation, Khakassia, Soviet Germans, Kalmyks, 2020 census, population, distribution, native language.

Введение

Опубликованные недавно полные переписи 2020 г. по национальному составу по Республике Хакасия дали возможность для завершения цикла статей о депортированных народах в Хакасскую автономную область в годы Великой Отечественной войны. Разумеется, эта тема с точки зрения исторической памяти нескончаема. Речь в данном случае идет о полноте статистического материала, поскольку первоначально были опубликованы только общие данные по национальному составу субъектов страны и по России в целом. Теперь же с публикацией материалов переписи-2020 о размещении населения по национальностям по городам и муниципальным районам, о владении ими родным языком, о составе по полу и возрасту

(среди наиболее многочисленных национальностей) и других данных предоставляется возможность более полно ответить на вопрос: сколько осталось потомков тех, кто не по своей воле в годы войны попал в далекие от своей малой родины края, кто умер на чужбине или остался здесь навсегда, сохранили ли они родной язык, где и в какой местности проживают.

Для более полного анализа в статье были использованы, кроме данных переписи 2020, также и материалы предыдущих российских и последней советской переписи 1989 г. в той мере, в какой это было необходимо для достижения цели исследования.

Цель статьи – показать на основе Всероссийской переписи населения – 2020 численность и размещение калмыков и российских (советских) немцев по городам и муниципальным районам Республики Хакасия в её новейшей истории и уровень сохранения ими родного языка.

Основная часть

Республика Хакасия является одним из самых многонациональных субъектов Российской Федерации. На ее небольшой территории (61,9 тыс. кв. км) проживают представители более 100 народов и народностей. Опубликованные недавно данные переписи 2020 г. по национальному составу по республике показывают, что в Хакасии сложилась довольно пестрая палитра национальностей. Руководствуясь ст. 6 Конституции Российской Федерации, каждый опрашиваемый может сам определять свою национальную принадлежность, а счетчик обязан ее занести в опросной лист. Таким образом, по данным переписи 2020 г. в Республике Хакасия было обозначено 115 национальностей [2]. В то время как в соседних республиках Саяно-Алтая по переписи-2020 было зафиксировано: в Республике Тыва – 81 национальность [3], в Республике Алтай – 85 национальностей из числа указавших свою национальную принадлежность [4]. При этом следует исходить из одного, весьма важного методологического аспекта. При учете количества национальностей следует принимать во внимание расхождение между численностью всего населения субъекта Российской Федерации и указавшими свою национальную принадлежность, проживающими здесь гражданами. Эта разница может достигать порой весьма значительных размеров. Так, в Хакасии при численности всего населения республики по данным переписи-2020 в 534795 человек указали национальную принадлежность 433781 человек, или 81,1%.

Таким образом, почти 1/5 часть населения выпала из учета по национальному составу. В соседних республиках Тыва и Алтай ситуация с определением своей национальной принадлежности намного лучше. В Тыве, например, аналогичный показатель «самоопределения» составил 93,7%, в Республике Алтай практически такой же – 93,8%. Очевидно, прослеживается связь между национальной однородностью региона и уровнем национального самосознания. Тыва и Алтай в национальном отношении более однородны, чем Хакасия. В Тыве коренной этнос – тувинцы, составляют 85,2% ко всему населению (вместе с тувинцами-тоджинцами) и 90,9% к указавшим национальность [Рассчитано по: 3]. Это очень высокий показатель, свидетельствующий о моноэтничности региона. В Республике Алтай аналогичный показатель намного ниже, чем в Тыве, но почти в три раза выше, чем в Хакасии – 34,7% ко всему населению и 37,0% к числу лиц, указавших национальность [Рассчитано по: 4]. И только в Хакасии показатель моноэтничности, или его называют либо коэффициентом [17], либо индексом этнической однородности [12], опустился на самый низкий уровень за всю историю переписей населения – 10,3% ко всему населению, или 12,7% к числу указавших свою национальность [Рассчитано по: 1].

На наш взгляд, это одна из главных, если не главная причина того, что хакасы, народ, который некоторые авторы все ещё продолжают настойчиво называть «титულным» этносом» [18], давно утратил такой «титул». Перепись-2020 выявила в целом по Хакасии крайне низкий уровень национального самосознания – 101014 человек не указали национальную принадлежность в переписных листах. При этом самую высокую ответственность при определении гражданами своей национальной принадлежности проявили жители муниципальных районов, где вариации указавших национальность колебались от 92,6% (Усть-Абаканский район) до 99,0% (Бейский район) от всей численности их населения. Напротив, жители столицы республики г. Абакана, а также гг. Саяногорска и Черногорска, оказались самыми индифферентными в плане определения своей национальности. Так, в столице республики указали свою национальность лишь 70,3% от числа жителей, в Черногорске – 74,2%, а в Саяногорске и вовсе 68%. Сказанное выше важно для понимания одного факта. Казалось бы, чем меньше по численности этнос, тем выше должна быть его консолидация, национальное самосознание, своя национальная самоидентификация, определение своего национального «Его». Это как раз четко отражают данные переписи населения по малым городам и, как отмечалось выше, по районам. В том же г. Сорске из 11023 человек населения указали свою национальность 98,7%, в г. Абаза – 97,4%.

При такой большой «дисперсности» национальностей, как в Хакасии, к тому же в 30-летний постсоветский период сильно «разбавленной» мигрантами из бывших советских республик Закавказья и Средней Азии, четко прослеживается тенденция снижения численности депортированных народов. Речь в данном случае идет о бывших немецких и калмыцких спецпереселенцах и тех, кто при заполнении переписного листа переписи 2020 г. идентифицировал свою национальную принадлежность именно как немцы и калмыки. В данных Росстата по Республике Хакасия первые указаны как российские немцы¹, а вторые обозначены под одним названием – калмыки, без какого-либо деления на болдыр, калмыков-ойратов, ойрат-калмыков, хальмг и др., как по Республике Калмыкия [2].

Появление в Хакасской автономной области немецких спецпереселенцев из АССР немцев Поволжья датируется сентябрем 1941 г., а калмыков – январем 1944 г. Тема репрессированных народов в Хакасии имеет большую историографию, и нет необходимости вновь в нее углубляться [1, 5–11, 19]. Отметим только еще раз: депортации советских немцев и калмыков в годы Великой Отечественной войны стали самыми массовыми среди всех народов в СССР, подвергнутых такой дискриминации. Автору настоящей статьи также принадлежит цикл статей о калмыцких спецпереселенцах в Хакасии, многие из которых за добросовестный труд были награждены высокими государственными наградами и оставили о себе добрую память² [9, с. 44–54].

В довоенный период в Хакасии по переписи 1939 г. насчитывалось немцев – 0,3 тыс. человек, калмыков – 0, 003 тыс. человек, или 300 и 3 человека соответственно [20, с. 13]. Рассмотрим динамику численности калмыков и немцев в Хакасии с 1959 г., поскольку первой послевоенной переписью населения была именно она (табл. 1).

¹В материалах переписи-2020 в целом по России под общим названием этноса – немцы обозначены алеманны, баварцы, балтийские немцы, волжские немцы, немцы поволжья, крымские готы, саксонцы, швабы и др.

²К числу таких относятся Ц.-Д. Номинханов, ученый-востоковед, калмыцкий спецпереселенец, ученый секретарь Хакасского НИИЯЛИ (1944-1945 гг.), 125-летие со дня рождения которого будет отмечаться и в Хакасии, а также И. К. Илишкин, внесший большой вклад в развитие школьного образования в Хакасской автономной области во время пребывания здесь в депортации.

Таблица 1

Динамика численности калмыков и немцев в Хакасии*
(1959-2020 гг., по данным переписей населения, человек)

	Годы переписей							2020 г. в % к 1959 г.
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020	
калмыки	1143	155	165	176	127	103	60	5,45
немцы	10512	10500	11130	11250	9161	5976	2831	27,0

*НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 501. Л. 10; Хакасская автономная область за годы Советской власти. Юбилейный стат. сб. – Абакан, 1967. С. 13; Хакасской автономной области 50 лет. Юбилейный стат. сб. – Абакан, 1980. С.6; Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Стат. сб. – Абакан, 1990. С. 6; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=5; Данные по российским переписям 2002-2020 гг. приводятся из сайта Росстата: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Таблица 1 показывает одну общую тенденцию как для калмыков, так и для немцев – неуклонное снижение численности потомков тех, кто в годы Великой Отечественной войны прибыл в Хакасскую автономную область спецэшелонами в статусе спецпереселенцев. Однако разница все же есть. Во-первых, в численности. Немцев прибыло в количестве 15136 человек [19, с. 195]. Калмыков прибыло 4391 человек [16, Л. 23]. В 1949 г. в Хакасии на учете в 29-ти спецкомендатурах числилось 3156 калмыков (914 семей), причем на учет ставились лица в возрасте 16 лет и старше [15, Л. 38]. Во-вторых, по времени прибытия. Немцы стали прибывать в Хакасию в сентябре-октябре 1941 г. Все же это было начало-середина осени, уборка урожая, заготовки и пр. Вопросы прибытия и размещения немецких спецпереселенцев рассматривались на заседаниях бюро Хакасского обкома ВКП (б), облисполкома [13, Л.162; 14, Л. 43]. Калмыков же привезли в морозный январь 1944 г., что, конечно же, отразилось на их физическом состоянии, и условия их размещения, труда были намного хуже. В-третьих, спецпереселенцы из числа немцев Поволжья так и не добились возвращения своей автономии, тогда как калмыкам автономия была возвращена: сначала в ранге автономной области (1957–1958 гг.), а затем и АССР. Однако, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, и то, и другое обстоятельство послужили причиной быстрого, практически обвального снижения их численности в Хакасии. Разница только в темпах снижения. Калмыки стали уезжать на свою малую родину, как только слух о возвращении им автономного статуса стал реальным. Когда же вышел указ о вновь образованной Калмыцкой А. О. (правда, уже не в довоенных границах), отъезд принял массовые и организованные масштабы.

Численность немцев в Хакасии, наоборот, постепенно росла и достигла своего максимума к 1989 г., что и зафиксировала последняя советская перепись населения. При этом немцы на протяжении 1959–1989 гг., занимая 3-4-ые места по удельному весу численности в национальном составе автономной области, наряду с украинцами, периодически менялись с ними местами, уступив им в 1989 г. третье место (2,0% против 2,3%).

Всероссийская перепись 2002 г. показала, что численность калмыков по отношению к 1959 г. составила лишь 11, 1%, тогда как немцев – 87,2%. Однако именно в период 1989–2002 гг., на рубеже эпох, произошел первый массовый отъезд этнических немцев на свою историческую родину в Германию. Так и не дождавшись от властей СССР и уже новой, постсоветской России, ни от М. С. Горбачева, ни от Б. Н. Ельцина

восстановления их автономии на берегах Волги (что, конечно же, было сопряжено с большими трудностями в тех условиях), стали эмигрировать.

За 1989–2002 гг. численность немцев в Хакасии снизилась на 2089 человек, или на 18,6%, составив к уровню 1989 г. 81,4%. Это был первый большой отъезд немцев из Хакасии, принявший организованный характер. Эмиграция проходила через общество «Видергебурт» (нем. «Wiedergeburt» – «Возрождение»), имевшее отделения в тех регионах СССР и России, где были немецкие спецпереселенцы.

В последующий межпереписной период 2002–2010 гг. зафиксирована вторая волна массового отъезда немцев из Хакасии. Уехало еще больше – 3185 человек, или почти 35% (34,8%), а численность их по сравнению с 1989 г. сократилась в 1,9 раза.

Наконец, перепись 2020 г. фиксирует рекордно низкий показатель численности проживающих в Хакасии российских немцев – 2831 человек. Уехало 3145 человек, что больше половины от их численности по переписи 2010 г. – 52,6%. Это третья волна эмиграции «хакасских» немцев в постсоветский период. Фактически осталось уже меньше проживающих в республике, чем их уезжает в каждый период между переписями. Возникает закономерный вопрос: стоит ли ожидать новую, уже четвертую волну эмиграции немцев, которая может просто обнулить их общину в Хакасии и оставить это лишь историческим фактом? Конечно, это всего лишь гипотетический вариант. Но реальность такова, что все, кто хотел уехать, уехал (возвращаются единицы, не адаптировавшиеся к жизни в новой и непривычной для себя среде, либо по личным обстоятельствам). Остались лишь преимущественно те, кто решил связать свою жизнь с Россией и Хакасией еще и потому, что на этой земле остались навечно их родители и прародители – те, кто не по своей воле был депортирован сюда в униженном статусе спецпереселенцев и кто своим трудом поднимал экономику этого края, оставив после себя много добрых дел и память благодарных потомков.

Как итог, численность немцев в Хакасии за период 1959–2020 гг. сократилась в 3,8 раза. Большее падение численности было у украинцев, численность которых снизилась – с 14,6 тыс. человек в 1959 г. (пик численности) до 1800 человек в 2020 г., или в 8,1 раза. Если по переписи 1959 г. украинцы занимали 3-е место по численности населения после русских и хакасов и опережали немцев, то перепись 2020 показала, что украинцы уже на 5-ом месте, пропустив вперед не только немцев, но и быстро увеличивших численность своей диаспоры в последние годы тувинцев (2051 человек).

Размещение немцев и калмыков в Хакасии изначально было обусловлено их распределением по районам и городам Хакасии по прибытии. Немцы были размещены в основном в Усть-Абаканском, Ширинском, Аскизском, Бейском, Боградском и Шарыповском районах области. Последний временно входил в состав Хакасии с 1941 по 1947 гг. и в 1947 г. был передан в состав Красноярского края. Калмыки же сразу по прибытии после первичной санобработки были размещены в Ширинском, Саралинском, Боградском и Усть-Абаканском районах, а также в г. Черногорске, где работали в угольных шахтах. Много позже, после снятия режима спецкомендатур и надзора за спецссыльными, немцы и оставшиеся калмыки стали менять место жительства, постепенно оседая в областном, а затем и республиканском центре – г. Абакане, прежде всего, приезжая сюда на учебу, а позднее и трудоустраивались здесь, обзаводились семьями. Однако большая часть из них в настоящее время проживает в сельской местности, прежде всего немцы (табл. 2).

Обращает на себя внимание ярко выраженная диспропорция по полу у калмыков, особенно в городе, и несколько сглаженная в сельской местности. Трудно сделать вывод о том, какими причинами вызвано такое соотношение полов, однако межрегиональную миграцию также следует принимать во внимание.

Таблица 2

**Размещение немцев и калмыков по Хакасии в разрезе «город – село»
по данным переписи 2020, человек***

	Все население		город		село	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
калмыки	60	100,0	27	45,0	33	55,0
немцы	2831	100,0	1055	37,3	1776	62,7

*Составлено и подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения – 1 июля 2023 г.).

Распределение по полу среди немцев и калмыков выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Распределение по полу среди немцев и калмыков по переписи 2020 г.*

	Доля во всем населении, %						Мужчин на 1000 женщин		
	Мужчин			Женщин			Всего	город	село
	Всего	город	село	Всего	город	село			
калмыки	56,7	59,3	54,5	43,3	40,7	45,5	1308	1454	1200
немцы	47,2	42,6	49,9	52,8	57,4	50,1	894	744	996

*Составлено и подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (Дата обращения – 1 июля 2023).

У немцев же ситуация диаметрально противоположная. Здесь наблюдается преимущество женщин, выразившееся как в удельном весе, так и в соотношении по полу. Особенно это хорошо видно по городской местности, где на 1000 женщин приходится всего 744 мужчины. В сельской местности практически паритет.

Такая деформация полов и у калмыков, и у немцев Хакасии не случайна. Она является результатом репрессивной политики Советского государства по отношению ко многим депортированным народам, в том числе к калмыкам и немцам. Если же рассматривать вопрос шире, то колоссальные пертурбации XX века в истории СССР – революции, войны, массовые репрессии и столь же массовые территориальные перемещения людей – вызвали кардинальные трансформации в половозрастной структуре населения Хакасии, влияние которых ощущается до сих пор. Переписи лишь отражают затухающие колебания этих деформаций во времени.

Более подробно размещение калмыков и немцев по городским округам и муниципальным районам Хакасии приводится в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

**Размещение калмыков по городским округам и муниципальным районам
Республики Хакасия*(по переписи 2020 г.)**

Городские округа (ГО) и муниципальные районы	Всего, человек	в том числе	
		город	село
ГО – г. Абакан	19	19	-
ГО – г. Абаза	-	-	-
ГО-г. Саяногорск	4	4	-

ГО – г. Сорск	2	2	-
ГО-г. Черногорск	2	2	-
Алтайский район	2	-	2
Бейский район	13	-	13
Боградский	-	-	-
Орджоникидзевский район	7	-	7
Усть-Абаканский район	5	-	5
Ширинский район	6	-	6
Всего калмыков:	60	27	33

*Источник: Всероссийская перепись населения 2020 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.gov.ru/folder/66693> (дата обращения – 2 июля 2023 г.). Прим. В списке муниципальных районов Республики Хакасия нет городского округа – г. Абаза, Аскизского и Таштыпского муниципальных районов из-за отсутствия в них лиц калмыцкой национальности.

Как видно из табл. 4, больше всего калмыков сосредоточено в республиканском центре – г. Абакане (31,7% от всей численности и 70,4% всех горожан-калмыков). В сельской местности более всего калмыков сосредоточено в Бейском районе Хакасии – 13 человек, или 21,7% всей численности калмыком и 39,4% от численности калмыков-сельчан. В целом для географии размещения калмыков по городам и районам Хакасии характерна мелкая дисперсность, за исключением г. Абакана, где наблюдается их наибольшая концентрация в настоящее время. Кроме того, для системы расселения калмыков сохранилась и историческая преемственность в целом со времен их расселения по прибытии в Хакасию в 1944 г. – они проживают преимущественно в сельской местности (55%).

Для бывших советских, а теперь российских немцев и их потомков, проживающих в Хакасии, характерна другая, более разнообразная картина размещения с точки зрения расселения в городской и сельской местности (табл. 5).

Таблица 5

Размещение немцев по городским округам и муниципальным районам Республики Хакасия* (по переписи 2020 г.)

Городские округа и районы	Всего, человек	в том числе	
		город	село
ГО – г. Абакан	551	551	-
ГО – г. Абаза	30	30	-
ГО-г. Саяногорск	180	180	-
ГО – г. Сорск	29	27	2
ГО-г. Черногорск	185	185	-
Алтайский район	142	-	142
Аскизский район	255	51	204
Бейский район	160	-	160
Боградский	379	-	379
Орджоникидзевский район	153	-	153
Таштыпский район	65	-	65

Усть-Абаканский район	202	31	171
Ширинский район	500	-	500
Всего немцев:	2831	1055	1776

*Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.gov.ru/folder/66693> (Дата обращения – 2 июля 2023 г.)

Однако, как и калмыки, они преимущественно проживают в сельской местности – 62,7%. В городской же немцы сконцентрированы в основном в г. Абакане (52,2% всего городского немецкого населения), Черногорске (17,5%) и Саяногорске (17,1%). В целом уровень «урбанизации» среди немцев в Хакасии еще ниже, чем среди калмыков – 37,3%.

Как было показано в табл. 3, у калмыков и немцев в Хакасии сложилось диаметрально противоположное соотношение полов. Эти расчеты носят в большей мере гипотетический характер, прежде всего, по отношению к калмыкам – ведь их всего осталось в республике 60 человек. Поэтому более реальное выражение имеет соотношение между полами у немцев из-за их численного превосходства. Данные той же табл. 3 показывают, что у них сложилось практически равное соотношение в сельской местности, в отличие от городской. В разрезе муниципальных районов абсолютно равное соотношение между полами зафиксировано в Аскизском районе – 102 мужчины и 102 женщины. В Ширинском районе на 1000 женщин приходится 968 мужчин, в Боградском районе – 964 мужчин на 1000 женщин. Эти три района концентрируют 61% всех немцев, проживающих в сельской местности, а в Ширинском районе проживает их наибольшее количество – 500 человек. Такое размещение также имеет историческую основу – по прибытии в Хакасию в 1941 г. немецкие спецпереселенцы были в основном размещены в этих районах.

Общая динамика соотношения по полу у калмыков и немцев в Хакасии показана с 1989 г. по 2020 г. в табл. 6.

Таблица 6

Динамика соотношения по полу у калмыков и немцев в Хакасии, 1989-2020 гг.*

Годы переписей	На 1000 женщин приходится мужчин	
	калмыки	немцы
1989 г.	1838	915
2002 г.	-	917
2010 г.	1289	938
2020 г.	1307	894

*Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 года // [Электронный ресурс] – URL: www.demoscope.ru (дата обращения – 3 июля 2023 г.); Показатели по переписям 2002-2020 гг. подсчитаны по данным сайта Росстата: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Другим важным аспектом сохранения этноса, народа, народности является владение родным языком. По прибытии в Хакасию большинство из спецпереселенцев плохо владели русским языком, особенно это касалось калмыков, зато практически все говорили на родном языке. По мере адаптации к новой для себя языковой среде и калмыки, и немцы стали осваивать и владеть не только русским, но и хакасским языком. Материалы переписи населения 2020 гг. дают возможность определить уровень владения родным языком и использования среди потомков спецпереселенцев калмыков и немцев в республике (табл. 7).

Таблица 7

Население по родному языку по городским округам и муниципальным районам Республики Хакасия*

Указавшие родной язык	Все население	В том числе	
		город	село
Калмыцкий	5	1	4
Немецкий	384	108	276

*Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.gov.ru/folder/66693> (Дата обращения – 2 июля 2023 г.)

Как видно из материалов переписи 2020 г., абсолютное большинство калмыков и немцев в современной Хакасии уже не считает родным язык своей национальности. Можно констатировать, что потомки калмыцких спецпереселенцев в Хакасии в большей мере, а немецких – в меньшей степени, но и те, и другие, утратили свой родной язык. Этот вывод дополняет табл. 8.

Таблица 8

Владение языками и использование языков населением по городским округам и муниципальным районам Республики Хакасия*

Языки	Все население		в т. ч. городское	
	Число лиц владеющих соответствующим языком	Из них используют в повседневной жизни	Число лиц владеющих соответствующим языком	Из них используют в повседневной жизни
Калмыцкий	2	1	-	-
Немецкий	3636	615	2581	406

*Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.gov.ru/folder/66693> (Дата обращения – 2 июля 2023 г.)

Некоторое противоречие в цифрах между общей численностью проживающих в республике немцев и численностью владеющих немецким языком легко снимается, если иметь в виду, что немецкий язык изучается как в системе школьного, так и высшего образования. А вот показатель использования своего языка в повседневной жизни среди тех же немцев уже более реален и скорее свидетельствует о его частичном сохранении среди бывших немецких спецпереселенцев в своей домашней среде.

В сельской местности численность владеющих немецким языком составила 1055 человек, а использовали его в повседневной жизни лишь 209 – почти вдвое меньше, чем в городе. Калмыцким же языком практически не владел уже никто. Он полностью вытеснен русским языком.

Подобная ситуация складывается и среди других, более крупных этносов в Хакасии. Так, среди коренного населения республики – хакасов, численность которых систематически снижается от переписи к переписи и по данным последней в 2020 г., составила 55144 человека, хакасский язык в качестве родного языка признали 44071 человек, или 79,9%. Владеют им еще меньше – 27278 человек, а используют в повседневной жизни 23895 человек (43,3% от общей численности хакасов).

Поскольку, как уже отмечалось выше, преобладающая часть калмыков и немцев проживает в сельской местности, в муниципальных районах Хакасии, рассмотрим уровень владения ими русским языком и его использование в повседневной жизни по данным переписи 2020 г. (табл. 9).

Таблица 9

Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию в повседневной жизни по муниципальным районам Республики Хакасия*

Муниципальные районы	Число лиц соответствующей национальности	Указавшие владение русским языком	Из них используют его в повседневной жизни
<u>Алтайский р-н</u>			
Калмыки	2	2	2
Немцы	142	142	142
<u>Аскизский р-н</u>			
Калмыки	–	–	–
Немцы	204	202	202
<u>Бейский р-н</u>			
Калмыки	13	13	13
Немцы	160	160	160
<u>Боградский р-н</u>			
Калмыки	–	–	–
Немцы	379	379	378
<u>Орджоникидзевский р-н</u>			
Калмыки	7	7	7
Немцы	153	153	153
<u>Таштыпский р-н</u>			
Калмыки	–	–	–
Немцы	65	64	63
<u>Усть-Абаканский р-н</u>			
Калмыки	5	5	5
Немцы	171	171	171
<u>Ширинский р-н</u>			
Калмыки	6	6	6
Немцы	500	498	498
<u>Всего по районам</u>			
Калмыки	33	33 (100%)	33 (100%)
Немцы	1774	1769 (99,7%)	1767 (99,6%)

*Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www/24.gov.ru/folder/66693> (Дата обращения – 3 июля 2023 г.); Кроме того, в Аскизском и Ширинском районах в городских поселениях проживают 51 и 31 немцев соответственно.

Как показывают данные табл. 9, русский язык настолько прочно вошел в обиход нынешних потомков спецпереселенцев, что полностью вытеснил их родной язык из сферы общения у калмыков и практически полностью у немцев.

Аналогичная ситуация и по городской местности – городским округам. Так, в столице республики – г. Абакане – из 19 проживавших на момент переписи лиц калмыцкой национальности все 19 человек указали на владение русским языком и столько же использовали его в повседневной жизни. Среди проживавших здесь немцев в количестве

551 человека указали на владение русским языком 541 человек и все из указавших использовали его в повседневной жизни. В других городских округах Хакасии отмечено 100%-е использование русского языка в быту у калмыков и близкое к этому показателю у немцев.

Заключение

За годы, прошедшие с момента прибытия эшелонов с депортированными немецкими и калмыцкими спецпереселенцами в Хакасскую автономную область, прошло около 80 лет. Уже сменилось несколько поколений калмыков и немцев, живших здесь долгие годы. Многие уехали на историческую родину – калмыки вернулись возродить свою автономию, а немцы – в Германию, адаптироваться к новой и чуждой для них среде. Общность исторических судеб двух таких разных народов проявилась в суровые годы Великой Отечественной войны на древней хакасской земле, где они навечно оставили здесь не только многих своих родных и близких, но и добрую память о себе своим бескорыстным и самоотверженным трудом на благо той Хакасии, которая стала для них родным домом.

Общее проявляется и в том, что и калмыки, и немцы, прежде почти не знавшие русского языка в массе своей, за годы пребывания в русскоязычной среде овладели не только русским, но и даже хакасским языком. При этом поколение за поколением утрачивали свой родной язык. Сегодня можно констатировать его полную потерю, прежде всего, у оставшихся немногочисленных калмыков. Почти такая же картина складывается и среди немецкой общины. Однако волнообразные темпы убытия российских немцев из Хакасии, которые фиксируются переписями населения, ставят вопрос о том, не будет ли очередная волна эмиграции последней? Данные текущей статистики не внушают оптимизма на этот счет.

Особенное же заключается в размещении калмыков и немцев по территории региона. Первичное распределение немецких, а позднее калмыцких спецпереселенцев по районам Хакасии сохранило в целом к настоящему времени их географию. При этом после снятия режима спецпоселений и те, и другие получили возможность свободного передвижения не только по области, но и по стране. Это, конечно, привело к росту городского населения из числа бывших депортированных народов в области и республике.

Приверженность немцев к сельскохозяйственному труду, к земле, исторические традиции ведения хозяйства, наличие подготовленных и квалифицированных кадров среди спецпереселенцев обусловили их видную роль не только в подъеме экономики Хакасии в послевоенные годы, освоении целины, но и в развитии сельского хозяйства региона в целом¹. Поэтому и сегодня большая часть немцев в Хакасии проживает в сельской местности.

Калмыки же, будучи степняками-кочевниками, по прибытии в Хакасию в январе 1944 г. были распределены на наиболее тяжелые участки работы в шахтах, на рудниках, лесозаготовительной промышленности, на ходу осваивая незнакомые им профессии и специальности. Наибольший вклад они внесли в сельском хозяйстве, прежде всего, в их традиционной отрасли – животноводстве. В отличие от более многочисленной немецкой «колонии», от которой к настоящему времени сохранилось уже немного, калмыки почти все вернулись на свое историческое место проживания – в Великую Степь. Те же, кто остался в Хакасии, утратили свой родной язык, и для потомков

¹Шмидт К. Г. (1910-1992), род. в Саратовской губернии. Депортирован в Хакасию в 1941 г. Внес большой вклад в освоение целины в регионе, в развитие сельского хозяйства. Директор совхоза «Борец», Герой Социалистического Труда (21, С. 325).

немецких и калмыцких спецпереселенцев, ныне живущих в Республике Хакасия, фактически единственным средством общения стал русский язык.

Таковы в ретроспективе XX века судьбы столь разных народов бывшего Советского Союза, которых объединила одна трагедия – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Не по своей воле они оказались на чужбине в ссылке. Многие из спецпереселенцев и их потомков вернулись к себе домой не только в места прежнего проживания, но и на свою историческую родину, на землю своих далеких предков. А те, кто остались, и сегодня живут в республике Хакасия, связав с ней не только свое настоящее, но и будущее.

Список литературы

1. Гавриленко В. К. Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан: АОЗТ «Хакасинтерсервис», 2000. – 240 с.

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия // [Электронный ресурс] – URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 1 июля 2023 г.).

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Тыва // [Электронный ресурс] – URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 1 июля 2023 г.).

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Национальный состав населения Республики Алтай // https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 1 июля 2023 г.).

5. Карлов С. В. К вопросу о политических репрессиях в 30-е годы (На материалах Хакасской автономной области) // Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии. – Абакан: Роса, 2000. – С. 27-39.

6. Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг. (На материалах Хакасии): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2000. – 23 с.

7. Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Т. 1. / Под ред. Н. С. Абдина. – Абакан: Стрежень, 1999. – 486 с.

8. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Т. 2. / Под ред. Н. С. Абдина. – Абакан: Стрежень, 2000 – 362 с.

9. Кышпанакоев В. А. Калмыцкие спецпереселенцы на трудовом фронте в Хакасии в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время // Вестник Калмыцкого университета, 2019. № 1 (41). – С. 44–54.

10. Кышпанакоев В. А. Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2022). – Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2022. – 320 с.

11. Кышпанакоев В. А. Изгнанные народы (О депортации советских немцев и калмыков в Хакасскую автономную область в 1941–1945 гг.) // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. – С. 55–61.

12. Манакоев А. Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // Псковский регионологический журнал. 2013–2023. Т. 18. № 2/2022. [Электронный ресурс] – URL: <http://ras.jes.su> (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

13. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 798.

14. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 814.

15. НАРХ. Ф. 911. Оп. 1. Д. 19.

16. НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14.

17. Трифонова З. А. Расселение этнических групп в России (1926-2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. – С. 62-67.

18. Трошкина И. Н. Экологические ценности титульного этноса Хакасии // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы II международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 100-летию единения России и Тувы и в рамках реализации мероприятий Программы развития деятельности студенческих объединений. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. – С. 15.

19. Тугужекова В. Н., Степанов М. Г., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии: как это было (1930–середина 1950-х гг.). – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 242 с.

20. Хакасская автономная область за годы Советской власти. Юбилейный стат. сб. – Абакан, 1967. – 112 с.

21. Энциклопедия «Хакасия» (Хакаско-Минусинская котловина): в 5 т. Т. 5: Кто есть кто? – Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2022. – 496 с.

Р.К. Надбитов, Л.К. Хохолкина

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЙ СПОР
О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ОСТРОВОВ ЮЖНО-КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

В статье рассматривается многолетний спор России и Японии о территориальной принадлежности Южно-Курильских островов. Рассматривается исторический аспект развития проблемы, позиции и аргументы сторон в контексте территориального спора с момента его возникновения до современности.

Ключевые слова: *Курильские острова, территориальный спор, Россия, Япония, США, договор, декларация.*

R.K. Nadbitov, L.K. Khokholkina

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**THE RUSSIAN-JAPANESE DISPUTE ON THE TERRITORIAL BELONGING
TO THE SOUTHERN KURIL ISLANDS: HISTORICAL ASPECTS
OF THE DEVELOPMENT OF THE PROBLEM AND ITS CURRENT STATE**

The article examines the long-standing dispute between Russia and Japan over the territorial affiliation of the South Kuril Islands. The historical aspect of the development of the problem, the positions and arguments of the parties in the context of the territorial dispute from the moment of its occurrence to the present is considered.

Key words: *Kuril Islands, territorial dispute, Russia, Japan, USA, treaty, declaration.*

Отношения Российской Федерации и Японии продолжают оставаться сложными из-за принципиальных различий в позициях руководства стран о территориальной принадлежности трех островов Южной-Курильской гряды – Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хамобай. По мнению японской стороны, возникновению территориального спора с Россией способствовали односторонние действия СССР в период Второй мировой войны. Руководство Японии продолжает утверждать, что острова Южных Курил площадью 3036 кв.км были захвачены советскими войсками в период с 28 августа по 5 сентября 1945 г., после подписания Японией Потсдамской декларации. В официальных документах японского правительства с конца 40-х гг. XX в. по отношению к данным островам стало использоваться понятие «северные территории» [1]. МИД РФ также признает, что проблема территориального размежевания между Россией и Японией остается нерешенной, но точка зрения российских дипломатов расходится с утверждениями чиновников японского ведомства иностранных дел. Российская сторона напоминает, что СССР не участвовал в подписании Сан-Францисского мирного договора в 1951 г., заявляя также о своем приоритете в открытии и освоении Южных Курил [2, с.41].

Как отмечают Ю.М.Лужков и И.Б.Титов, еще в ходе экспедиций мореплавателя Мартина Шпанбурга, организованных императорской Академией наук в период

царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, было сделано первое научное описание островов Южно-Курильской гряды с отображением их на карте. В 1779 г. вышел указ императрицы Екатерины II об освобождении народа айну, считавшихся российскими подданными, от уплаты податей. В 1786 г. новым указом императрицы предписывалось принять меры для сохранения российских прав на Курильские острова. В указе говорилось о необходимости выдворения иностранцев с Курил в случае их обнаружения [3]. В 1796 г. в Санкт-Петербурге была напечатана карта Иркутского наместничества, на которой острова Итуруп, Кунашир и Шикотан были отмечены как российская территория [4]. В 1798 г. на Итуруп прибыла миссия из Эдо, возглавляемая чиновником Морисигэ Кондо. Установленные на острове русские пограничные знаки были скрыты. На островах появились японские военные заставы и установлены пограничные знаки. Активно действовали здесь и фактории, созданные для установления торговых отношений с айну. Известный японский историк С. Накамура отмечает, что к этому времени многие айну «свободно владели русским языком и могли даже быть переводчиками» [5, с. 76].

7 февраля 1855 г. между Россией и Японией был подписан Симодский трактат – двусторонний договор о границе, проходившей между островами Итуруп и Уруп. Япония инициировала подписание договора в сложный для России период Крымской войны. Опасаясь дальнейшего ухудшения внешнеполитической ситуации, российское правительство согласилось на передачу Японии четырех остров Южных Курил. В Симодском трактате было также отмечено, что остров Сахалин не подлежит разделению, как совместное владение двух стран. Но в соответствии со статьями Санкт-Петербургского договора 1875 г. Япония отказалась от территориальных претензий на о. Сахалин, получив гряду из 18 Курильских островов. В последней четверти XIX в. Сахалин находился под полным контролем российской администрации. [2, с. 44].

В 1895 г. Россия и Япония подписали Трактат о мореплавании. В данном документе были подтверждены положения договора 1875 г., а Симодский трактат был признан утратившим силу. Тем не менее после Второй мировой войны японское руководство неоднократно ссылалось именно на Симодский трактат. Обратимся к содержанию Портсмутского мирного договора, подписанного 5 сентября 1905 г. В нем отмечалось, что Япония получала от России южную часть Сахалина до 50-й параллели. Тогда, отвечая на возражения российской стороны по поводу нарушения данными уступками ранее заключенных договоров, министр иностранных дел Дзютаро Комура заявил: «Война перечеркивает все договоры» [2, с. 45]. В приложениях к протоколам Портсмутского договора были включены условия японской стороны о ликвидации прежних договоров с Россией. Таким образом, японские представители сами указали на то, что границы должны отражать сложившийся по итогам войны статус-кво, и отвергли возможность ссылаться в процессе дальнейших переговоров о территориальном пограничном размежевании на ранее заключенные договоры.

В Советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений 1925 г. было отмечено, что «признание действительности Портсмутского договора никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора» [Цит. по: 6, С. 213].

В ходе Второй мировой войны, являясь союзником нацистской Германии, милитаристская Япония разрабатывала планы нападения на СССР. Несмотря на подписанный 13 апреля 1941 г. с Советским Союзом пакт о нейтралитете сроком на 5 лет, уже в начале 1942 г. Япония заключила с Германией и Италией секретное соглашение.

Согласно данному договору, граница сферы распределения влияния между Японией и Германией в случае советско-японской войны была обозначена по 70° восточной долготы (меридиан Омска) [7, с.217].

В принятой 27 ноября 1943 г. Каирской декларации представители из США, Великобритании и Китая поставили перед собой определенную цель – изгнать Японию с территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» [8]. Важным международным событием, на котором затрагивалась проблема Южных Курил, была Ялтинская (Крымская) конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г. В соответствии с заключенным между СССР, США и Великобританией соглашением, Советский Союз обязался вступить в войну с милитаристской Японией «через два-три месяца после окончания войны в Европе при условии сохранения существующего статус-кво Монгольской Народной Республики, восстановления принадлежавших России прав, нарушенных в результате русско-японской войны 1904–1905 гг., а также передачи Советскому Союзу Курильских островов» [9].

В пункте 8 Потсдамской декларации, принятой странами-союзниками 26 июля 1945 г., указано, что «условия Каирской декларации будут выполнены и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем» [10, с.13]. Следует отметить, что 15 августа 1945 г. японское правительство приняло условия Потсдамской конференции, со всеми территориальными разграничениями. За день до этого президентом США Г. Трумэном был утвержден Общий приказ № 1 о линии разграничения между советскими и американскими войсками районов для сдачи японских войск. 18 августа 1945 г. И.В.Сталин направил Г. Трумэну письмо, в котором содержалось предложение включить в зону контроля вооруженных сил СССР Курильские острова. В послании отмечалось, что Курилы, в соответствии с Ялтинским соглашением, должны быть переданы во владение СССР. В ответном письме Трумэна от 18 августа 1945 г. содержался следующий текст: «Отвечая на Ваше послание от 18 августа, я выражаю согласие с Вашей просьбой изменить «Общий приказ № 1» с тем, чтобы включить Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим Советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке» [Цит.по: 2, с.49]. 2 февраля 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР все Курильские острова были включены в состав СССР.

В 1951 г. США и Великобритания инициировали подписание мирного договора с Японией. Между бывшими союзниками шла холодная война, в которой Вашингтон стремился использовать Японию для реализации военно-стратегических целей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В сентябре 1951 г. на конференции в Сан-Франциско 49 стран (в том числе и Япония) подписали мирное соглашение, в котором закреплялся порядок выплаты репараций союзникам и компенсаций пострадавшим от японской агрессии странам. Проблема заключалась в том, что речь не шла о коллективной выработке документа: участникам предлагалось подписать договор, ранее разработанный Великобританией и США. На встречу в Сан-Франциско были приглашены страны, большинство из которых лишь формально участвовали в войне с Японией и нужны были для создания большинства, лояльного Соединенным Штатам. Отметим, что такие государства, как МНР, ДРВ, КНР и КНДР, вообще не были приглашены на конференцию [11].

По условиям договора Япония признала утрату своего суверенитета над Тайванем и Пескадорскими островами, Парасельскими островами и островами Спратли, над Курилами, Южным Сахалином и Кореей. Острова Рюкю (Нансей, Окинава) передавались под опеку США. Япония признала все решения Дальневосточного военного

трибунала по военным преступлениям, но получила право на индивидуальную самооборону и право на заключение соглашений о коллективной безопасности. Все иностранные войска должны были быть выведены из Японии в течение 90 дней с момента подписания договора. Однако в данном документе оговаривалась возможность размещения или сохранения иностранных вооруженных сил на японской территории по соглашениям Японии с другими государствами. Преследуя цель превращения Японии в союзное государство в Восточной Азии, США уже через несколько часов после завершения Сан-Францисской конференции подписали японо-американский договор о гарантии безопасности. По данному соглашению, Япония получала гарантии безопасности от США, на ее территории располагались американские военные базы. Важно также отметить, что еще в ходе обсуждения договора в Сан-Франциско американские сенаторы приняли резолюцию, в которой содержалась следующая оговорка:

«Предусматривается, что условия Договора не будут означать признания за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении» [11].

Предложенные Советским Союзом поправки к тексту договора даже не были вынесены на обсуждение. В данном случае советская делегация отказалась подписывать Сан-Францисский договор, но четко заявила о своей позиции. Первый заместитель главы МИД СССР А.А.Громыко в своем выступлении отметил, что в предлагаемом для подписания договоре нет четких указаний на то, что Южный Сахалин и Курильские острова в соответствии с решениями Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. перешли под суверенитет СССР [12]. После завершения конференции в Сан-Франциско А.А.Громыко справедливо назвал принятое на ней соглашение сепаратной сделкой между США и Японией. По заявлению А.А.Громыко, Сан-Францисский договор мог спровоцировать новые конфликты, так как в нем конкретно не указывалось, в чью пользу Япония отказывалась от указанных территорий. Также он резко осудил пункт договора, дающий возможность размещения на территории Японии по договоренности военных баз других государств [11]. Как видим, США и Великобритания оформили договор в своих интересах, освободив в одностороннем порядке Японию от обязательств перед Китаем, КНДР, СССР, Вьетнамом. Взамен была получена возможность размещения в Японии американских военных баз и воинских контингентов.

Важно обратить внимание на статью 2С Сан-Францисского мирного договора: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.». Таким образом, Япония по факту признала юридическую силу Ялтинских соглашений. Но руководство Японии до сих пор пытается провести свое мнение об отсутствии правопреимства СССР на Курильские острова, как страны, не подписавшей Сан-Францисский договор. По этому поводу Д.В.Стрельцов, В.А.Гринюк справедливо замечают, что отказ Японии от Курил носит абсолютный характер, а его правовые последствия выходят за рамки СФМД. В международной практике положения мирных договоров, касающиеся территориальных вопросов, объективно являются нормами международного права [2, с.50].

Факт формирования без участия СССР Сан-Францисской системы международных отношений способствовал возникновению целого ряда юридических проблем, препятствующих успешному разрешению вопроса о границах. Например, в ст.26 СФМД

отмечено, что если Япония и заключила бы в дальнейшем с каким-либо государством договор на более выгодных условиях, чем те, которые обозначены в договоре, то такие условия должны были распространиться на прочих участников соглашения [10, с.202–203].

В 1955 г. СССР и Япония начали вести переговоры о восстановлении дипломатических отношений, но они оказались безуспешными ввиду выдвигания японской стороной прямого требования передачи ей четырех островов Южных Курил. Позиция японского руководства, высказанная в неподобающем дипломатическом тоне, была неприемлема для представителей СССР, внесшего наибольший вклад в ликвидацию милитаристской агрессии Японии в годы Второй мировой войны. Исследователь С.Л.Тихвинский по этому поводу отметил, что США постоянно вмешивались в процесс нормализации российско-японских отношений, активно поддерживая требование японского правительства о передаче Российской Федерацией островов Южно-Курильской гряды и «вместе с японскими реваншистами рассчитывают на пересмотр итогов Второй мировой войны» [13].

Еще в ходе предварительной стадии переговоров, состоявшейся в июне 1955 г. в Лондоне, Советский Союз предложил передать Японии остров Шикотан и гряды Хамобаи. Но японские представители посчитали, что могут добиться большего и потребовали уступить еще острова Итуруп и Кунашир. На возросшие амбиции японских дипломатов, без сомнения, повлияла позиция руководства внешнеполитических ведомств США. Так, в августе 1956 г. госсекретарь США Джон Даллес заявил министру иностранных дел Мамору Сигэмицу о том, что если Япония согласится оставить за СССР Курильские острова, то Соединенные Штаты, опираясь на ст.26 СФМД, могут получить такие же уступки [14]. В октябре 1956 г. в Москве состоялись новые переговоры с японскими дипломатами, в ходе которых представитель Японии Итиро Коно поставил вопрос о включении пункта о границах в текст совместной советско-японской декларации. Однако Н.С.Хрущев посчитал необходимым завершить территориальный спор путем фиксирования в тексте декларации обязательства СССР передать Японии острова Шикотан и Хамобаи, на что японская сторона дала свое согласие [2, с.56–57].

В итоге обеими сторонами была согласована ст.9 Совместной декларации, в которой отмечено: «СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора... При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии острова Хамобаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией» [10, с.290].

Российские ученые подчеркивают, что после подписания Совместной декларации 1956 г. Япония тем самым юридически признала существующий на тот момент статус-кво в территориальной сфере. Как отмечают многие юристы, *передать* можно лишь то, что имеешь. Поэтому подписание ее представителем данного документа означает косвенное признание Японией того факта, что суверенитет над островами принадлежит СССР [2, с.57]. Так, исследователи Д.В.Стрельцов, В.А.Гринюк обращают внимание на то, что смысл термина «передача» («хикиватаси»), содержащегося в ст. 9 декларации, принципиальным образом отличается от термина «возвращение» (хэнкан), которое в дальнейшем неоднократно использовала японская сторона при формулировании своих территориальных претензий [2, с.57–58].

19 января 1960 г. Япония подписала с США Договор о сотрудничестве и гарантии безопасности. Вскоре после этого японскому послу в СССР была передана Памятная записка советского правительства руководству Японии. В документе отмечалось: «В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции продолжают свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хамобаи и Сикотан» [10, с.262].

В ходе официального визита в Японию президента РФ Б.Н.Ельцина 13 октября 1993 г. была подписана Токийская декларация. В ней была отмечена необходимость «преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого» и «скорейшего заключения мирного договора» путем решения проблемы территориального размежевания [15]. В 1998 г. Москву посетил премьер-министр К.Обути. В ходе встречи с ним Б.Н.Ельцин предложил создать условия «для совместной хозяйственной и иной деятельности» на Южных Курильских островах без ущерба юридическим позициям обеих сторон. Он также отметил необходимость заключения отдельного соглашения по территориальной проблеме после подписания двустороннего договора о мире, дружбе и сотрудничестве [16].

Позиция МИД РФ по территориальному вопросу была скорректирована в 2000 г., после прихода к руководству страны В.В.Путина. Теперь российская сторона опиралась на положения ст.9 Совместной декларации 1956 г. В марте 2001 г. в Россию с рабочим визитом прибыл премьер-министр Японии Ё.Мори. По итогам встречи обеими сторонами было подписано Иркутское заявление, в котором оговаривалась необходимость дальнейшего продолжения переговоров по проблеме мирного договора [2, с.61–62]. Но, как показало дальнейшее развитие событий, Россия и Япония по-разному интерпретировали Иркутское заявление 2001 г. Российские власти в качестве базового документа рассматривали Совместную декларацию 1956 г., считая положения ст.9 окончательными. Японские политики считали Декларацию 1956 г. промежуточным этапом на пути решения территориального вопроса, делая упор на принятые в 90-е гг. XX в. Московскую и Токийскую декларации. Так, Ё. Мори предложил формулу «двух треков» – ведения параллельных переговоров о судьбе Хамобаи и Шикотана и спора о Кунашире и Итурупе. В 2002 г. министр иностранных дел РФ назвал такую информацию японцев о проведении раздельных переговоров по указанным двум группам островов «домыслами и небылицами» [17; 2, с.62]. Позже президент РФ В.В.Путин отметил, что обязательства по декларации 1956 г. будут выполнены «только в тех объемах, в которых японская сторона готова выполнить те же самые договоренности». Он также добавил, что «пока нам не удалось выйти на понимание этих объемов, так как мы это видим и как это видели в 1956 г.» [18; 2, с.63].

В 2001 г. кабинет министров Японии возглавил лидер либерально-демократической партии Дз. Коидзуми, и в позиции Токио вновь зазвучало требование «немедленного возвращения Японии всех четырех островов» [Цит.по:2.С.63]. В январе 2003 г. между Дз.Коидзуми и В.В.Путиным был подписан План действий, в котором были намечены некоторые направления совместной работы по обсуждению территориального вопроса. Необходимость приложения усилий для достижения прогресса в переговорах о подписании мирного договора обсуждалась и в июле 2007 г., во время встречи президента РФ с премьер-министром С.Абэ [19].

Но в последующем многие политические деятели Японии продолжали придерживаться резкой риторики по данному вопросу. Так, в 2009 г. премьер-министр Японии

Т.Асо заявил, что острова являются «исконно японскими землями», которые «находятся под незаконной оккупацией». Вскоре В.В.Путин в телефонном разговоре с С.Абэ призвал японское руководство «воздерживаться от публичных заявлений и риторики по чувствительным проблемам российско-японских отношений» [20]. Однако в 2010 г. правительство Японии также применило по отношению к статусу островов формулировку «незаконно оккупированные» (фухэ сенкё), а премьер-министр Японии Н.Кан назвал визит президента РФ Д.А.Медведева на остров Кунашир «непростительной грубостью» [21].

12 сентября 2018 г. В.В.Путин, выступая на Восточном экономическом форуме, предложил руководству Японии подписать мирный договор до конца года без дополнительных условий. Он предложил прописать в тексте документа стремление обеих сторон урегулировать споры по территориальному вопросу [23]. В ноябре 2018 г. по итогам встречи на саммите АСЕАН премьер-министр Японии С.Абэ объявил о договоренности ускорить переговорный процесс с Москвой на основе Совместной советско-японской декларации 1956 г. В декабре 2018 г. в Буэнос-Айресе В.В.Путин и С.Абэ договорились о создании нового механизма переговоров по мирному договору под кураторством глав МИД России и Японии. Вскоре состоялись несколько раундов переговоров на уровне министров иностранных дел и профильные консультации заместителей министров иностранных дел, которые показали сохранение существенных расхождений в позициях сторон [23].

С весны 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине, страны Запада и их союзники объявили о масштабных экономических санкциях против России. 16 марта 2022 г. премьер-министр Ф.Кисида объявил об исключении России из режима наибольшего благоприятствования в торговле. В ответ 21 марта 2022 г. российский МИД объявил, что РФ отказывается от продолжения переговоров по мирному договору и выходит из диалога с Японией о налаживании совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах [23]. В апреле 2022 г. МИД Японии впервые за 19 лет назвал Южные Курилы «оккупированными северными территориями» [24].

С конца 2022 г. под предлогом сдерживания КНДР и Китая значительно расширилась военная активность США в Восточной Азии. В начале января 2023 г. глава Пентагона Ллойд Остин заявил, что США планируют увеличить свой военный контингент в Японии и усилить его «путем передового базирования более многофункциональных, мобильных и устойчивых средств» [25]. 27 января 2023 г. парламентом Японии был принят очередной блок антироссийских санкций, включающий ограничения против 49 организаций. 5 февраля 2023 г. на страницах японской газеты «Sankei Shimbun» была размещена информация о готовности США разместить в Японии крылатые ракеты «Tomahawk» и гиперзвуковые комплексы «LRHW», способные поражать цели на расстоянии около 2800 км [25].

10 февраля 2023 г. в своем выступлении на официальном брифинге представитель МИД РФ М.Захарова отметила, что вопрос мирного договора с Японией, отсутствующего с окончания Второй мировой войны из-за спора о принадлежности нескольких Южных Курильских островов, «закрит». Подчеркивалась невозможность каких-либо переговоров из-за «откровенно недружественной» позиции Токио [26].

Присоединившись к антироссийским санкциям, руководство Японии манипулирует общественным мнением в стране. Отсутствие политической гибкости, бесперспективная прямолинейность и откровенная враждебность в высказываниях японских политических деятелей создает негативный фон во внешней политике с Россией, что делает весьма сложным нахождение взаимного компромисса в решении данной проблемы.

Список литературы

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.asahi.com/international/history/charter09/memory/01.html>. 23.12.2022.11:45.
2. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект-Пресс, 2013. – 319 с.
3. Лужков Ю.М., Титов И.Б. Курильский синдром. М.: Московские учебники, 2008.– С.41.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Кошкин А.А. Вырванный крест Итурупа / Время новостей / <https://www.vremya.ru/print/246688.html>. 04.02.2010. 17:10.
5. Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов. М.:Прогресс,1983.
6. Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – М.: Наука – Вост.лит.,2015. – 279 с.
7. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР? – М.: Вече, 2011.– 384 с.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryu/01/002_46/002_46tx.html. 5.12.2022. 12:20.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim19.htm. 3.04.2023.
10. Курилы – острова в океане проблем. М.:Росспэн,1998.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Клитин А. Подписание Сан-Францисского мирного договора с Японией в 1951 году. / История США: материалы к курсу / <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/425-podpisanie-san-frantsisskogo-mirnogo-dogovora-s-japoniej-v-1951-goda>. 2.12.2010 г. 15:30.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Курильский вопрос: почему РФ и Япония так и не пришли к компромиссу / <https://ren.tv/longread/1031443>. 4.10.2022. 16:29.
13. Международная жизнь. 2011. № 8. С.88.
14. The Diplomatic History of Postwar Japan. L.: Routledge,2011. P.62.
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.japantoday.ru/offic/1993.shtml>.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: История территориального спора России и Японии. / <https://tass.ru/info/5556378>. 12.09.2018. 12:28.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.sakhalin.info/kurilsk/list191/9080/>.
- 18.[Электронныйресурс].–Режимдоступа:/<https://top.rbc.ru/politics/15/11/2004/53050.shtml>.
19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.pravda.ru/news/world/08-06-2007/227539-japan-0/>. 08.06.2007/ 11:55.
20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Павлятенко И. Нужен ли России мирный договор с Японией? / <https://www.vremja.ru/2009/116/5/232429.html>. 03.07.2009. 11:15.
21. [Электронныйресурс].–Режимдоступа:/<https://www.polit.ru/news/2011/02/07/japan/>. 7.02.2011. 10:05.
22. Hasegawa Tsuyoshi. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations Vol.2: Neither War Nor Peace 1985-1998. University of California at Berkeley,1998.P.545.
23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Курильский вопрос: почему Япония и РФ так и не пришли к компромиссу / <https://ren.tv/longread/1031443>. 4.10.2022. 16:29.
24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://lenta.ru/news/2023/04/11/occur>. 4.05.2023. 12:02.

25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Россия закрыла вопрос о мирном договоре с Японией / <https://vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/10/962581>. 10.02.2023. 10:22.

26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Захарова назвала закрытой для РФ тему возможности заключения мирного договора с Японией / <https://tass.ru/politika/17019785>. 10.02.2023. 15:16.

Б.В. Очиров

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье автором представлена сравнительная характеристика правового положения привилегированных сословий у кочевых народов степного Предкавказья во второй половине XIX века. Несмотря на сходный кочевой уклад жизни калмыков, ногайцев и туркмен, в указанном регионе социальная иерархия и положение аристократии у этих народов были различными. При этом следует обратить внимание на то, что различным являлось и влияние либеральных реформ Александра II на жизнь кочевников Предкавказья. Целью работы является анализ правового статуса знати у калмыков, ногайцев и туркмен Ставрополя и его эволюция в период Великих реформ. Работа основана на использовании как опубликованных сведений, так и архивных данных, впервые вводимых в научный оборот. Исследование базируется на применении общенаучных и специально-исторических методов и подходов, определяющими из которых являются принцип историзма и системный анализ, позволившие автору представить объективную картину важной стороны социальной жизни кочевников. Одним из результатов хозяйственного развития кочевников Предкавказья стали изменения в положении знатных сословий, заключившиеся в снижении их монополярной социальной роли.

Ключевые слова: калмыки, ногайцы, туркмены, социальные отношения, знать, нойоны, зайсанги, мурзы, муллы.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

B.V. Ochirov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

LEGAL STATUS OF THE PRIVILEGED ESTATES OF THE NOMAD PEOPLES OF THE STAVROPOL PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article presents a comparative description of the legal status of the privileged estates among the nomads of the steppe Ciscaucasia in the second half of the 19th century. Despite the similar nomadic way of life of the Kalmyks, Nogais and Turkmens in this region, the social hierarchy and position of the aristocracy among these peoples were different. At the same time, attention should be paid to the fact that the influence of the liberal reforms of Alexander II on the life of the nomads of Ciscaucasia was also different. The aim of the work is to analyze the legal status of the nobility among the Kalmyks, Nogais and Turkmens of Stavropol and its evolution during the period of the Great Reforms. The work is based on the published information and archival data introduced into scientific circulation for the first time. The study is based on the application of general scientific and special-historical methods and approaches, the defining of which are the principle of historicism and system analysis, which allowed the author to present an objective picture of an important aspect of the social life of nomads. One of the results of the economic development of the nomads of Ciscaucasia was the change in the position of the noble classes and the decrease of their monopoly social role.

Key words: Kalmyks, Nogais, Turkmens, social relations, nobility, noyons, zaisangs, murzas, mullahs.

Acknowledgment: The article was prepared as part of the implementation of the project of the Russian Science Foundation "Between East and West: Civilizational and Cultural Development of the Kalmyk Society as part of Pre-Revolutionary Russia" (No. 23-18-20019).

В данной работе исследуются вопросы правового статуса высших сословий у номадов в период после Великих реформ XIX в. на территории степного Предкавказья. Автор на основе большого фактологического материала представил в своей работе сравнительный анализ положения знати у калмыков, ногайцев и туркмен, с учетом тех изменений, которые произошли в результате либеральных реформ 1860–1870-х гг. Несмотря на общий для них кочевой уклад жизни, социальная иерархия и положение аристократии у данных народов были различными. Вместе с тем также различался и уровень воздействия либеральных реформ Александра II на хозяйственное и социальное развитие указанных регионов.

Актуальность исследования данного вопроса объясняется его недостаточной изученностью. В дооктябрьский период в работах Дубровы Я.П., Фарфоровского С.В. и Щеглова И.Л. [12, 29, 31], являвшихся современниками событий, рассматривались вопросы социального устройства кочевых обществ, в том числе положение высших сословий в кочевом обществе.

В советский период историография проблемы пополнилась работами Капельгородского Ф.И. [30], Калмыкова И.Х., Керейтова Р.Х., Сикалиева А.И. [13], Кочкаева Б.Б. [19], Бурчиновой Л.С. и Команджаева А.Н. [3, 16, 17] и обобщающим трудом «Очерки истории Калмыцкой АССР» [23].

На современном этапе на изменения социальной структуры кочевников обращали внимание Батыров В.В., Лиджиева И.В., Оконова Л.В. [2], Кидирниязов Д.С., Абасова А.А. [1, 14, 15], Команджаев Е.А. [18], Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С. [20], Горяев М.С. [6], Нахаева И.В. [22], Джумагулова А.Т. [11], Гимбатова М.Б. [4, 5].

Помимо наблюдений и замечаний в трудах современников, имеющих в данном случае также источниковую ценность, к числу источников относятся использованные нами законодательные акты, изданные в Полном собрании законов Российской империи [24, 25, 26, 27], и «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» [28]. Важными в изучении указанной проблемы явились впервые вводимые нами в научный оборот материалы фонда Главного пристава кочующих народов Госархива Ставропольского края [7, 8, 9, 10].

После поражения в Крымской войне в Российской империи с приходом императора Александра II наметилось проведение реформ, требуемое как обществом, так и руководством страны. В этих условиях не было исключением социальное устройство кочевых народов степного Предкавказья, которое также претерпело некоторые изменения в связи с проведенными реформами.

Несмотря на то, что администрация Астраханской и Ставропольской губ. активно включила калмыков, ногайцев и туркмен в орбиту российского правового регулирования, законы лишь поверхностно затрагивали социальные отношения в обществах номадов, подтвердив привилегированный статус кочевой аристократии, которые были зафиксированы нормами обычного права.

В структуре российского общества рассматриваемого периода кочевые народы относились к «иностранцам» [20, с.76]. «Иностранцы» являлись особой категорией поданных в рамках права Российской империи, которые отличались по правам и методам управления от остального населения империи. Для них «существовало особое законодательство, закрепляющее их правовое положение, так как предполагалось, что степень их гражданского развития была очень низкой» [21, с.11].

Законодательная база, сформированная в первой половине XIX в., регулировала жизнедеятельность кочевников Ставропольской и Астраханской губ. 10 марта 1825 года были утверждены «Правила для управления калмыцкого народа». 6 февраля 1827 года – «Учреждения для управления Кавказской области» и входивший в него «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области». 28 декабря 1835 года было утверждено «Положение об управлении калмыцким народом», и, наконец, 23 апреля 1847 года «Положение об управлении калмыцким народом» в последней редакции [20, с.76].

В пореформенное время калмыцкое общество по-прежнему делилось на сословия, количество которых существенно сократилось по сравнению с периодом XVII–XVIII вв.: нойоны, зайсанги и часть духовенства составляли привилегированную часть населения, а простолюдины – зависимую категорию, на которую ложилось все бремя податных сборов. Отношения между кочевой аристократией и податным населением регулировались Положением 1847 г. и нормами обычного права.

В высшей социальной иерархии калмыцкого общества находились нойоны, владевшие улусами, права которых передавались по наследству. В подчинении у нойонов находились зайсанги. По нормам обычного права нойоны могли передать один из своих аймаков в пользование (в личное или наследственное) родственнику или простолюдину, которые переходили в разряд зайсангов [2, с.27].

При рассмотрении правового статуса нойонов и зайсангов необходимо обратиться к тем правовым актам, которые устанавливала российская власть – Правила для управления калмыцким народом 1825 года, Положения об управлении калмыцким народом 1835 и 1847 гг.

В законе от 10 марта 1825 г. не было установлено нормативное регулирование прав и обязанностей сословных групп у калмыков. Лишь в последующих нормативно-правовых документах от 1835 и 1847 гг. идет последовательное регулирование социальной структуры калмыцкого общества, а вместе с ним и положения калмыцкой аристократии.

В главе IX «Положения об управлении калмыцким народом» 1835 г. «О обязанностях и правах нойонов-владельцев, правителей улусов и зайсангов» определялись сословные обязанности знати. Согласно Положению, нойонам-владельцам и правителям улусов предоставлялась широкая власть над калмыками-простолюдинами в рамках принадлежащего улуса. Калмыцкая аристократия несла обязательства по рассмотрению мелких споров между простолюдинами, применяла меры по их примирению и назначала наказания. [18, с.82]. На нойонов также накладывались обязательства по контролю за деятельностью зайсангов, нередко самостоятельно вводивших дополнительные сборы с простолюдинов [24, с.29]. По мнению М.С. Горяева, в целом эти нормы Положения были далеки от действительности и оставались лишь на бумаге [6, с.34].

Российская законодательная система путем утверждения данного Положения стремилась инкорпорировать калмыцкую аристократию в систему государственной службы. К примеру, положение высших сословий соответствовало тому или иному классу Табеля о рангах. В соответствии со статьей 143 нойоны и зайсанги, имевшие офицерские чины по военной службе, и чины 8 класса по гражданской, или награжденные орденами, пользовались правами, которые соответствовали данным чинам и орденам. Те же лица, имевшие чины ниже 8 класса, пользовались правами личных дворян. Зайсанги, имевшие наследственные аймаки, пользовались правами потомственных почетных граждан, а безаймачные зайсанги – правами личных почетных граждан [24, с.29–30].

Положение 1847 г. стало дополнением к предыдущему закону и вносило уточнение в порядок социальных отношений калмыцких сословий. Ст.30 определяла, что все денежные взыскания с нойонов и зайсангов должны были производиться с них самих и никак не могут быть обращены на подвластных им калмыков [25, с.351].

Согласно Положению 1847 года, семьи калмыков-простолоудинов должны были платить 8 руб. 15 коп. серебром в год. Часть этой суммы в размере 57 копеек в улусах (казенных и владельческих) направлялась в пользу родового аймачного зайсанга. Из оставшейся суммы во владельческом улусе 44 коп. направлялось в общественный капитал калмыков и на управление, 7 руб. 14 коп. составлял доход нойона – владельца улуса. В казенном улусе вся оставшаяся сумма направлялась в общественный капитал и на содержание управления [18, с.82–83].

Верхушка буддийского духовенства, занимая привилегированное положение в калмыцком обществе, укрепляла свое положение за счет пожертвований, а также ведения хозяйства. Главой калмыцкого духовенства был лама, в управлении которого находилась деятельность всех священнослужителей (бакши, гелюнги, гецоли, манжики).

Отмена крепостного права в Российской империи не оказала прямого воздействия на характер сословных отношений в калмыцком обществе. Вместе с тем указанная реформа повлияла на начало разработки проектов по отмене личной зависимости калмыков-простолоудинов от национальной знати. Помимо этого, после реформы 1861 г. наблюдалась очередная волна крестьянской колонизации из центральных и южных губерний в калмыцкие улусы, оказавшая существенное влияние на социально-экономические сдвиги в регионе.

Данные по Большедербетовскому улусу Ставропольской губернии свидетельствуют, что, несмотря на небольшую долю нойонов и зайсангов – 2,4% [10, л.128], их вклад в животноводческую отрасль был гораздо большим – 6% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Численность скота в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии (1863)

	Верблюды	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Всего
У нойонов	7	201	70	650	10	938
У зайсангов	17	366	445	1904	12	2744
У простолоудинов	475	6259	9979	38273	425	55411
У духовенства	12	451	408	890	-	1761
ИТОГО	511	7277	10902	41717	447	60854

ГАСК, Ф.249. Оп.2. Д.86. Л.129.

В целом, несмотря на изменявшиеся условия жизни кочевников и переход к оседлости, обеспеченность домашними животными в расчете на одного человека была значительно выше у привилегированных сословий на протяжении XIX – начале XX века.

Однако, несмотря на экономическую мощь нойонов и зайсангов в калмыцком обществе, постепенное расширение рыночных отношений подрывало их традиционное влияние. Важной вехой на пути эволюции общества номадов стал утвержденный 16 марта 1892 г. закон, освобождавший калмыков из-под власти нойонов и зайсангов. Нойоны потеряли право взимать с простолоудинов накопившиеся за прежнее время недоимки албана (подати, сбор). Нойоны и зайсанги стали облагаться налогом в пользу государства.

В «Очерках истории Калмыцкой АССР» дана оценка деятельности российской администрации: «Закон завершал многолетнюю политику русского государства по отношению к национальным феодалам – мелкие феодалы были низведены до положения «сельских обывателей», наравне с освобожденными крепостными. В ином положении были владельцы улусов, еще до этого вошедшие в состав русского дворянства» [23, с.308]. Лишаясь власти, нойоны и зайсанги сохраняли свой социальный привилегированный статус в Российской империи.

Реформа 1892 г. уравнивала все социальные слои, обязав их уплачивать единый налог в размере 6 рублей в год с кибитки. Несмотря на требования представителей калмыцкой знати освободить их от уплаты уравнительного налога, власти сохранили прежний порядок сбора налогов. Позднее взамен единого кибиточного сбора был введен налог с имеющегося скота [27, с.694].

У ногайцев и туркмен Ставропольской губ. в пореформенный период сословное деление сохранялось, однако эта структура претерпевала значительные изменения.

В среде ногайского общества, как и у калмыков, сословные отношения основывались на нормах обычного права и законодательных актах российских властей.

Как указывают в своей работе И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, И.-М. А. Сикалиев «Ногайцы. Историко-этнографический очерк», на самой высокой ступени сословной иерархии были мурзы, султаны, князья [13, с.147]. Их высокое положение регулировалось нормами обычного права и, как у калмыков, уходило корнями в традиции прошлого, сохранившиеся в XIX в. Однако, начиная со второй половины XIX в., с проникновением рыночных отношений в ногайском обществе северо-восточного Предкавказья стали происходить социальные изменения с постепенным упразднением прежних форм зависимости и патриархальной замкнутости [13, с.147–148].

Из среды мурз и князей для административного управления внутри приставств избирались головы, старшины и казначеи. Как следствие – это определяло, по мнению авторов, решение дел в пользу аристократии [13].

В отличие от разработанных Положений для калмыков, в Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, отсутствовала информация о положении высших сословий. Стоит только отметить, что в Уставе были прописаны пункты о повинностях сословий. В соответствии со ст.80 мусульманское духовенство (кадии, ефенди и ахунды), как и мурзы с семьями, не принадлежало к числу податного сословия. По мнению Ф.И. Капельгородского, «Устав об управлении магометанскими народами» представлял собой старую административную инструкцию, призванную обеспечить аккуратное исполнение повинностей [30, с.23].

М.Б. Гимбатова в работе «Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX века» отмечает, что красной нитью в Уставе проходит идея поддержки и союза с аристократической верхушкой ногайской знати, хотя автор подчеркнула, что в политической жизни общества они играли незначительную роль [5, с.32].

В своей работе «Трухмены и Ногайцы Ставропольской губернии» И.Л. Щеглов отмечает, что «в противоположность трухменам – ногайцы сохранили у себя сословные подразделения, но в настоящее время принадлежность к высшему сословию не дает никаких привилегий, их мурзы, которых больше среди Едишкульцев, не пользуются никакими преимуществами пред простым народом, ни в экономическом, ни в административном отношении, только освобождены от несения общественной службы по выборам» [22, с.226]. Таким образом, по мнению автора, в среде ногайского общества сословие мурз ничем не отличалось от положения простых ногайцев. Исключением было то, что мурзы освобождались от несения общественных повинностей.

С.В. Фарфоровский в работе «Ногайцы Ставропольской губернии» пишет, что у них «разделения на сословия нет, все фамилии равноправны и независимы друг от друга. Хотя уже намечается разница фамилий, гордящихся своими предками, или своей многочисленностью, или силой или богатством» [29, с.23].

Однако это мнение вышеназванных авторов не может являться бесспорным. Сословное деление в ногайском обществе сохранялась. Рядовые кочевники продолжали отбывать повинности в пользу мурз. На общественные должности в аулах избирались из среды привилегированной верхушки. Кочевая аристократия и духовенство продолжали играть важную роль в обществе на протяжении второй половины XIX в.

Стоит обратить внимание, что, в отличие от управления калмыками, в управлении ногайским обществом местная российская администрация играла большую роль в деле поддержания общественного порядка. В «Уставе об управлении магометанскими народами» в ст. 25 указывалось, что на главного пристава «возлагается собрать достаточные сведения относительно податей, или иного рода повинностей, отбываемых простыми ногайцами в пользу мурз, где оные по древнему введению отправляются, и не изменяя свойства их, сообразить и существующими в народах сих обычаями, и определить с точностью, в чем именно и в какой мере должна состоять обязанность ногайцев в отношении повинностей, мурзам принадлежащих» [26, с.148]. Институт главного приставства по «Уставу» определял общественный порядок среди ногайцев, однако основное внимание в деятельности главного пристава уделялось богатой верхушке общества.

В работе Д.С. Кидирниязова, А.А. Абасовой отмечается, что с середины XIX века практически полностью прекратилась выплата податей ногайского населения своим владельцам. Однако некоторые мурзы все еще принуждали ногайцев к уплате небольших податей, к услугам и приношениям. Авторы детально раскрывают различные формы повинностей в ногайском джамаате в пользу привилегированного сословия.

Мусульманское духовенство после проведенных реформ 60–70-х годов XIX века оставалось важной привилегированной сословной категорией, которое не несло повинности. Высшими духовными лицами были кади и наиб-кади, низшими – муллы. Они решали дела «веры и совести», вопросы связанные с разделом наследства и др. Основным источником дохода местного духовенства были пожертвования как простолудинов, так и лиц привилегированного сословия [1, с.82]. Доходы духовенства собирались за счет пожертвований. Мечети строились за счет общественных средств. Являясь образованной частью кочевого общества, они выполняли работу по сбору посемейных списков и метрических книг.

В Караногайском приставстве по данным за 1872 год число мурз составляло 20 человек, а духовенства – 596 человек [9, Л. 23]. Численность населения приставства составляла 35255 человек [9, Л. 36]. Доля привилегированного сословия составляла 1,8% от общего числа населения.

В ногайских приставствах в управлении аулом находился аулбай. Он принадлежал к роду князей, мурз или знатных узденей. Как правило, аулбай избирался на сельском сходе – ямагате (сельская община). Процесс избрания в большинстве случаев был формальным. Аулбай занимал почетное положение, пользовался уважением и влиянием в обществе, тем самым ямагат лишь подтверждал законность сложившегося положения. Аулбай утверждался в должности частным приставом. В некоторых случаях аулбай брал на себя обязанности духовного лица. В многосемейных аулах на помощь аулбаю «избирались» 3-5 старейшин [4, с.14].

Как отмечает А.Т. Джумагулова, российская администрация, вводя выборность в местные органы власти, тем самым постепенно упраздняла власть местной феодальной элиты (мурз). С выборностью исключалась преемственность привилегированных групп [11, с.37].

О процедуре выборности должностных лиц в приставствах свидетельствуют документы, направлявшиеся главному приставу. Согласно списку выборных должностных лиц из ногайцев в Ачикулак-Джембойлуковском, Едисанском и Едишкульском народах в 1861 и 1864 годах головой джембойлуковского народа в 1861-1863 гг. был Кополой Кошмамбет Аджиев, в 1864–1866 гг. – Джумагалы Исламашев. На аналогичные периоды избирались кандидат головы, старшины, аксакалы, кассиры, народный казначей кади, найбы [7, Л.14., Л.14 об.].

Снижение влияния и привилегированности мурз можно проследить в сравнении с ногайцами, проживавшими на Северо-Западе Кавказа. Как отмечает Д.С. Кидирниязов, аграрная реформа на территории Кавказа имела неоднозначный характер. У ногайцев Северо-Западного Кавказа земельные преобразования носили четко выраженный сословный характер. Это определяло главенство местной аристократии при распределении земель. «Однако при этом все население степного Предкавказья обеспечивалось землей одинаково, из расчета 30 десятин на одного представителя мужского пола, без учета общественной иерархии, хотя в этой части региона проживали мурзы» [14, с.413].

Мечети возводились за счет общественных средств и с разрешения российской администрации. Мусульманские школы (мектебе и медресе) также строились за счет общественных денег. В функции мусульманского духовенства также входило составление метрических книг и посемейных списков [1, с.82].

Духовенство в обществах номадов, выполняя религиозные функции, являлось той частью общества, которая занималась просветительской работой, главным образом заключающейся в обучении чтению и писанию. Духовенство также помогало российской местной администрации в подсчете численности населения, рождаемости и смертности, возрастного деления.

К началу XX в. в ногайском обществе стала выделяться байская верхушка, которая возникла из среды разбогатевших простых ногайцев. Как отмечает Б.Б. Кочекаев, «к началу XX века имущественная дифференциация в ногайском обществе достигла крайних пределов. С одной стороны, существовала небольшая группа богачей (знатных и незнатных), для которых сословная принадлежность уже не играла такой роли, как раньше, поскольку скот в основном был сосредоточен в руках крупных баев; с другой стороны, была масса бедняков, вообще не имевших скот» [1, с.82].

В сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии утверждается, что в туркменском народе сословий вовсе нет. К привилегированной части населения можно причислить лишь духовенство, занимавшее самое почетное место, учитывая их нравственное воздействие на народ. Но принадлежность к духовенству не передавалась по наследству, поэтому каждый туркмен старался всегда одного из своих сыновей приготовить в муллы [28, с.196].

Должностные лица, как и духовенство, были освобождены от всех налогов, но во всем остальном не имели особых сословных прав. Зажиточная часть населения пользовалась уважением в обществе, которое «не сопровождается раболепием и выражает собою более одно уважение к уму богача». Туркмен с посредственным состоянием и бедняки пользуются в равной степени своими гражданскими правами [27, с.196–198].

Однако нельзя считать, что сословное деление у туркмен не было. Как и у калмыков и ногайцев, туркмены продолжали сохранять сословные традиции.

В Трухменском приставстве по данным статистических сведений за 1871 год были перечислены инородцы, которые не отбывали повинности. К ним относили должностные лица (9 человек), аксакалы (11 чел.), десятники (8 чел.), оспопрививатели (6 человек), кассир и казначей (3 человека) а также духовенство (кадии – 4 чел., наибы – 3 чел., эфенди – 1 чел., муллы – 9 чел.). Количество лиц, не отбывавших повинности, в приставстве составляло не более 70 чел. при общей численности туркмен в 17732 чел. [8, Л.23] или 0,3% от всего населения. Стоит отметить, что в указанных данных к числу лиц, не отбывавших повинности, не были отнесены мурзы [8, Л.18].

Общее количество скота в Трухменском приставстве за 1871 г. представлено в таблице 2.

Таблица 2

Численность скота в Трухменском приставстве Ставропольской губернии (1871 г.)

	Лошади	Рогатый скот	Овцы (простые)	Козы	Верблюды	Всего в уезде
У трухмен и киргизов (казахов)	14660	10301	118584	1813	6776	152134

ГАСК, Ф.249. Оп.2. Д.492. Л.29.

Вышеуказанное количество скота делилось на облагаемое и необлагаемое повинностью. К последнему относился скот, находившийся в собственности должностных и духовных лиц.

Таблица 3

Численность необлагаемого скота в Трухменском приставстве

	Верблюды	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы
У кочевников	440	1674	482	8781	77
У переселенцев	13	46	359	1090	10
ИТОГ	463	1720	840	9871	87

ГАСК, Ф.249. Оп.2. Д.492. Л.34.

Общее количество необлагаемого повинностью скота (не считая скота переселенцев) составило 11454 голов или 7,5% от общей численности.

Влияние привилегированного сословия можно увидеть в процессе перехода кочевых народов на оседлость. Как указывает в своей диссертации И.В. Нахаева, благодаря грамотной политике российской администрации большая часть кочевников не оказывала сопротивления при переходе на оседлость. Однако данное явление встретило неоднозначное отношение в кочевых обществах. Если простолюдины (особенно обедневшие) в большей части охотно соглашались с условиями перехода на оседлость, то зажиточная, привилегированная верхушка общества встречала данное явление с сопротивлением. По этому поводу И.В. Нахаева приводит цитату из архивного источника: «Пользуясь чрез свое богатство влиянием в народе, те которые из них употребляют все усилия отговорить от поселения изъявивших желание селиться и помешать делу поселения, для этого они стараются действовать на беднейших своих однородцев, давших приговор селиться; слушаются их, т.к. они им указывают, боясь гонения сильных в народе» [22, с.157].

Напротив, неизбежность процесса перехода на оседлость определяла качественное развитие будущих оседлых поселений. Богатая знать, владевшая большим количеством скота и капитала, могла позволить себе более качественное усовершенствование

хозяйственных построек. Привилегированное сословие, осознавая изменения, вызванные с переходом на оседлость, хоть и проявляло сопротивление, не смогло оторваться и развиваться вне данного процесса. Например, богатые скотоводы в начале XX в. могли позволить себе разведение скота улучшенных пород. Нойон М. Гахаев «развел лучшие породы лошадей, рогатого скота и овец. Устраивая свое хозяйство, он приобрел по высоким ценам у первых скотоводов самые лучшие экземпляры скота и овец, так что в настоящее время его рогатый скот и овцы причисляются к лучшим породам» [17, с.103].

Выводы

Общим итогом для кочевых народов степного Предкавказья стало то, что к концу XIX века позиции привилегированного сословия в обществе существенно изменились. Одной из главных причин этого процесса стали хозяйственные сдвиги у кочевников, которые повлияли на социальную структуру общества. На отношениях между простолюдинами и знатью сказался и переход на оседлый образ жизни. Как результат, сословные отношения к началу XX в. стали постепенно подвергаться некоторой трансформации. Обеднение значительной части рядовых кочевников под воздействием рынка создавало новые условия социальных взаимоотношений, где, с одной стороны, находился разорившийся простолюдин, а с другой – богатый скотопромышленник, владевший значительной собственностью. В этой среде привилегия высших слоев общества определялась, в первую очередь, наличием собственности. Знатное происхождение и нормы обычного права как элементы прежних патриархально-феодальных отношений постепенно ослабевали у кочевников. Кочевая знать со становлением рыночных отношений все более подтверждала свою господствующую роль в обществе нажитым богатством, а не своим знатым происхождением

Список литературы и источников

1. Абасова А.А. Сословное деление у ногайцев Северо-Восточного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // ИАЭЖ – 2015. – №1 (41) – С. 81–83.
2. Батыров В.В., Лиджиева И.В., Оконова Л.В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи // Известия АлтГУ – 2014. – №4 – С.26–30.
3. Бурчинова Л.С., Команджаев А.Н. Социальное положение калмыцкого крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века). // В сборнике: Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период.– Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989. – С. 114–127.
4. Гимбатова М. Б. Военно-административное управление ногайцами Северного Кавказа (XIX – нач. XX вв.) // 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди : Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Магас, 03–06 июня 2020 года. – Магас: Общество с ограниченной ответственностью «КЕП», 2020. – С. 11–15.
5. Гимбатова М.Б. Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX века. – Махачкала, 2018 – 174 с.
6. Горяев М.С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – №5. – С.34–41.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК), Ф.249, Оп.2, Д.146.
8. ГАСК, Ф.249, Оп.2, Д.492.

9. ГАСК, Ф.249, Оп.2, Д.539.
10. ГАСК, Ф.249, Оп.2, Д.86.
11. Джумагулова А.Т. Ногайцы-кочевники в XVIII–XIX вв.: выбор между Российским государством и Османской империей // *Nomadic civilization: historical research – 2021 – Т.1, №.4 – С.27-45.*
12. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1892 – 239 с.
13. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. – Черкесск: Ставропольское книж. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1988 – 232 с.
14. Кидирниязов Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX – начале XX веков // *Научный диалог – 2022 – Т.11, №7 – С.398–416.*
15. Кидирниязов Д.С., Абасова А.А. Подати и повинности у ногайцев в XIX в. // *Oriental Studies. – 2017. – №10(1).– С. 21–26.*
16. Команджаев А.Н. Изменения в социальной структуре калмыцкого общества (конец XIX – начала XX века). // В сборнике: *Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии.* – Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1983. – С. 122–142.
17. Команджаев А.Н., Бурчинова Л.С. Социальное положение калмыцкого крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) // В сборнике: *Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период.* – Элиста, 1989. – С. 114–127.
18. Команджаев Е.А. Правовой статус калмыцкой знати в XIX веке // *Вестник КИГИ РАН. – 2011. – №2 – С.81–83.*
19. Кочкаев Б.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX в. – Алма-Ата, 1969. – 37 с.
20. Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С. Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России // *Вестник РУДН. Серия: История России. – 2021.– №1 – С. 74–87.*
21. Мамедов К.Н. Права подданных в различные периоды существования Российского абсолютизма // *Государство и право в XXI в. 2017. – №1. – С.10–14.*
22. Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века: дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь., 2000. – 299 с.
23. Очерки истории Калмыцкой АССР. – М., 1967.
24. ПСЗРИ Собрание 2. Т.10. Отделение 2. № 7560а. С.18–39.
25. ПСЗРИ Собрание 2. Т. 22. Часть 1. №21144. С.349–372.
26. ПСЗРИ Собрание 2. Т.2. С.145–155.
27. ПСЗРИ. Собрание 3. Т.20. №18791. С.694.
28. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 2. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1869
29. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. – Тифлис, 1909. – 34 с.
30. Филипп Иосифович Капельгородский и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Продолжение. Публикация и комментарии А.А. Ярлыкапова // *Кавказский сборник. Т. 12 (44) / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – С.164–214.*
31. Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т.1. – Ставрополь, 1910. – 529 с.

Н.Г. Очирова
Южный научный центр РАН

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ) В 1970 – 1980-е гг.**

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2

Статья посвящена рассмотрению культурной политики советского государства и ее влияния на развитие культуры Калмыкии в 1970–1980-е гг. Автором предпринята попытка выявления особенностей и специфики культурного строительства в республике. Отмечается, что период 1920–1940-е гг. – время окончательного складывания культуры советского типа, достижения высокого уровня интегрированности калмыцкого народа в советское общество. Показано, что культурное строительство в Калмыкии явилось неотъемлемой частью культурной политики советского государства. Отмечается, что рассматриваемый период, несмотря на сложности, явился важным этапом для дальнейшего развертывания деятельности профессиональных коллективов, национальных театров, творческих организаций.

Ключевые слова: *Россия, СССР, Калмыкия, советская культурная политика, государство, партия, возрождение, общество, культурное наследие.*

N.G. Ochirova
Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

**CULTURAL POLICY OF THE SOVIET STATE AND ITS INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF REGIONAL CULTURE (BY THE EXAMPLE
OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA) IN THE 1970s – 1980s**

*The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the SSC RAS,
project state registration number 122020100347-2*

The article is devoted to the consideration of the cultural policy of the Soviet state and its influence on the development of culture of Kalmykia in the 1970s–1980s. The author made an attempt to identify the features and specifics of cultural construction in the republic. It is noted that the period of 1920–1940s. was the time of the final folding of the culture of the Soviet type, the achievement of a high level of integration of the Kalmyk people into Soviet society. It is shown that cultural construction in Kalmykia was an integral part of the cultural policy of the Soviet state. It is noted that the period under review, despite the difficulties, was an important stage for the further development of the activities of professional groups, national theaters, and artistic organizations.

Key words: *Russia, USSR, Kalmykia, Soviet cultural policy, state, party, revival, society, cultural heritage.*

В условиях нарастающих процессов глобализации происходящие в современный период в российском обществе радикальные перемены кардинально влияют на развитие культуры народов многонациональной России, что требует объективного изучения и осмысления специфики и особенностей культуры регионов, в том числе Калмыкии. Это обстоятельство диктует также самое заинтересованное отношение к истории культуры прошлого, использование его позитивного потенциала в интересах развития общества, преодоление не только социально-экономического, но и нравственного кризиса. На это обращен Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина,

которым 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов Российской Федерации [19]. Поэтому представляется весьма актуальным изучение культурного развития регионов во всех сложностях и исторических перипетиях, в том числе Калмыкии. Одним из важнейших этапов истории калмыцкого народа был советский период восстановления национальной государственности калмыцкого народа в составе РСФСР/СССР после возвращения его из насильственного переселения в восточные районы страны. Изучение влияния советской и российской культурной политики в аспекте развития культуры Калмыкии в 1970–1980-е гг. представляет несомненный интерес. Содержание культурного развития в 50-х–80-е гг. XX века определяли разнохарактерные общественно-политические события, происходившие в стране. Так, начавшаяся в середине 50-х годов, так называемая «десталинизация» затронула все сферы общественной жизни, всколыхнула общественное сознание и ускорила процессы духовного освобождения советского народа. Для калмыцкого народа, как и для всех репрессированных народов, начало «десталинизации» во второй половине 50-х гг. было благодатным и ознаменовано возвращением на родину, которое сопровождалось социально-экономическими преобразованиями в республике, возрождением культуры.

Вопросы культурного строительства, формирования стратегии культурной политики, исследования в различных областях гуманитарной науки находят отражение в трудах отечественных ученых, являются предметом обсуждения на Международных, Всероссийских, региональных и межрегиональных научных конференциях, проводимых по данной проблематике: Международная научная конференция по социальным и культурным преобразованиям в контексте современного глобализма (г. Грозный, 2021) [5], Международный форум историков–кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 2019) [8], Международная научная конференция «Тува в буддийском мире: история и современность» (г. Кызыл, 2021) [6], V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире (г. Элиста, 2021) [7]. Проблемы культурного развития освещаются в работах М.Ч. Ларионовой [4], О.В. Семеновой [17], А.Ч. Абазова [1], Н.Г. Очировой [16].

Главную задачу политики в области культуры советское государство видело в воспитании людей, формировании гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. На это была направлена деятельность партийных и советских органов Калмыцкой АССР. В 1970 г. в республике работало 188 клубов и домов культуры, 198 библиотек, 21 передвигной клуб, 13 детских музыкальных школ, драматический театр, концертно-эстрадное бюро, Государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан» [3].

Широкий размах в стране получила подготовка к празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. На основании директив центральных партийных инстанций были приняты и осуществлялись юбилейные мероприятия как по всей стране, так и в Калмыкии под руководством обкома КПСС, т. е. по любым значимым событиям, принятые центральными органами партии решения доводились в низовые структуры, и их выполнение было обязательным для всех звеньев партийной цепочки, распространялось на трудовые коллективы.

XXIV съезд КПСС, проходивший в 1971 г., оценил роль культуры в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры и эстетических вкусов. На партийном форуме получила дальнейшее развитие идея о возрастании роли литературы и искусства в жизни социалистического общества, в частности, в формировании у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения,

сознательного отношения к труду, патриотического воспитания. Как отмечено выше, решения партийных съездов должны были неукоснительно выполняться в стране повсеместно. Так, Калмыцкий обком партии сразу же после XXIV съезда КПСС в мае 1971 г. провел II съезд работников культуры республики, обсудивший вопрос «XXIV съезда КПСС и задачи учреждений культуры республики». На нем были приняты обращения ко всем работникам культуры и социалистические обязательства по улучшению культурного обслуживания населения, что свидетельствует о жесткой централизации деятельности культурных учреждений и их подчиненности, прежде всего политике центральных и местных партийных органов. Государственные органы в центре и на местах также были подчинены партийным структурам, что реализовывалось через партийные номенклатуры, направленные партийными комитетами для работы в этих учреждениях, организациях в качестве руководителей и полностью несли ответственность за выполнение поставленных задач. Так осуществлялось влияние советской государственной политики в области культуры на регионы, в том числе и на развитие культуры Калмыкии.

Большое внимание в республике уделялось развитию художественной самодеятельности. В 1969 г. в Калмыкии было создан Дом народного творчества, в сферу деятельности которого входила организация работы и оказание методической помощи самодеятельным художественным коллективам различного направления, выявлению самодеятельных талантов, развитию массовости. Совершенствованию репертуара художественных коллективов способствовали районные, городские смотры художественной самодеятельности. Поэтому они проводились регулярно, в поле деятельности партийных организаций входил контроль за художественным и идейно-политическим уровнем исполнения. Первый, после возвращения калмыков из Сибири, большой республиканский смотр народных талантов состоялся в 1962 г., куда съехались 1200 участников, представители 113 коллективов художественной самодеятельности, в том числе, 18 оркестров, 11 агиткультбригад, 500 индивидуальных исполнителей [9, л. 58]. Этому предшествовала активная подготовительная работа на местах – в селах, районах и городах, где прошли смотры художественной самодеятельности. Центральной темой всех программ была патриотическая направленность. Здесь впервые прозвучали современные песни местных авторов: «Элистинский вальс» композитора П. Чонкушова, «Рыбачий вальс» Ю. Григорьева и др. В августе 1969 г. был проведен смотр агитационно-художественных бригад республики, посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию Автономии советской Калмыкии. Он показал, что это оперативный, творчески активный, успешно развивающийся вид самодеятельного творчества. На смотре отмечалось, что перед любым таким коллективом стоит цель – всемерно пропагандировать средствами искусства идеи коммунистической партии, агитировать за выполнение очередных хозяйственных и политических задач. В 1970–1980-е годы в Калмыкии были в основном решены многие народно-хозяйственные задачи. В этих достаточно благоприятных условиях развивалась культура Калмыкии. Тем не менее в 1970–1980-е гг. республика продолжала остро нуждаться в профессиональных кадрах в культурной сфере. Решению этой задачи способствовала Программа подготовки специалистов для республики, одобренная Министерством культуры РСФСР. Талантливая молодежь Калмыкии по целевому набору направлялась на учебу в Саратовскую и Московскую консерватории, в Ростовское училище искусств на театральное отделение. В Московском институте культуры готовились кадры библиотечных работников, в Ленинградском (г. Санкт-Петербург) хореографическом училище им. Вагановой было осуществлено четыре набора детей из Калмыкии.

В целях удовлетворения потребностей республики в профессиональных кадрах были открыты Элистинское музыкальное училище, ныне преобразованное в колледж и носящее имя П.О. Чонкушова, а также культпросветучилище.

В 1970–е–1980–е гг. в республике активно осуществлял свою деятельность Союз писателей Калмыкии, издавался альманах «Теегин герл» («Свет в степи»), это способствовало развитию творческого потенциала республики, возвращению начинающих молодых литераторов. Деятельность Союза писателей республики была тесно связана с Союзом писателей СССР и РСФСР. Союз писателей Калмыкии был представлен в Правлении Союза писателей СССР и РСФСР (Д.Н. Кугультинов). Практически осуществлялось руководство центральных органов писательской организации над региональной писательской организацией. Это было тоже одним из рычагов влияния советской и российской культуры на развитие культуры Калмыкии. Весной 2022 г. культурная общественность нашей страны отметила 100-летие со дня рождения народного поэта Калмыкии Д.Н. Кугультинова. В преддверии юбилея поэта вышла книга писателя В. Церенова, посвященная аресту Д. Кугультинова за правозащитную деятельность, поскольку он не согласился с выселением калмыцкого народа и ликвидацией Калмыцкой АССР в 1943 г. [18]. Через ГУЛАГ прошли поэты С. Каляев, Х. Сян-Белгин, К. Эрендженев. После возвращения в родные места выжившие в лагерях и реабилитированные писатели продолжили трудиться на литературном поприще, создавая новые произведения. Рассматриваемый период в развитии литературы был отмечен изданием романа А. Бадмаева «Алтн шорад даргдшго» («Золото в песке не затеряется») и выходом национальной литературы на всесоюзный уровень. Произведения Д. Кугультинова печатались в самых массовых и популярных журналах «Огонек», «Новый мир», «Дружба народов», завоевав широкую известность. В 1970 г. за сборник стихов «Зов апреля» поэт был удостоен Государственной премии РСФСР, а затем и Государственной премии СССР. Произведения Л. Инджиева, А. Тачиева, А. Сусеева публиковались в Монголии, Михаила Хонинова – в Белоруссии.

В общем русле развития культуры Калмыкии в 70–80–е гг. в значительной степени возрастает роль Калмыцкого драматического театра им. Б. Басангова. Театр стал одним из важнейших составляющих культурной жизни столицы и ее гостей. В театре работали две труппы: калмыцкая и русская. У истоков становления Калмыцкого драматического театра стоял известный деятель культуры и искусства Калмыкии Баатр Басангов, оставивший после себя 12 пьес, в том числе «Кенз байн» («Богач Кенз»), «Случай, достойный удивления», вошедшие в золотой фонд репертуара театра [3, с. 126]. Наряду со старшим довоенным поколением артистов здесь трудятся талантливые выпускники калмыцкой студии Ленинградского государственного института театра, музыки и комедии, ставшие опытными мастерами сцены. В 1972 г. театр пополняется выпускниками калмыцкой студии Ростовского училища искусств [2]. Это время в жизни театра характеризуется как наиболее продуктивное с точки зрения творческих успехов в искусстве, слаженности работы коллектива. Драматический театр неоднократно становился дипломантом престижных фестивалей, в том числе Всесоюзного фестиваля национальной драматургии в 1973 г., смотра румынской (1973 г.) и венгерской драматургии (1978 г.). В конце 80–х гг. в русле происходящих в стране процессов демократизации в драмтеатре режиссером Б. Манджиевым предпринимается попытка привнести в классическую комедию Б. Басангова «Случай, достойный удивления» трагическую ноту, построенную на воспоминаниях калмыков о сибирской ссылке [10, лл.3, 37]. Говоря о деятельности драмтеатра, следует отметить, что его работа была всегда в поле зрения государственных и партийных органов.

Репертуар театра утверждался на худсовете театра и в отделе пропаганды и агитации обкома КПСС в соответствии с требованиями вышестоящих организаций. Работники идеологического направления непременно бывали на премьерных спектаклях, давая оценку работе, иной раз она была нелицеприятной, в этом случае принимались различные меры партийного воздействия. Таким образом, советская и российская культурная политика оказывала влияние на все культурное пространство, в том числе и на театральное искусство.

С восстановлением автономии калмыцкого народа республика остро нуждалась в специалистах в области изобразительного искусства. В 1957–1960-е гг. республика со всех краев и областей страны, республик Средней Азии собирала кадры специалистов из числа калмыков, находившихся на спецпоселении. По приглашению оргкомитета вернулись на родину скульптор Санджиев Н.А из Алтайского края, Рокчинский Г.О. из Казахстана, впрочем, они и так уже, говоря образно, «сидели на чемоданах», собираясь выезжать на родину. По приезду в Калмыкию художники сразу же включились в работу по возрождению республики, решению вопросов, связанных с подготовкой кадров – живописцев, графиков и иных специалистов в области изобразительного искусства. Постепенно съезжались и другие художники, уцелевшие в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, выжившие в тяжелые годы депортации, но численность профессиональных художников была крайне мала, не составляла и 10 человек. По инициативе Н.А. Санджиева и поддержке республиканских органов власти в Калмыкии был создан Союз художников, объединивший творческие силы художников для решения общих задач. Первая республиканская художественная выставка «Советская Калмыкия» состоялась в 1963 г., на которой было представлено 150 произведений живописи, скульптуры и графики, выполненные 29 авторами. В 1960–1970-е гг. изобразительное искусство республики на Всесоюзных выставках было представлено живописными полотнами Г. Рокчинского, У. Бадмаева, К. Ольдаева, скульптора Н. Санджиева [15, с. 320]. В 70–80-е гг. изобразительное искусство Калмыкии отражено творчеством талантливых художников О. Кикеева, В. Бадмаева, В. Урагулова, А. Поваева, В. Монтышева, В. Терехова, Н.У. Шиняева, скульптора С. Ботиева и мн. др.

Одним из старейших коллективов культуры Калмыкии является Государственный ансамбль песни и танца Калмыкии «Тюльпан», созданный в 1937 г. из числа лучших участников художественной самодеятельности. После восстановления республики, как и другие направления в культуре Калмыкии, ансамбль песни и танца «Тюльпан» получил второе рождение. В 70–80-е годы прошлого столетия он стал высокопрофессиональным коллективом с обширной программой, основу которой составляло самобытное историко-культурное наследие калмыцкого народа. На концертах исполнялись старинные протяжные песни и современные произведения калмыцких композиторов. Кроме того, были представлены этнографические танцы и масштабные вокально-хореографические сюиты, отражающие современность. Таким образом, в 70-е гг. Калмыкия добилась заметных успехов в развитии профессионального искусства. Стала возможной постановка вопроса о выезде коллектива за рубеж, в то время это было непростой задачей. В стране имели право беспрепятственного выезда за пределы СССР лишь несколько коллективов. И, тем не менее, первая зарубежная командировка коллектива ансамбля «Тюльпан» состоялась. Монгольская Народная Республика выразила желание заключить Договор и принять калмыцких артистов из дружественной советской страны. Этим гастролям придавалось исключительно важное значение, потому как ансамбль представлял культуру близкородственного

монголам калмыцкого народа и на коллектив «Тюльпана» возлагалась важная задача как можно полнее в одной программе отразить музыкальную и хореографическую культуру калмыков и посредством этого показать достижения в социально-экономическом, политическом и культурном развитии республики. Артисты ансамбля блестяще справились с поставленной руководством республики задачей и привезли с собой множество наград МНР, теплые воспоминания о встречах с сородичами. Так, ныне Государственный академический ансамбль песни и танца «Тюльпан» положил начало, а затем и значительно расширил границы международного культурного сотрудничества Калмыкии с зарубежными странами.

Дальнейшее развитие в 70–80-е годы получила республиканская печать. Официальной датой зарождения периодической печати Калмыкии считается 3 декабря 1920 г. (ныне изменена), когда вышел первый номер газеты «Красный калмык» на двух языках (две полосы на калмыцком и две полосы на русском), как орган Центрального Исполнительного Комитета Автономной области трудового калмыцкого народа [11, л. 181]. С 1957 г. после возвращения калмыцкого народа на родину стали издаваться две республиканские газеты: «Советская Калмыкия» и на калмыцком языке газета «Халмыг унн» [12, л. 9.]. Кроме того, в республике издавалась молодежная газета «Комсомолец Калмыкии», и в каждом районе – районные газеты. Газета «Комсомолец Калмыкии», сформированная в 1965 г., была преемницей молодежных изданий 1930-х гг. Она являлась печатным органом Калмыцкого обкома ВЛКСМ, в ее задачу входило воспитание комсомольцев и несоюзной молодежи в духе патриотизма и советского интернационализма, обеспечение молодежью производственных планов. Газеты Калмыкии, как и вся советская печать, оказывали активную помощь областной, районным партийным, комсомольским организациям в успешном решении задач хозяйственного и культурного строительства, в коммунистическом воспитании трудящихся.

После XXIII съезда КПСС труженики Калмыкии активно принялись за выполнение его решений. В этот период областная парторганизация обратила большое внимание на работу печати. Так, бюро обкома партии после обсуждения указало на недостатки в работе районной газеты «Приморские известия» и обязало «...сосредоточить внимание газеты на оказание действенной помощи партийным организациям в мобилизации трудящихся на выполнение решений мартовского (1965), сентябрьского (1966) пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС на вопросах рентабельного ведения всех отраслей сельскохозяйственного и промышленного производства...» [13, л. 112]. В эти годы продолжался выпуск районных газет, среди них «Ленинский путь» в Целинном районе, «Приютненском – «Путь к коммунизму», деятельность которых, как и центральных газет, была направлена на мобилизацию трудящихся по выполнению очередных пятилетних, семилетних планов коммунистического строительства [14, л. 112]. Успешно осуществляли свою деятельность Управление по печати и Калмыцкое книжное издательство. В этот период печать была одним из важных составляющих влияния советской и российской культурной политики на развитие культуры Калмыкии, оставаясь испытанным идеологическим средством воздействия компартии на трудящихся.

Рассмотрение развития советской культуры в 1970-1980-е годы позволяет сделать вывод об устойчивой прогрессивной эволюции в этой сфере. Художественная культура Калмыкии развивалась в тесной взаимосвязи с тенденциями формирования и становления профессиональной культуры народов СССР, в полной мере испытывая ее влияние на культуру Калмыкии. Однако вместе с успехами в развитии советской,

российской культурной политики постепенно утрачивалась, нивелировалась традиционная калмыцкая культура, происходила утрата языка, главного признака этнического самосознания этноса. Следует отметить, что культурное строительство и социально-экономическое развитие республики и калмыцкого народа, обвиненного в пособничестве немецким оккупантам, прерванное на полные унижения, голода и холода тринадцать лет депортации, также негативно отразилось на развитии культуры Калмыкии, пагубно повлияло на духовную культуру последующих поколений и обернулось незнанием родного языка, оторванностью от своих исконных корней.

Таким образом, культура в рассматриваемый период продолжала оставаться идеологическим инструментом воздействия коммунистической партии на трудящиеся массы, в определенной степени способствовала трансляции общечеловеческих ценностей и отводила важную роль в этом советскому человеку, носителю коммунистического мировоззрения, на что и были направлены усилия и работа агитационно-пропагандистских структур партийных и советских органов.

Список литературы

1. Абазов А.Ч. К вопросу о сохранении уникальных культур и языков малых народов Северного Кавказа // Проблемы истории, методологии, историографии и источниковедения народов Северного Кавказа: опыт и уроки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Нальчик, 30 июня – 2 июля 2022 г.) / Под ред. П.А. Кузьминова. Нальчик: «Принт Центр», 2022. – 372 с.
2. Дорджи-Гаряева Н.А. Калмыцкий театр в русле российской театральной культуры 1970 – 2010. Элиста: ЗАО р «НПП Джангар», 2018. – 216 с.
3. Культура Калмыкии. Этапы развития: 1920-2020. Сост. И.Н. Басангов. Элиста, 2022. – 448 с.
4. Ларионова М.Ч. Фольклор и литература: еще раз о методологии исследований // Slavica (Венгрия). – 2021. – Т. 50. – С. 47-54. DOI: <https://doi.org/10.31034/050.2021.06>.
5. Международная научная конференция по социальным и культурным преобразованиям в контексте современного глобализма (г. Грозный, 2021). [Электронный ресурс] URL: <https://kniiran.ru/index.php?start=259> (дата обращения 15.10.2022).
6. Международная научная конференция «Тува в буддийском мире: история и современность» (г. Кызыл, 2021). [Электронный ресурс] URL: <http://tuvsu.ru/news/6957/> (дата обращения 12.10.2022).
7. V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире (г. Элиста, 2021). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kalmgu.ru/ads/v-mezhdunarodnyj-nauchnyj-forum-setevoe-vostokovedenie-mir-vostoka-i-vostok-v-mire/> (дата обращения 12.10.2022).
8. Международный форум историков–кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 2019). [Электронный ресурс] URL: https://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/Forum_Kavkaz_Sbornik%202019.pdf (дата обращения 12.10.2022).
9. НА РК. Ф. 1. Оп. 5. Д.104. Л. 58.
10. НА РК. Ф. Р-25. Оп.1. Д.3 Л.3, 37.
11. НА РК. Ф.1. Оп. 2. Д. 190. Л. 181.
12. НА РК. Ф.1. Оп. 5. Д.1. Л. 9.
13. НА РК. Ф.1. Оп. 1. Д. 215. Л. 112.
14. НА РК. Ф. 114. Оп. 5. Д. 30. Л. 112.
15. Новомлинова И.Н. Развитие изобразительного искусства Калмыкии // Культура Калмыкии. Этапы развития: 1920-2020. Сост. И.Н. Басангов. Элиста, 2022. – с.320.

16. Очирова Н.Г. Основные направления государственной политики Республики Калмыкия по сохранению историко-культурного наследия в постсоветский период // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 4 (96). – С.62–67.

17. Семенова О.В. Деятельность Ростовского регионального отделения Союза советских художников в военные и первые послевоенные годы // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 3 (82). – С. 146–156.

18. Церенов В.З. Совесть не позволяла мне молчать. К 100-летию Давида Кугультинова. Элиста: Национальный музей Республики Калмыкия, 2022. – 128 с.

19. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47407> (дата обращения 15.02.2023).

Е.В. Туфанов, И.Н. Карпенко

Ставропольский государственный аграрный университет

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО ПАРТИЙНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ В 1921-1950-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ)**

В представленном исследовании, основанном на материалах партийных съездов, конференций, пленумов, рассматривается кадровая политика системы управления Советского государства. На основе решений партийных форумов анализируется кадровая политика по формированию личного состава органов партийно-государственного управления и отбора кадров на руководящие должности как в центральном, так и местном аппарате управления.

Кадровая политика Советского государства находилась под полным контролем РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, и поэтому анализ деятельности партийных съездов, конференций, пленумов и других партийных форумов является одной из важнейших задач отечественной исторической науки. Рассматривая решения кадрового вопроса в рамках Советской политической системы, необходимо отметить особую важность и актуальность данной проблематики. Так как именно кадровый состав формировал партийно-государственную номенклатуру. Именно эта социальная группа реализовывала на местах решения центральной власти и воплощала в жизнь директивы центра. При анализе партийных документов выявлены определённые закономерности решения кадрового вопроса аппарата управления Советской политической системы. Однако необходимо отметить, что каждый из периодов исследуемого хронологического отрезка имел свои особенности и специфику решения кадрового дефицита советской системы управления. Обращаясь к исследованию кадровых проблем функционирования политической системы, можно почерпнуть опыт и для формирования современного управленца.

Ключевые слова: *Советская политическая система, партийно-государственная номенклатура, кадровая политика, партийный съезд, аппарат управления, государственное строительство, конституция, партийная пропаганда, партийное образование.*

E.V. Tufanov, I.N. Karpenko

Stavropol State Agrarian University

**PERSONNEL POLICY
OF THE SOVIET PARTY ADMINISTRATIVE APPARATUS OF THE 1921-1950s
(BASED ON THE MATERIALS OF PARTY CONGRESSES
AND CONFERENCES)**

This article considers the personnel policy of the management system of the Soviet state based on the materials of party congresses, conferences, and plenums. The author analyzes the personnel policy on the formation of the personnel of the party-state administration bodies and the selection of personnel for senior positions in both the central and local administrative apparatus based on the decisions of the party forums. The personnel policy of the Soviet state was under the full control of the RCP (b)-CPSU(b)-CPSU, and therefore the analysis of the activities of party congresses, conferences, plenums and other party forums is one of the most important tasks of the Russian historical science. Considering how well the personnel issue was implemented within the framework of the Soviet political system, it is necessary to note the special importance and relevance of this issue since it was the personnel that formed the party-state nomenclature. It was this social group that implemented the decisions of the central government on the ground and implemented the directives of

the center. The analysis of party documents revealed certain patterns of solving the personnel issue of the administrative apparatus of the Soviet political system. However, it should be noted that each of the periods of the chronological segment under study had its own characteristics and specifics of solving the personnel shortage of the Soviet management system. Turning to the study of personnel problems of the functioning of the political system, it is possible to gain experience for the formation of a modern manager.

Key words: *Soviet political system, party-state nomenclature, personnel policy, party congress, administrative apparatus, state building, constitution, party propaganda, party education.*

Одной из актуальных проблем современной отечественной историографии является анализ функционирования системы формирования кадрового обеспечения партийно-государственного аппарата управления Советского государства. Так как именно кадры являются основным источником и инструментом политической системы, изучение кадровой политики и кадрового состава является наиболее важным в свете анализа исторической эпохи. Кадры – это прежде всего человек, социокультурный анализ представителя партийно-государственной номенклатуры и кадровой политики в длительном хронологическом отрезке (1921–1950-е гг.) позволит выявить динамику процесса и ряд специфических особенностей формирования на государственном уровне кадровой политики. Лидер Советского государства И.В. Сталин в 1935 г. в одном из своих выступлений отметил: «Надо наконец понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при нынешних условиях «Кадры решают все» [13, с. 63]. Таким образом была обозначена одна из актуальных проблем не только Советского управленческого аппарата, но и всей Советской политической системы. Необходимо отметить, что кадровая политика Советского государства находилась под полным контролем РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, и поэтому анализ деятельности партийных съездов, конференций, пленумов и других партийных форумов является одной из важнейших задач отечественной исторической науки.

Рассматривая кадровую политику Советского государства, необходимо отметить такой важный аспект, как специфические особенности того и или иного региона. Региональный аспект играет важную роль при реализации любого компонента политической системы, и кадровый вопрос не исключение. При изучении социокультурного облика представителя партийного аппарата управления региональные особенности будут иметь важное значение. Изучение кадровой политики позволит исследовать советское общество через призму социокультурного облика представителя советской политической системы заявленного хронологического отрезка.

Рассматривая решения кадрового вопроса в рамках Советской политической системы, необходимо отметить особую важность и актуальность данной проблематики. Так как именно кадровый состав формировал партийно-государственную номенклатуру. Именно эта социальная группа реализовывала на местах решения центральной власти и воплощала в жизнь директивы центра. Необходимо отметить, что заявленная проблематика нашла свое отражение в ряде отечественных работ и зарубежных исследователей. Проводя анализ историографии заявленной темы, необходимо отметить работы мэтра советской исторической науки Е.Г. Гимпельсона [1]. В своих работах Е.Г. Гимпельсон на основе богатого фактологического материала исследовал специфику становления Советской политической системы, анализируя и кадровую политику доминирующей политической силы. Однако в своих исследованиях автор не рассматривает региональную специфику кадрового вопроса. Следует отметить, что в данных работах сделан акцент на анализе трансформации РКП(б)–ВКП(б) в

государственную структуру. Необходимо отметить монографию С.А. Павлюченкова [9], в которой автор акцентирует свое внимание на том, что коммунистическая партия – это «орден меченосцев» с жесткой внутренней организацией и строгой иерархичностью, полным доминированием в государстве. В своей работе «Советская номенклатура – становление, механизмы действия» Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер [5] рассмотрели принципы номенклатурного управления и решения кадрового вопроса путем назначения. Региональная специфика функционирования Советской политической системы и решения кадрового вопроса нашла свое отражение в работах Е.Г. Карелина [3], Чистякова А.Н. [21], Карпова Ю.Ю. [4], Туфанова Е.В. [14], [15], [16], [17], [18], [19]. В своих работах авторы отметили специфику исследуемого региона, указали на своеобразие местного аппарата управления.

При историографическом анализе заявленной проблематики нельзя не отметить зарубежных исследователей Э.Модели и С.Уайт [6], которые рассмотрели в своей работе не только коммунистическую партию, а именно партийную элиту, которая влияла на все стороны жизни и деятельности государства. Однако система кадрового регулирования не получила должного освещения. Необходимо отметить работы Ш. Фицпатрик [20], Б. Штудер и Б. Унфрид [22] и Дж. Истер [2]. В данных работах не рассматривалась региональная специфика кадрового вопроса Советской политической системы.

Целью данного исследования является изучить динамику и специфику кадровой политики на материалах партийных форумов Советской политической системы в 1921–1950-е гг. Исследование базируется на анализе материалов партийных съездов, конференций и пленумов РКП (б)–ВКП (б)–КПСС. Анализ материалов основывается на принципах историзма и объективности. Необходимо отметить, что проблемно-хронологический принцип изучения заявленной проблематики является основополагающим.

Становление кадровой системы в исследуемый период 1921 – 1950-е гг. начинается с судьбоносного X партийного съезда, который работал в Москве 8-16 марта 1921 г. Именно данный съезд полностью перестроил и экономическую, и политическую систему молодого государства. В резолюции по вопросам партийного строительства отмечалось, что «если в прошлый период партия должна была ориентироваться на непосредственно боевые задачи за счет воспитательных, то теперь поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня, наряду с усилением влияния партии на беспартийные массы, сближением с ними и приведением партии в боевую готовность для борьбы с силами контрреволюции» [10, с. 519]. Таким образом руководство партией и государством акцентировало свою деятельность на партийной работе для рядовых членов партии и осуществляло полное доминирование над беспартийной массой. Съезд ставит под полный контроль и требует от контрольных комиссий вести работу с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами и поддерживается курс на уравнительность материального обеспечения членов партии [10, с. 521]. Следовательно, еще одной гранью кадровой политики становится деятельность контрольных комиссий и обеспечение уравнительного распределения материальных благ и привилегий, что в сложный период начала 1920-х гг. было очень актуально. Необходимо отметить, что партийный съезд для создания партийного кадрового резерва требует установления тесной связи и совместной деятельности с РКСМ и вовлечением представителей молодежи в партийную работу [10, с. 527]. Таким образом, руководство партией видело

в молодежной организации свой кадровый резерв, который можно будет использовать в ближайшем будущем. Рассматривая кадровую политику доминирующей политической силы, нельзя пройти и мимо резолюции съезда «О единстве партии», которая была призвана добиться единства при устранении фракционности внутри партии [12, с. 529]. Данная резолюция, конечно, не способствовала развитию внутренней демократии, но полностью консолидировала партийную массу и руководство партией. Утверждалась строгая дисциплина и вертикаль партийной власти.

Необходимо отметить, что съезд в рамках подготовки своих кадров организывает систематические курсы по теории, истории и практике марксизма. Таким образом, съезд проводит политику формирования партийного образования, направленного на то, чтобы воспитать свой кадровый резерв с большим идеологическим потенциалом.

Десятый съезд РКП (б) положил начало формированию новой политической и экономической реальности. Переход от политики «Военного коммунизма» к Новой Экономической политике был воспринят партийной массой далеко не однозначно, но победила генеральная линия партии. Запрет фракционности и укрепление партийной дисциплины способствовали появлению в недрах системы партийного управления такого института, как контрольные комиссии, чья деятельность будет направлена на борьбу с негативными явлениями как в партийных, так и советских органах управления. В плане кадровой работы мы видим, что съезд акцентирует свое внимание на консолидацию с деятельностью РКСМ, в чьих рядах партия видит свой количественный и качественный кадровый потенциал. Создается система курсов идеологического образования, это тоже являлось элементом кадровой политики государства.

Вопросы кадровой политики советского государства нашли свое отражение и в деятельности Одиннадцатой Всероссийской конференции РКП(б), которая работала в декабре 1921 г. В резолюции «По вопросу об укреплении партии, в связи с учетом опыта проверки личного состава ее» отмечалось, что только преданность интересам рабочего класса и пролетарской революции должна являться мерилем при оценке качества каждого члена партии [10, с. 595]. Таким образом, мы видим, что основным критерием партийного работника является преданность рабочему классу, а не профессиональные качества управленца. Необходимо отметить, что конференция указывает, что направлять на ответственную работу только старых членов партии. Также конференция видит необходимость в создании кадров профессионалов-организаторов и пропагандистов, повысить качественный состав аппаратов управления партийных комитетов. Расширить сеть партийных школ, способствовать формированию идеологических кружков и усилить агитационно-пропагандистскую работу [11, с. 596-597]. Согласно резолюции конференции, определялись партийные резервы в лице комсомола, Красной Армии и женотделы. Таким образом, конференция подготовила почву к работе одиннадцатого съезда РКП (б). Резюмируя работу конференции, мы видим, что в области кадровой политики официально определены резервы партии, конференция делает акцент на развитии партийного образования, прекрасно понимая, что без идеологической подготовки нельзя сформировать ответственного управленца. В то же время мы видим, что главным критерием является преданность рабочему классу, а не профессиональные качества работника, что естественным образом впоследствии скажется на качестве управления.

На одиннадцатом съезде РКП (б) вопросы кадровой политики получили серьезное освещение, так как съезд принял решения, которые были приняты на одиннадцатой Всероссийской конференции. Отметим, что в резолюции обозначалось, что в области партийно-организационной работы следует обратить внимание на состав секретарей

губкомов и укомов и назначать товарищей с дореволюционным стажем. Исключением могли быть допустимы только с санкции вышестоящей партийной инстанции. Таким образом делалась кадровая ставка на проверенных и идеологически подготовленных ответственных работников. В то же время необходимо отметить, что съезд в связи с партийными чистками наметил провести перераспределение кадровых ресурсов с таким расчетом, чтобы привлечь молодых, еще не «обстрелянных» работников, с другой стороны, разгрузить управленцев от совмещения советских и партийных обязанностей. Данное решение показывает острую проблему кадрового ресурса, и партия, несмотря на свои указания (дореволюционный партийный стаж), выдвигает молодых управленцев. Также отмечаем, что резолюция регламентирует создание кадров профессионалов – организаторов и пропагандистов, расширяет сеть партийных школ. Именно меры организационного характера и партийного обучения могли сформировать такой необходимый кадровый резерв.

Следующий партийный форум – Двенадцатая Всероссийская конференция РКП (б), она прошла в августе 1922г., на ней был принят новый Устав РКП (б). Устав регламентировал все стороны жизни и деятельности РКП (б), выстраивал жесткую вертикаль управления. На всех партийных уровнях формируются Контрольные комиссии, которые контролируют деятельность партийных органов и членов партии. Согласно Уставу, устанавливалась строжайшая партийная дисциплина, нарушение дисциплины влекло за собой санкции со стороны высших партийных органов. Необходимо отметить, что на Конференции была принята очень важная в кадровом плане резолюция «Об улучшении материального положения членов РКП (б)» [7, с. 676-679]. Согласно резолюции, принято решение о разработке положения о фонде взаимопомощи среди коммунистов. На законодательном уровне определялись активные работники всех партийных уровней управления, которые должны обеспечивать по более высокому уровню. Необходимо отметить, согласно квоте активных работников, в Центральном и областных учреждениях на Кавкрайком Центрального комитета было выделено 20 активных работников. Для сравнения укажем, что Центральные учреждения в Москве имели 100 активных работников, Уралбюро – 25 активных управленцев. Необходимо отметить, что конференция положила в основу постановление Народного комиссариата труда и ВЦСПС о ставках для ответственных работников и применить тарифную сетку к партийным работникам с соответствующими разрядами, где 17 разряд наиболее высокий, а 12 разряд характеризовал секретарей ячеек на предприятиях с числом не менее 300 рабочих. Кроме того, все указанные ответственные работники обеспечивались жильем, медицинской помощью, в отношении воспитания и образования детей данные мероприятия согласно резолюции должны быть проведены за партийный счет [7, с. 678]. Таким образом, данная конференция провела очень продуктивную работу в области кадрового обеспечения партийных органов. Принят Устав РКП (б) и, конечно, резолюция, которая формировала систему льготного обеспечения активных партийных управленцев и систему материального обеспечения партийных работников. Несомненно, данные мероприятия способствовали созданию определенного привлекательного образа ответственного работника на «ниве» управления и, конечно, способствовали притягательности партии для молодого социума государства.

Все партийные форумы 1920-х гг. в рамках решения кадрового дефицита активизировали работу в сфере организации партийного образования и партийного воспитания. Как указывала резолюция «Об очередных задачах партийного строительства», принятая на тринадцатом съезде РКП (б), «втягивая вступивших в партию рабочих в государственную работу, партийные органы должны позаботиться о том, чтобы

новые товарищи во всей своей работе проводили общую линию партии и находились по ее полным и прямым руководством». Таким образом, партийное руководство ставило под жесткий контроль новых членов партии. Главным критерием партийной работы был идеологически правильный подход к генеральной линии партии. Необходимо отметить, что все партийные форумы 1920-х гг. делали ставку на агитацию и пропаганду коммунистических идей среди социума Советского государства. Отмечалось, что массовая агитация должна иметь в виду и ликвидацию политнеграмотности в партийных организациях нацреспублик и областей (Туркестан, Северный Кавказ и др.), где политнеграмотность среди коренного населения достигает огромных размеров [8, с. 74]. Для ликвидации политнеграмотности съезд ратует за расширение сети школ политграмоты на национальном языке при материальной поддержке центра. Таким образом, партийное руководство способствовало развитию национальных районов в области образования и партийного образования. Также партийные форумы всячески отмечали взаимодействие партии и РКСМ, данная организация согласно партийным директивам призвана выполнять роль резерва, откуда партия отбирает лучшие кадры для обеспечения притока молодых ресурсов для восполнения когорты ответственных работников. Также партийные съезды акцентировали работу на выдвижении коммунистов в руководящие партийные и советские органы [8, с. 89]. Необходимо отметить, что в резолюции Четырнадцатого съезда ВКП (б) «О работе ЦКК и РКИ» акцентировалось внимание на том, что работа по подбору работников государственных и хозяйственных органов остается важнейшей задачей партии. Для решения этой задачи и повышения качественного уровня управленцев органы Контрольных комиссий должны обеспечивать контроль регулирования вопроса о выдвиженчестве. Именно выдвиженчество было призвано решить кадровый вопрос в сфере партийного и советского аппарата управления, однако качественный уровень выдвиженцев оставлял желать лучшего, но в то же время партийные документы показывают, что именно аппаратная деятельность может дать опыт управления и повысить качественный уровень ответственного работника. В резолюции пятнадцатого съезда ВКП (б) «Очередные задачи партии» указывалось, что в рамках решения кадрового вопроса сосредоточить внимание на подготовке и вовлечении в партию, главным образом, того батрацкого и бедняцкого актива, который вырастает в союзе сельхозрабочих, группах бедноты, на практической работе в Советах, кооперации, делегатских собраниях крестьянок. Укрепить новыми членами партии советские и иные органы управления для реализации генеральной линии партии. Таким образом, съезд делает акцент на новых членах партии, которые прошли определенную идеологическую подготовку в рамках партийного образования и призваны партией получать необходимые компетенции, уже находясь на практической работе в системе управления. Данная тенденция сохранялась весь период 1920-х гг.

К 1930-м гг. Советская политическая система была уже сформирована, конечно, определенные трансформации будут происходить весь период функционирования Советского государства. Шестнадцатый съезд ВКП (б) открывал 30-е гг. XX века. Кадровая политика на данном форуме была затронута в меньшей степени, вопросы экономического характера преобладали в повестке и в обсуждении. Однако в резолюции «По отчету Центрального Комитета ВКП (б)» указывалось, съезд отмечает количественный и качественный рост партии, поднятие идейного уровня партийных кадров, но в то же время указывает на определенные перегибы в работе, вызванные, по мнению съезда, недостаточно высоким идеологическим уровнем партийцев. В резолюции «По отчету ЦКК – РКИ» съезд одобряет работу по очистке рядов партии

от чуждых элементов, съезд призывает усилить ответственность партийных ячеек, членов партии и в особенности коммунистов-руководителей за факты бюрократизма и вредительства. Таким образом, кадровые вопросы на съезде не поднимались, но в то же время мы видим, согласно документам съезда, что они косвенно затрагивались. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), который работал в 7-12 января 1933г., утвердил положение о политотделах МТС. Именно политотделы принимали активное участие в подборе кадров МТС и правлений. Таким образом, сотрудники политотделов полностью контролировали все процессы на земле в сложный период коллективизации. Пленум также одобряет, что естественно решение Политбюро ЦК о проведении очередной чистке партии и приостановке приема в партию. Именно такими непопулярными методами руководство партией контролировало численность и боролось за качественный состав ВКП (б). Очень важным в предвоенное время стал Семнадцатый съезд ВКП (б), который функционировал в 1934 г. На съезде была единогласно принята резолюция «Организационные вопросы», где отмечались определенные недостатки в советской и партийной работе. Для преодоления недостатков приняты положения: перейти от общего к конкретному руководству, усилить личную ответственность, усилить контроль за исполнением партийных директив, обеспечить ротацию профессиональных кадров, сократить аппараты управления. Таким образом, съезд четко определяет в области кадровой политики – личностный фактор и личную ответственность за принятые решения – и настаивает на отказе от коллегиальности принятия решений. Необходимо отметить, что на съезде был принят Устав ВКП (б), который утвердил структуру управления, функциональные обязанности членов партии, регламентировал жизнь и деятельность всего партийного механизма.

Последним предвоенным партийным форумом стал восемнадцатый съезд ВКП (б), который прошел в марте 1939 г. Именно здесь были приняты изменения в уставе ВКП (б), которые напрямую касались членов партии в тяжелый период репрессий. Согласно дополнениям, нужно обеспечить разбор обоснованности обвинений, ограждать членов партии от произвола и изъять применение исключения из практики за маловажные проступки. Конечно, изменения затронули все сферы деятельности партии – государства. Необходимо отметить, что исключение из партии являлось очень серьезным наказанием, это не только политическое «убийство», но и полное реформирование жизни и деятельности гражданина Советского государства со знаком «минус».

Подводя итог кадровой политике ВКП (б) за 1930-е гг., констатируем, что Советская политическая система функционировала по заданным лекалам еще 1920-х гг. Но в то же время мы видим усложнение ситуации вызванными репрессиями против партийного и советского руководства. Это выразилось в партийных чистках, отмене приема в члены партии, принятие нового Устава ВКП (б) и дополнений к нему. Нельзя не упомянуть и о принятии новой Конституции СССР в 1936 г. В то же время партийные форумы были больше сконцентрированы на экономических проблемах государства (индустриализация, коллективизация), но вопросы кадровой политики имели место и обсуждались в рамках партийного образования, деятельности Контрольных комиссий. Отмечалась на партийных съездах большая роль комсомола как кадрового резерва партии.

Кадровые вопросы вышли на первый план сразу после окончания Великой Отечественной войны. Уже 2 августа 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Согласно постановлению, при управлении кадров ЦК создается Высшая партийная школа с

3-годовалым сроком обучения, в составе два факультета партийный и советский. Также при обкомах, крайкомах создавались партийные школы с двухгодовалым сроком обучения для подготовки руководителей района, села. Таким образом, данное постановление формирует заново систему партийного образования для решения актуального кадрового вопроса. Кадровый вопрос всегда имеет место, в любой системе управления, но после страшной войны, где Советский народ проявил чудеса героизма и победил нацистскую Германию, был очень актуальным. Не случайно высшее партийное руководство сразу при переходе к мирному созидательному труду формирует сеть партийных школ, для подготовки управленцев по всей стране.

Следующий крупный партийный форум начал свою работу в октябре 1952 г. Конечно, партийный съезд занимался вопросами очередной пятилетки и вопросами восстановления народного хозяйства. В то же время происходит на съезде переименование партии, которая получила новое название КПСС. Также был принят Устав КПСС, который определял структуру партии и функционал членов партии.

Таким образом, кадровый вопрос имел особую актуальность в исследуемый период. Необходимо отметить, что практически на всех партийных форумах: съездах, конференциях, пленумах самого различного уровня всегда имел место. В то же время именно традиции формирования кадрового резерва, заложенные в 1920-е гг., получили дальнейшее развитие на протяжении всего периода функционирования Советской политической системы, однако необходимо отметить, что каждый из исследованных периодов имел свою специфику решения кадрового вопроса. Обращаясь к исследованию кадровых проблем функционирования политической системы, можно почерпнуть опыт и для формирования современного управленца

Список литературы

1. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. 226с.; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. 258с.; Гимпельсон Е.Г. НЭП и Советская политическая система 20-е годы. М., 2000. 440с.; Гимпельсон Е.Г. Формирование Советской политической системы 1917-1923 гг. М., 1995. 232с.; Гимпельсон Е.Г. НЭП Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М., 2004. 304с.; Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006. 128с.
2. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. – М., 2010. – 255с.
3. Карелин Е.Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917-1937гг.). – М., 2014. – 422с.
4. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. –Спб., 2017. – 398с.
5. Коржихина Т.П. Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура-становление, механизмы действия // Вопросы истории №7. – С.25–38.
6. Модсли Э. Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены 1917–1991 гг. – М., 2011. – 431с.
7. Об улучшении материального положения членов РКП. Двенадцатая Всероссийская конференция РКП (б). // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924.– М.1954.– 832с.
8. Об агитработе. Тринадцатый съезд РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1924-1930. – М.1954. – 676с.

9. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев» Партия и власть после революции 1917-1929 гг.– М., 2008.– 463с.

10. По вопросам партийного строительства. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924.– М., 1954.– 832с.

11. По вопросу об укреплении партии, в связи с учетом опыта проверки личного состава ее. Одиннадцатая всероссийская конференция РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924.– М., 1954. – 832с.

12. О единстве партии. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924. М.1954. 832с.

13. Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года //Сочинения И.В. Сталина.– М., 1997. Том 14. 1934-1940. – 360с.

14. Туфанов Е.В. Советская политическая система в период становления, развития и свертывания НЭПа.– Ставрополь, 2016.– 226.с.

15. Туфанов Е.В. Советская региональная партийно-государственная номенклатура в 1920-1939-е гг.: формирование и функционирование (на материалах Северного Кавказа).– Ставрополь, 2019. – 496с.

16. Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа).– Ставрополь, 2018.– 206с.

17. Туфанов Е.В. Карпенко И.Н. Становление и функционирование партийно-государственного аппарата управления в период модернизации народного хозяйства в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа).– Ставрополь, 2022.– 212с.

18. Туфанов Е.В. К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920-1930-е гг. на материалах Юга России // Вестник Калмыцкого университета 2018. №3(39). – С.48–56.

19. Туфанов Е.В. Становление моральных принципов нового руководителя в партийных дискуссиях 1920-х годов // Вестник Калмыцкого университета. 2017 №3(35). – С. 62–68.

20. Фицпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике.– М., 2021. – 528с.

21. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов.– Спб., 2007.– 294с.

22. Штудер Б. Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискусы в Советском Союзе. 1930-х гг.– М., 2011.– 247с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.Д. Магомадова¹, Е.Н. Муратова²

¹Грозненский государственный нефтяной технический университет

²Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ СЛОВ-ДЕЕПРИЧАСТИЙ В НАУЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ

Данная статья рассматривает деепричастие в современном русском языке со стороны исторического анализа. Статус слов-деепричастий остается объектом исследования как зарубежных, так и отечественных ученых-лингвистов. Разные точки зрения происхождения исследуемых слов приводят нас к тому, что деепричастие может быть представлено как самостоятельная часть речи и составная часть (добавочная) глагола; некоторые ученые относят их к словам с неизменяемой морфологической категорией.

Многие языковеды подчеркивают роль деепричастия как форму: гибридная; особая; смешанная, которая включает свойства глагола и наречия. Слова имеют морфологические признаки глагола и наречия: неизменяемость и член предложения – обстоятельство, контакт с глаголом, что совпадает с наречием; совершенный и несовершенный вид как у глагола; в предложениях употребляются с подлежащим (безличные предложения); может выполнять роль сказуемого как члена предложения, выраженного глаголом.

Таким образом, деепричастие сочетает в себе морфологические признаки наречия и глагола; соответственно, данным словам присуща неоднородность синтаксических функций деепричастных оборотов в предложении.

Ключевые слова: глагол, деепричастие, морфологические признаки, наречие, неизменяемость, обстоятельство, синтаксическая роль, часть речи, языкознание.

T.D. Magomadova¹, E.N. Muratova²

¹Grozny State Oil Technical University

²Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

THE HISTORICAL ASPECT OF THE CONSIDERATION OF ADVERBIAL WORDS IN THE SCIENTIFIC LANGUAGE PICTURE

This article examines the adverbial participle in modern Russian language from the point of view of historical analysis. The status of the adverbial participle remains the object of research by many Russian and foreign linguists. The different points of view of the origin of the studied words leads us to the fact that the adverbial part can be represented as an independent part of speech and an integral part (additive) of the verb; some scientists refer them to words with an unchangeable morphological category.

Many linguists emphasize the role of the adverbial participle as a form: hybrid; special; mixed, which includes the properties of the verb and adverb. Words have morphological features of the verb and adverb: immutability and sentence member – circumstance, contact with the verb, which coincides with the adverb; perfect and imperfect form as in the verb; in sentences are used with the subject (impersonal sentences); can act as a predicate as a member of the sentence expressed by the verb.

Thus, the adverbial participle combines morphological features of an adverb and a verb; accordingly, these words are characterized by heterogeneity of syntactic functions of adverbial turns in a sentence.

Keywords: verb, adverbial participle, morphological features, adverb, immutability, circumstance, syntactic role, part of speech, linguistics.

В современном научном мире все больше появляется работ, которые отражают разногласия между учеными-лингвистами. Одним из наиболее спорных является вопрос о статусе деепричастия [5; 7; 11; 12]. Многие ученые рассматривают историю возникновения данной категории слов [3; 13; 14; 18], а также их роль в текстах художественной литературы [2; 6; 8]. Особое место уделяется деепричастию в школьном изучении [15; 17].

Разнообразие взглядов на статус деепричастия сопровождается неоднородностью точек зрения на грамматическую отнесенность деепричастий [19].

В лингвистической литературе деепричастие рассматривается и как самостоятельная часть речи, и как особая форма глагола. В некоторых классификациях деепричастия относят к наречиям.

В ряде работ при характеристике деепричастия как формы глагола или как части речи констатируется их семантическая двойственность. Разногласие во взглядах объясняется и тем, что в рамках одной части речи сосуществует несколько подклассов, или разрядов, причем их семантика далеко не всегда соответствует категориальной семантике части речи, в пределах которой они выделяются.

Основное направление в изучении деепричастий – это целеустремленное введение в речевую практику соответствующих деепричастных конструкций в связи с усвоением различных видов книжной речи. Эта важнейшая целевая установка достигается при помощи раскрытия самого понятия деепричастия и объяснения свойственных ему грамматических особенностей.

В известной грамматической школе такой части речи, как деепричастие, отводились разноплановые места. Термин «деепричастие» впервые был введен в грамматику в XVII веке ученым-филологом, общественным и церковным деятелем Мелетием Смотрицким.

Как известно, один из первых трудов, который был выпущен в 1755 году, принадлежит М. В. Ломоносову. Ученый рассмотрел всю систему слова в лексическом и грамматическом ракурсе [9].

Великий ученый уделил внимание всем морфологическим категориям – частям речи, которые, в свою очередь, были представлены как самостоятельные и служебные. Нужно отметить, что:

- глагольная часть являлась самой сильной и значимой;
- все остальные имели статус служебных (вспомогательных) частей речи.

По словам самого автора, слова представляли сокращение, которые восходили к глаголу [9, с. 146].

Версия другого автора, одного из известнейших лингвистов, заключала в себе теорию о знаменательных словах под названием «Синтаксис». В данном изложении говорилось о роли предложений-конструкций. В этом труде были четко разграничены служебные и знаменательные слова.

Мастер слова показал значимость отдельных частей речи – существительных, числительных, наречий, предлогов, союзов, прилагательных (в его состав включил причастие). Следовательно, Ф. И. Буслаев опирается на эти слова, подчёркивая в них всеми известные тогда:

- логические взгляды;
- грамматические правила.

Таким образом, появились логико-грамматические взгляды ученых [1, с.150].

Следующее открытие было отражено в трудах А. А. Потебни. Ученый более подробно рассмотрел:

- состав слова;
- теоретические изыскания;
- грамматические категории;
- грамматические формы.

Ученый-исследователь в своих материалах поделил слова, учитывая их лексическую природу и форму содержания лексики. Итак, самостоятельные слова включают:

- 1) имя существительное – слова как предмет;
- 2) имя прилагательное – слова как признак;
- 3) причастие – слова как признак (глагольные);
- 4) числительное – слова как число и их подсчет;
- 5) глагол – слова как действие;
- 6) наречие – слова как неизменяемость признака, действия.

К служебным относит:

- 1) союзы – слова-соединители;
- 2) предлоги – слова правильного употребления в падежной части;
- 3) частицы – слова как эмоции;
- 4) вспомогательные глаголы – необходимые и главные среди всех знаменательных слов, слова-действие [10, с. 157].

Интересно, на наш взгляд, учение другого ученого по изучению рассматриваемой темы Фортунатова, который более подробно изложил строение и роль частей речи по их формальным показателям:

- 1) слова как именительная форма;
- 2) слова, не имеющие форму изменения в любых грамматических категориях.

Если учитывать мнение ученых по данному вопросу, правильно будет назвать и имя Богородицкого, который представил все имена самостоятельные как три группы:

- 1) слова, обозначающие предмет под наименованием «существительные»;
- 2) слова как действие под названием «глагол»;
- 3) слова как вспомогательные компоненты в структуре русского языка под названиями:
 - 4) «прилагательное» (к ним же относятся причастия),
 - 5) слово-число;
 - 6) местоимения-указатели;
 - 7) слова с неизменяемой морфологической категорией – наречия (к данной части прикрепляется и деепричастие).

В своих исследованиях о таких словах ученый опирался на раздел синтаксиса, что и подтверждает деление слов на такие категории.

Обличительная от всех предыдущих теория Щербы, которая является очень ценной и, как утверждают многие исследователи, ясной и весьма понятной. Ученый показал в своих трудах все слова – части речи – как лексические категории. Он разделяет части слова:

- 1) важные как главные:
 - формы сильной части речи – глагольные слова;
 - слова-существительное, служащие для предметного обозначения;
 - лексические единицы-прилагательное (причастие), обозначающие признаки;
 - слова как неизменяемые – наречие;
 - слова, выражающие состояние;
- 2) вспомогательные как служебные (предлоги, частицы, союзы).

Рассматривая вышеизложенные теории, конечно, мы не можем не коснуться учений В. Виноградова, который четко и ясно представил свою тематическую группу:

- 1) части речи;
- 2) частицы;
- 3) модальные слова и междометия.

К частям речи ученый-филолог В.В. Виноградов относит имена, выделяя в них существительное, прилагательное и числительное, местоимения, глагол, наречия, категорию состояния. Ученый рассматривает семантическую сторону причастия; «значение признака сочетается со значением действия-процесса».

Рассматриваемая форма глагола считается молодой по своему времени; ее строение похоже на краткие формы действительных причастий прошедшего и настоящего времени.

Ученый А. Н. Тихонов выделяет деепричастие как знаменательное слово. Но при этом многие лингвисты относят его к особой форме глагола, так как морфологические признаки дают принадлежность большей части признаков именно глагольных.

Для утверждения данной мысли необходимо рассмотреть образование исследуемой формы, его формирование в исторический период. А. А. Потебня находит корни становления в XII–XIII вв. [10, с. 45].

Мнение еще одного ученого С. П. Обнорского является важным в языковой картине мира; он полагал, что путь становления деепричастия еще намного ранее.

Таким образом, изучение деепричастия предполагает мнения многих лингвистов. Но большая часть ученых останавливается на том, что исследуемое слово является формой либо:

- особой;
- гибридной;
- смешанной (характерные свойства глагола и наречия).

В отечественной лингвистике деепричастие имеет признаки как наречия, так и глагола.

Они купаются, закинув плечи вверх и опустив голову вниз.

Рассмотрим подробнее свойства, относящиеся к наречию:

К наречным свойствам деепричастий относятся:

во-первых, это неизменяемость;
во-вторых, возможность быть в синтаксической роли обстоятельства как член предложения;

в-третьих, иметь контакт со сказуемым, выраженным глаголом: сравним следующее:

думая, сказал, громко сказал;

медленно скакал, верхом скакал;

смотрим, скрестив (пальцы);

смотрим смело, гордо.

Прилегающие к глаголам, обозначающие главное действие в предложении, деепричастия выражают вспомогательные (сопровождающие) действия.

Действия, выраженные деепричастиями и глаголами, относящимися к одному и тому же предмету [16], например:

Учитель идёт по коридору, по дороге здороваясь со школьниками.

Мой друг обнаружил дом сломанным.

Деепричастие по большей части в предложениях употребляется с подлежащим; это и есть безличные предложения. Грамматическая основа не имеет субъекта, слушающего одинаково для особой формы глагола-деепричастия и сказуемого как члена предложения, выраженного глаголом. Но важно отметить, что при этом данные

действия принадлежат к одному и тому же лицу, и оно исходит из смысловой части предложения; имя может использоваться и в безличных предложениях:

Превосходно стало жить на Амуре летом, думая ночами, у окна.

Действия жить и думая причисляются к одно «обобщенному» лицу. Деепричастие рассматривается как личная форма глагола, представляется в предложении сказуемым. Очень редко выступает во взаимодействии с причастиями:

Рядом со мной, хорошая сестра Анна, чуть дальше – высокая, смуглая, краснощекая, вся в золоте татарская княжна, смело шагающая.

Деепричастия образуются только от глаголов: *смотреть – смотря, любить – любя, улыбаться – улыбаясь.*

Слова-деепричастия в своей структуре восходят к глаголу в лексическом значении. Например: *глагол говорить в словаре имеет три значения.*

Нужно заметить, что слова особой формы глагола образуются особо для каждой формы:

смотреть (несов. вид) – *смотря* (сов. вид) – *посмотрев*;

улыбаться (сов. вид) – *улыбаясь, улыгнувшись*;

снимать (несов. вид) – *снимая*.

В деепричастиях всегда сохраняется видовое значение производящего глагола и сохраняется порождающее значение глаголов.

Ср.: *снимать на улице дом – снимая на улице дом.*

Как и глагол, деепричастие имеет только один морфологический признак залога – постфикс -ся, который употребляется после суффиксов деепричастий (ср.: *убирая – убираясь-сь*).

Рассмотрим, какие характеристики содержит деепричастие, которые полностью совпадают с глагольной формой. К ним можно отнести:

1) правильное соединение наречных слов и их сочетаний:

гляжу вверх – глядя вверх;

уходить ненадолго – уходя ненадолго;

переходить улицу – переходя улицу;

знать весь материал – зная весь материал;

2) умение верно использовать вышеупомянутые сочетания:

приходить с детьми – приходя с детьми;

вставать утром – вставая утром.

В современном русском языке (в школьном изучении) деепричастие делится на виды: совершенный и несовершенный.

Совершенный вид

-ва, -я

Сделать – сделаю

Узнать – узнаю

Принять – приму

сделаю

узнаю

принявши

Несовершенный вид

-а, -(я)

Умывать – умываю

Делать – делаю

Учить – учу

умывая

делая

уча

Важно отметить, что

1. Деепричастие совершенного вида показывает временные действия в разных отношениях – одновременность:

Я уже плохо себя чувствую летом, недавно поправившись от лютого холода.

Таким образом, одержав победу на олимпиаде, проигравшие «убивают» неживого лидера.

2. Деепричастие несовершенного вида показывает временные действия в одинаковых отношениях – одновременность:

*Только собака, валяясь,
Во дворе играет, лая.*

В представленных выше примерах четко наблюдается, что деепричастие сов. вида + глагол ставится в прошедшей форме сов. вида, а после него обозначает действие = последующее органическое следствие основного действия.

Исследуемая форма, образованная возвратными глаголами, содержит *-ся* (*убрать-ся – убравшись*). Само деепричастие не может выражаться во времени, но при помощи глагола оно проявляет время.

Временное значение слов этой формы чаще всего устанавливается лексическим значением (смысловой нагрузкой) глагола и полностью зависит от текста.

Итак, проведенный небольшой экскурс по изучению деепричастий дает нам право утверждать, что:

- 1) ученые разделились на несколько мнений: одни утверждают, что рассматриваемая часть речи относится к самостоятельной, другие – особая форма глагола;
- 2) деепричастия сочетает в себе признаки глагола и наречия;
- 3) свойства глагола у деепричастия имеют значение процессуального признака, который проявляется в категориях вида и (действительного) залога – при отсутствии категории наклонения и лица;
- 4) деепричастие не может изменяться;
- 5) в предложении деепричастие бывает обстоятельством.

На протяжении многих лет вопрос изучения слов-деепричастий и их источника возникновения до сих пор не остается закрытым. Это еще раз подтверждает, что деепричастие имеет свою особую историю возникновения.

Список литературы

1. Буслев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учеб. пособие для преп.: Сост., на основании наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, выс. утв. 24 дек. 1848 г., Ф. Буслевым. Ч. 1-2. – Москва: Унив. тип., 1858. – 2 т.; 25. – 244 с.

2. Верстакова К. Т. Изучение деепричастия в средней школе / К. Т. Верстакова // Единое образовательное пространство как фактор формирования и воспитания личности: Материалы XII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Рязань, 19 апреля 2018 года / Ответственный редактор Е. Ю. Лунькова. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2019. – С. 206-208.

3. Вяльсова А. П. Употребление деепричастия при неличном субъекте: история и современность / А. П. Вяльсова // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 10. – С. 174–179.

4. Герейханова К. Ф. Особенности изучения морфологии современного русского языка на дистанционном обучении / К. Ф. Герейханова, Ю. В. Шуйская // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 61–63.

5. Добрушина Е. Р. Абсолютные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение / Е. Р. Добрушина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2020. – № 63. – С. 9–18.

6. Косенкова И. А. Деепричастия и особенности их употребления в речи / И. А. Косенкова // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: материалы

Международной (заочной) научно-практической конференции, София, 30 сентября 2019 года. – София: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2019. – С. 79–82.

7. Киселева Л. С. Морфологический синкретизм деепричастия в русском языке / Л. С. Киселева // Молодой ученый. – 2018. – № 12(198). – С. 189–192.

8. Китадзе М. Исследование видов глагола и деепричастия в литературных произведениях XX века с точки зрения лингвистики текста / М. Китадзе // Cross – Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 135–137.

9. Ломоносов М. В. (1711–1765). Российская грамматика Михаила Ломоносова. – Санкт-петербург: Печ. при Имп. Акад. наук, [1757]. – 210 с.

10. Потехина А. А. Мысль и язык / А. А. Потехина. – Москва: Лабиринт, 2007. – 248 с.

11. Тарасова Л. Е. Изучение причастий и деепричастий на уроках русского языка (на материале русских Пословиц) / Л. Е. Тарасова, Е. С. Богданова // Молодежная наука – развитию агропромышленного комплекса: Материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Курск, 21 декабря 2021 года. Том Часть 3. – Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова, 2021. – С. 293–296.

12. Хабекирова З. С. Деепричастие как формирующий член обстоятельственной конструкции / З. С. Хабекирова, З. К. Ферхатова, Ф. С. Аджинова // Язык, текст и культура: проблемы лингвистики и изучения русского языка как иностранного: материалы заочной Международной научно-практической конференции, Майкоп, 25 ноября 2017 года / Адыгейский государственный университет. – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии», 2017. – С. 17–19.

13. Хемматзаде Ш. О хронологии деепричастий в русском языке / Ш. Хемматзаде // Молодой ученый. – 2014. – № 18. – С. 830–833.

14. Хемматзаде Ш. Существует ли у деепричастий время? / Ш. Хемматзаде // Молодой ученый. – 2016. – № 11(115). – С. 1720–1722.

15. Чжан Ж. Упражнения, используемые на уроках русского языка при изучении темы «деепричастие» / Ж. Чжан // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: Материалы XII Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 21 апреля 2022 года. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2022. – С. 268–272.

16. Чупашева О. М. Синтаксическая связь деепричастий в рядах деепричастие + деепричастие / О. М. Чупашева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 79–86.

17. Чупашева О. М. Сочинительная связь деепричастия и наречия / О. М. Чупашева // Русский язык в школе. – 2008. – № 10. – С. 52–56.

18. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов; под редакцией С. П. Обнорского. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 395 с.

19. Шигуров В. В. К вопросу о вводно-модальном употреблении русских деепричастий / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Москва: Наука, 2015. – № 19. – С. 149–157.

С.И. Маджаева, З.Р. Гречухина

Астраханский государственный медицинский университет

СИНОНИМИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ПРИЧИНЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Целью данной статьи является выявление причин формирования синонимии медицинских терминов на материале французского языка. Рассмотрены синонимы медицинских терминов, выявленных методами сплошной выборки из французских медицинских словарей. При исследовании также применены методы сравнительного и когнитивного (концептуального) анализа, обобщения и интерпретации результатов. Анализ синонимических рядов позволил определить три фактора, влияющих на появление синонимов у одного медицинского концепта, и сделать вывод о существовании синонимов в медицинской терминологии как объективной необходимости для функционирования данного подъязыка в определенных сферах медицины. Результаты исследования вносят вклад в углубление теории терминологической синонимии.

Ключевые слова: *терминологическая синонимия, медицинский концепт, французская медицинская терминология, вариантность, квазисинонимы, межъязыковые, прагматингвистические и когнитивные факторы.*

S.I. Madzhaeva, Z.R. Grechukhina

Astrakhan State Medical University

SYNONYMY IN MEDICAL TERMINOLOGY: THE REASONS FOR ITS FORMATION

The purpose of this article is to identify the reasons for the formation of the synonymy of medical terms on the material of the French language. Synonyms of medical terms identified by a continuous sampling method from French medical dictionaries are considered. Methods of comparative and cognitive (conceptual) analysis, generalization and interpretation of results were also used in the study. The analysis of synonymic rows selected from French medical dictionaries made it possible to identify three factors influencing the appearance of synonyms for one medical concept and to conclude that there are synonyms in medical terminology as an objective necessity for the functioning of this sublanguage in certain areas of medicine. The results of the study contribute to the deepening of the theory of terminological synonymy.

Key words: *terminological synonymy, medical concept, French medical terminology, variance, quasi-synonyms, interlingual, pragmatolinguistic and cognitive factors.*

Несмотря на то, что синонимия является одним из фундаментальных типов семантических отношений в общенародном языке, для научной терминологии синонимия считалась долгое время нежелательным явлением, так как она противоречит принципу точности и однозначности в наименовании научных фактов. Во всяком случае лингвистам-терминологам рекомендовалось избегать или свести к минимуму использование синонимов [1, 2]. Однако, как замечает З.Р. Гречухина, «ввиду того, что терминология – это языковое явление, практическая деятельность, связанная с коммуникативной функцией языка в данной области, зачастую нарушает установленные правила или вносит коррективы в нормативные требования использования медицинской терминологии, формируя варианты существующих терминов» [3, с. 20].

Позднее было доказано, что научные термины и слова общего языка идентичны с точки зрения формального и семантического аспектов, отличие же их проявляется

лишь в плане прагматики, так как термины обозначают научные концепты в строго специализированном контексте [4; 5]. Термины стали рассматриваться как специализированные лексические единицы, специфическое значение которых актуализируется в процессе их использования и определяется контекстом [6, с. 395; 7, с. 190]. Исходя из этого, можно констатировать, что термины как часть общенаучного языка могут вступать в полисемические, синонимические, антонимические отношения, то есть отрицать терминологическую синонимию не представляется возможным.

Чаще всего терминологическая синонимия определяется как способность выражать один и тот же концепт несколькими наименованиями, при этом в терминологическом словаре концепт – это смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого понятия, а под наименованием имеется в виду его форма [8]. Многие лингвисты (Жюль Тами-Гард и Пьер Лера) [9, с. 38; 10, с. 191] считают, что эти формы должны быть взаимозаменяемы в любом контексте. В данном случае такие термины должны рассматриваться как абсолютные синонимы так же, как и в общей лингвистической теории.

Другие авторы придерживаются иного мнения, указывая на то, что при введении в контекст синонимы приобретают различное значение в зависимости от их коннотации, принадлежности к определенному регистру речи, к научной теории и т.д. [11, с. 86–87]. Такой тип синонимии обычно обозначается целым рядом лингвистических терминов: квазисинонимы, парасинонимы, деноминативные вариации, варианты и т.д. Под квазисинонимами понимаются термины, которые обозначают один и тот же концепт, но не являются взаимозаменяемыми во всех контекстах, принадлежат к разным языковым уровням либо используются в различных коммуникативных ситуациях [12, с. 23]. Термины, имеющие дополнительные семы, считаются парасинонимами.

Варианты, по мнению Ю.В. Сложеникиной, образования, выполняющие одну и ту же функцию в одной системе в одно время и различающиеся между собой по их дистрибуции, частотности, продуктивности, другим лингвистическим характеристикам [13, с. 11].

С.И. Маджаева считает вариантами термина изменение термина, содержание которого остается стабильным при некоторых трансформациях формальных средств выражения: суффиксации, префиксации, разных способов синтаксического выражения [14, с. 117].

Анализ работ по терминологии дает основание сделать вывод, что терминологическая синонимия имеет место, когда два или несколько терминов относятся к одному и тому же концепту и одному референту, но уровни языка и дискурсивные ситуации оказывают влияние на их дифференциацию. Синонимия свидетельствует о развитии научного мышления и оформлении иными средствами фиксации вновь открывшихся перед исследователем сторон реальной действительности [13, с. 133].

С.И. Маджаева к причинам функционирования синонимов относит интернационализацию и глобализацию заболеваний, подразумевая синонимы как маркеры познавательного процесса [14, с. 126–127].

Целью данного исследования является определение иных причин синонимии в медицинской терминологии, в частности, в таких терминологиях, как медицинское оборудование, медицинское обследование, наименования болезней и внутренних органов на материале французского языка.

Анализ синонимов, отобранных во французских словарях медицинских терминов способом сплошной выборки, позволил выявить три группы синонимов, каждая из которых соответствует одной из следующих причин: **межязыковой, прагмалингвистической и когнитивной.**

Межъязыковые причины появления синонимов медицинских терминов связаны с научно-техническим прогрессом общества, когда появление новых концептов в той или иной профессиональной среде требует для их номинации создание неологизмов. При номинации новых концептов используются чаще всего слова, существующие в языке страны, где появились новые концепты. Распространение знаний на иноязычные территории способствует появлению заимствований для обозначения новых понятий, несмотря на то что заимствованное слово зачастую имеет свой лингвистический эквивалент. Так появляются дублетные обозначения одного и того же научного концепта, которые могут легко взаимозаменяться и сосуществовать в одном и том же медицинском контексте [15, с. 21]. Таким образом, появление подобного рода синонимии связано с заимствованиями, то есть обусловлено межъязыковыми причинами.

Научная англоговорящая среда является в настоящее время признанным центром развития биомедицинских знаний, а английский язык стал языком международного общения ученых. Делая открытия, касающиеся известных или неизвестных реалий, ученые создают соответствующие термины на английском языке, которые в дальнейшем переходят в другие языки вместе с новыми знаниями. Следует отметить, что проникновение англицизмов во франкоязычную научную среду не приветствуется, постоянно создаются термины на французском языке, тем не менее анализ показывает присутствие синонимии между английским заимствованием и французским термином.

Чаще всего синонимические отношения между англицизмом и французским термином выявляются в области наименования технических понятий (медицинские обследования, инструменты, оборудование, анализы):

Scanner – tomodensitometrie

Pacemaker – cardiostimulateur; stimulateur cardiaque

Stent – endoprothese; extenseur; tuteur vasculaire

Clearance – coefficient d'épuration

Screening – depistage

Bypass – pontage

Score de Gleason – grade/classification de Gleason.

Если термин, заимствованный из английского языка, не имеет французского эквивалента, его использование во французской терминологии является легитимным и не вызывает возражений.

Термин *locked-in syndrome*, введенный английскими учеными И.Пламмом и Дж. Пошером в 1966 г., описавшими состояние «запертого человека», не имел своего эквивалента во французском языке, поэтому термин *le locked-in syndrome* стал использоваться во французской медицинской терминологии наряду с дословным переводом – *le syndrome d'enfermement*.

При наличии дублетных форм английского и французского терминов, которые создают синонимические пары, использование первого может быть обусловлено также стремлением языка к экономии, так как английское заимствование, как правило, является более лаконичным по сравнению с французским эквивалентом и его укоренение проходит легко и быстро, о чем свидетельствует французский лингвист П. Буше [16, с. 260]. Это, например, относится к следующим заимствованиям, которые в качестве эквивалента во французском языке имеют сложные описательные конструкции: *burn-out/ le syndrome d'épuisement professionnel* (синдром профессионального выгорания), *drop attacks / crises de chute spontanée* (приступы внезапного падения).

Для французской анатомической терминологии также свойственна синонимия, обусловленная межъязыковым фактором. В этом случае речь идет о сосуществовании французского термина и термина, заимствованного из латинского языка. Дело в том, что во французской анатомической терминологии сосуществуют несколько редакций номенклатур: старая *Parisiensis Nomina Anatomica (PNA)*, принятая в 1955 году, где многие анатомические термины в национальном варианте имеют французский классический термин, и новая *Terminologia Anatomica (TA)*, утвержденная в 1998 году и требующая унификации и сближения национальных анатомических номенклатур с латинской терминологией. По словам Т.А. Ткачевой, сосуществование новой и старой номенклатур во французской анатомической терминологии становится дополнительным фактором наличия синонимов в этой терминотерминосистеме [17, с. 352].

Atrium = oreillette – предсердие

Pelvis / bassin – малый таз

Externa / adventice; tunique externe – адвентициальная оболочка

Thorax / poitrine – грудная клетка

média / tunique moyenne – средняя оболочка

fibula / peronne – малоберцовая кость

patella / rotule – подколенник.

Прагмалингвистические причины появления синонимов в медицинской терминологии основаны, прежде всего, на функционировании медицинского дискурса в различных коммуникативных ситуациях. Как отмечает С.И. Маджаева, «для медицинского дискурса характерны два типа отношений: формальные и неформальные» [18, с. 48]. В первом случае это коммуникация врача со своими коллегами на научно-формальном уровне: на научных симпозиумах, конференциях или в научных статьях. В этом типе коммуникации врач использует строго научную терминологию, отражающую объективность передаваемой информации. Неформальные отношения в медицинском дискурсе отражаются в двух коммуникативных ситуациях. Во-первых, это общение врача со своими коллегами и медицинским персоналом в неформальной обстановке при выполнении повседневных задач, этот дискурс содержит профессиональную лексику и научные специализированные термины, понятные специалистам. Во-вторых, это общение врача со своими пациентами. При разговоре с пациентом врач должен знать и использовать лексические единицы быденного языка, понятные неспециалисту, чтобы понять проблему пациента и суметь ему доступно донести необходимую информацию о болезни и лечении. Анализ медицинских научных терминов французского языка выявил их эквиваленты, используемые в быденной речи. Это касается в первую очередь названий болезней, нарушений нормального функционирования организма и реже – частей тела и внутренних органов:

pathologie / maladie – патология/болезнь

algie / douleur – боль

céphalée / mal de tête – цефалгия/головная боль

hémorragie / saignement – геморрагия/кровоизлияние/кровотечение

sténose / rétrécissement – стеноз/сужение

rhinite / rhume – ринит/насморк

abdomen / ventre – брюшная полость/живот

myocarde / muscle cardiaque – миокарда/сердечная мышца

hématie / globule rouge – эритроцит/красное кровяное тельце.

В представленных синонимических парах на французском языке профессиональный медицинский термин основан, как правило, на греческом корне, представляющем терминологический элемент (*alg-*, *hemo-*, *steno-* *myo-* и др.). Для медицинского

профессионального дискурса на русском языке используются так же клинические термины греко-латинского происхождения. Однако, если в русском языке использование только терминологического элемента в качестве самостоятельного термина не допускается или очень редко, во французском медицинском дискурсе данное явление обычно, что способствует созданию синонимических пар, например, *algia-douleur* (боль). Греческий терминологический элемент *-альгия* в русском языке используется только в сочетании с начальным терминологическим элементом: *цефалгия* – головная боль. Это свидетельствует о том, что формирование терминологической системы той или иной науки происходит в каждом отдельном языке в соответствии со спецификой и закономерностями данного языка. Следует также отметить, что четкая прагматическая дифференциация между синонимами, относящимися к различным уровням коммуникации, может постепенно стираться благодаря растущей популярности научных знаний. По словам Е.А. Феединой, изучавшей синонимические отношения в медицинской терминологии на материале немецкого языка, «популяризация медицинской науки приводит к взаимодействию системы специальных и общих понятий, научной и наивной картины мира», что создает условия для функционирования синонимов разных коммуникативных уровней в одном контексте [19, с. 193].

Сближение синонимов научного и обывательского языка наблюдается и во французской медицинской терминологии: термины научного и профессионального языка – *hépatite, hémorragie, infarctus, AVC (accident vasculaire cérébrale)* и др. – благодаря широкому использованию в медиа пространстве все чаще проникают в разговорный язык, встречаясь в одном контексте со своими синонимами: *jaunisse, saignement, coup de coeur, attaque*.

Когнитивные причины появления синонимов во французской медицинской терминологии связаны с различными подходами при номинации одного и того же феномена, с его понятийной структурой. Номинация ту или иную медицинскую сущность, ученые используют тот признак этой сущности, который, по их мнению, является наиболее важным. Так, наименования одной и той же болезни могут иметь в своей основе разные мотивационные признаки: 1) локализация поражения и причина – *hépatite A (hepato-печень, itis-воспаление, A – наименование вируса)*; 2) по симптому (пожелтение кожи) – *jaunisse* (желтуха), *ictère (icterus* из греч. иволга, птица с желтым оперением); 3) по имени ученого, описавшего болезнь, – *maladie de Botkine* (болезнь Боткина). Вместе с тем, один и тот же признак может лежать в основе разных номинаций одного и того же концепта. Например, по имени ученого, впервые описавшего болезнь или синдром: *maladie de Hodgkin – maladie de Reed-sternberg – maladie de Paltauf*. Все ученые, имена которых использованы в перечисленных эпонимах, описывали одно и то же заболевание – лимфогранулематоз. Признаки локализации патологического процесса, его проявления и имена ученых, описавших данный синдром, отразились в синонимическом ряду, который обозначает кластерную головную боль: *algie vasculaire de la face* (локализация), *érythroprosopalgie* (проявление), *névralgie migraineuse* (характер и локализация), *syndrome de Charlin* (по имени ученого), *syndrome de Sluder* (по имени ученого).

Выявленные причины существования синонимов медицинских терминов не являются изолированными. Анализ синонимических рядов французских медицинских терминов позволил выявить одновременно несколько причин появления синонимов у одного и того же концепта. Так, синонимический ряд концепта, означающего образования на коже в виде пузыря (водяной мозоли) в результате ожога или трения кожи о грубые поверхности, на французском языке состоит, по меньшей мере, из пяти

терминов: *phlyctène*, *ampoule*, *bulle*, *cloche*, *cloque*. Термин *phlyctène* относится к научному языку, происходит из греческого слова *phlyktaina* (пузырь), которое является дериватом от греческого глагола *phluzein* (кипеть) [<https://www.academie-medecine.fr/le-dictionnaire/index.php>].

Ставший обиходным в разговорной, а также в профессиональной речи синоним *ampoule* происходит от латинского *ampoulla*, исходное значение которого было: небольшая бутылка, сосуд из стекла, глины, кожи. Метафорический перенос по сходству формы с обозначаемым предметом стал причиной широкого использования этого термина в анатомической терминологии: *ampulla recti* (ампула прямой кишки), *ampulla ossea* (костная ампула), *ampulla tubae uterinae* (ампула маточной трубы) [AMPULLA перевод | Латинско-русский словарь (classes.ru)].

По той же причине французский термин *ampoule* стал обозначать пузырь на коже, наполненный серозной жидкостью. Вышедший за пределы исключительно разговорной речи, этот термин получает новые варианты в народном, разговорном языке в виде синонимов *bulle* (пузырь) и *cloche* (колокол). Последний синоним постепенно был вытеснен пикардским вариантом *cloque* [20, с. 105].

Как показывает анализ данного синонимического ряда, все перечисленные термины, обозначающие один и тот же концепт, обусловлены переплетением всех трех причин. Все наименования являются метафорическим переносом тех слов, которые обозначают сходные по форме объекты (пузырь, сосуд, шарик, колокол), что соответствует когнитивной причине их формирования. Использование этих синонимов относится к различным коммуникативным ситуациям (научной, профессионально-повседневной, разговорной), то есть их существование обусловлено прагмалингвистическими причинами. Заимствование корней и форм из греческого, латинского языков и пикардского диалекта свидетельствует о межъязыковом факторе появления этих синонимов.

Вывод. Анализ французских медицинских словарей показал богатство и продуктивность синонимических форм во французской медицинской терминологии. Как и в общелитературном языке, это обусловлено многочисленными факторами, основными из которых являются межъязыковые, прагмалингвистические и когнитивные. Несмотря на универсальность причин формирования терминологических синонимов, в каждом языке в процессе коммуникации в специальной сфере реализуются его специфические свойства. Изучение синонимических отношений между французскими терминами, обозначающими различные патологии, позволило выявить группы синонимических пар, существование которых объясняется одной из перечисленных причин, а также смешанные группы синонимов, появление которых связано одновременно с несколькими факторами. Синонимия, являясь маркером познавательной деятельности человека, доказывает когнитивную природу этого явления. Таким образом, терминологическая синонимия является объективной необходимостью функционирования и развития медицинской терминологии.

Список литературы

1. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики // Акад. наук СССР. Ком. техн. терминологии. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 158 с.
2. Гринев С.В. Введение в терминоведение // МГУ им. М.В. Ломоносова, Моск. пед. ин-т. – М.: Моск. лицей, 1993.– 309 с.

3. Гречухина З.Р. Субстантивация прилагательного в медицинской терминологии (на примерах из латинского, французского и русского языков) // Лингвистика и образование. – 2022. – Т.2. – № 1 (5). – С.19–27.

4. Татаринov, В.А. Теория терминоведения: в 3 томах / В. А. Татаринov. Том 1. – Москва: Московский Лицей, 1996. – 312 с.

5. Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мотченко Ирина Владимировна. – Москва, 2001. – 215 с.

6. Bouveret M. Approche de la dénomination en langue spécialisée. Meta: journal des traducteurs Meta: Translators' Journal, 43, 3, 1998, pp. 393–410.

7. Cabré Castellví M. Theories of Terminology: Their description, prescription and explanation. In: Terminology, 1st ed. John Benjamins Publishing Company, 2003, pp.163-199.

8. Жербило В.Т. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: «Пилигрим», 2010: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo

9. Tamine-Gardes Joëlle. Introduction à la lexicologie (suite): les relations lexicales. In: L'Information Grammaticale, N. 16, 1983. pp. 38-40.

10. Lerat Pierre. Les langues spécialisées. coll. «Linguistique nouvelle», Paris, PUF, 1995, 201 p.

11. Huyghe Richard. Les noms de localisation spatiale face au problème de la synonymie. Cahiers du LRL, 2007, 1, pp.85-103.

12. Boutin-Quesnel R. Vocabulaire systématique de la terminologie, Québec, Les publications du Québec (Les cahiers de l'Office québécois de la langue française), 1985, 38 p. https://archive.org/details/voc_systematique_terminologie/page/n3/mode/2up?view=theater

13. Сложеникина Ю.В. Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование: Монография. – Самара: Изд-во СамГПУ. – 2005. – 288 с.

14. Маджаева С.И. Медицинские терминотермины: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД). – Астрахань, 2012. – 277с.

15. Faure Pascaline. Des discours de la médecine multiples et variés à la langue médicale unique et universelle. [En ligne], 58 | 2010, mis en ligne le 30 novembre 2013, consulté le 11 mai 2023. URL: <http://journals.openedition.org/asp/1826> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/asp.1826>.

16. Bouché Pascal. Les mots de la médecine. Paris, Belin (coll. Le français retrouvé), 1994, 509 pp.

17. Ткачева Т.А. Особенности перевода анатомической терминологии в курсе латинского языка для франкоговорящих студентов // Перевод. Язык. Культура: Материалы X международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 мая 2019 года / Ответственный редактор И.Л. Гарбар. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 347–354.

18. Маджаева С.И. Функции термина в медицинском дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы IX Международной научной конференции: в 2-х томах, Челябинск, 18-20 апреля 2018 года / Ответственный редактор Л. А. Нефедова. Том 2. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. – С. 48–50.

19. Федина Е.А. Синонимические отношения в медицинской терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 188-194. – EDN MUIINGF.

20. Blais S. Les mots de la langue courante en médecine. Québec français, (131), 2003, pp. 104–106, URL: <https://id.erudit.org/iderudit/55698ac>

Словари

1. Le trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/>
2. Dictionnaire médical de l'Académie de Médecine. URL: https://www.academie-medecine.fr/le-dictionnaire/index.ph_p
3. Dictionnaire medical. URL: <https://www.dictionnaire-medical.fr>
4. Латинско-русский словарь. URL: <http://classe.ru/all-latin/>

Т.В. Марченко, С.Н. Бредихин, О.И. Лепилкина
Северо-Кавказский федеральный университет

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА И ПОЛИКОДОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена выявлению коммуникативных и общекультурных условий закрепления прецедентного феномена (Brexit) в когнитивной базе англоязычного медиадискурса, описанию семантики и специфики дискурсивной объективации в вариативных текстах. На основе репрезентативной выборки моно- и поликодовых текстов за период 2016-2023 гг. были установлены тематическая направленность и функциональный потенциал референций к Brexit в англоязычном медиадискурсе, выявлены семиотические особенности его дискурсивного инкодирования. Охарактеризована доминирующая семантика рассматриваемого ПФ, выявлены общие для актуализации посредством обоих кодов семы неопределенности и непредсказуемости, иррациональности, чрезмерно высокой оценки собственных сил, потенциальной опасности и риска. Семантический потенциал вербального кода более вариативен и включает значения, манифестация которых не установлена в визуальном коде.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, поликодовый текст, интернет-мем, аллюзия, массмедийная коммуникация, медиaprостранство, вербальный код, визуальный код, семантическая модификация, конситуативная вербализация.*

T.V. Marchenko, S.N. Bredikhin, O.I. Lepilkina
North-Caucasus Federal University

SPECIFIC FEATURES OF FORMING THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF A NEW PRECEDENT PHENOMENON AND POLYCODE OBJECTIFICATION IN MODERN BRITISH MEDIADISDISCOURSE

The article specifies communicative and general cultural conditions for consolidating a precedent phenomenon (Brexit) in the cognitive base of the English media discourse, describes its semantics and the specifics of discursive objectification in semiotically variable texts. Based on a representative sample of mono- and polycode texts over the period of 2016-2023, the thematic focus and functional potential of references to Brexit in English-language media discourse were established, and the semiotic features of its discursive encoding were identified. The authors characterized the prevailing semantics of the precedent phenomenon encoded verbally and non-verbally. The analysis has been identified as a set of common themes actualized through both codes: uncertainty and unpredictability, irrationality, excessively high assessment of one's own strengths, potential danger and risk. It has been shown that the semantic potential of the verbal code is more variable and includes meanings which lack manifestation in the visual code.

Keywords: *precedent phenomenon, polycode text, Internet meme, allusion, mass media communication, media space, verbal code, visual code, semantic modification, consituative verbalization.*

Объективация культурно-специфичных элементов в медийном дискурсе связана с внешними условиями семиозиса. Именно эта детерминированность придает исключительное значение таким компонентам порождения генерализованного смысла доминирующих концептов, как прецедентные феномены, которые обеспечивают культурную преемственность и обладают широким функциональным потенциалом.

В современных условиях широкого распространения традиционных и новых медиа процесс закрепления тех или иных репродуцируемых в культурном континууме фактов и событий культуры в качестве прецедентных имеет специфические особенности, обусловленные семиотической осложненностью дискурсивного пространства

Предметом исследования выступает системный анализ механизмов конвенционализации прецедентных понятий в когнитивной базе, что базируется на инициальном расширении ассоциативного потенциала и употреблении базового вербализатора в медиакоммуникации в качестве экспликатора доминантных ценностей.

Ключевым для британской лингвокультуры в последнее десятилетие стало понятие «*Brexit*», генерализованным содержанием которого является референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе (ЕС). Рассматриваемый лингвокогнитивный феномен в качестве денотата имеет политический процесс, начало которого датируется 23 июня 2016 года. Неоднозначность оценивания самого политического события привела к расширению как позитивного, так и дерогативного пространства содержания ключевого вербализатора, что позволяет создать новые градационные шкалы оценки, и обусловила рекуррентность актуализации лексемы в дискурсивном пространстве политического нарратива, включение в когнитивную базу англоязычного лингвокультурного сообщества и закрепления его в качестве прецедентного феномена (ПФ).

Цель исследования состоит в выявлении особенностей формирования ассоциативного потенциала нового ПФ и его дискурсивной объективации на этапе закрепления в когнитивной базе лингвокультурного сообщества и использования в качестве вторичной номинации для реализации интенции продуцента высказывания и оказания воздействия на потенциального адресата сообщения. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: 1) проследить формирование семантического и ассоциативного потенциала *Brexit* как культурного прецедента; 2) проанализировать тематическую направленность и функциональный потенциал референций к исследуемому ПФ; 3) выявить особенности его дискурсивной объективации и семиотическую вариативность инкодирования в поликодовых текстах.

Методологически значимыми для нашего исследования являются попытки осмысления аксиологического потенциала неологизмов в рамках формирующегося словообразовательного гнезда *Brexit* [1] и описания особенностей концептуализации *Brexit* в англоязычных медиатекстах [2; 3]. Авторы отмечают динамический характер семантического потенциала рассматриваемого концепта и высказывают предположение об обусловленности амбивалентности интенцией участников коммуникации оказать влияние на перцепцию и интерпретацию соответствующих политических событий.

Различные аспекты функционирования как базовых, так и периферийных вербализаторов исследуемого прецедентного феномена рассматривались в работах волгоградской школы дискурсологии [4], ставропольской школы поликодовой и полимодальной смыслодеривации [5; 6]. Следует отметить и исследование характерных способов репрезентации ПФ в различных жанрах медиапространства [7].

В основу анализа процессов формирования прецедентного феномена легла комплексная модель информационной интенсификации в масс-медиа [8]. Если на начальных этапах интенсификации особое значение имеет позиция интерпретатора, то на этапе создания образа в нарративе актуализируются оценочные суждения участников разного уровня институциональности.

Заявленный нами предмет исследования обусловил использование семиотического (для интерпретации специфики инкодирования семантики нового ПФ), структурно-семантического (для выявления смыслового содержания анализируемой единицы) и

дискурсивного (для интегративного когнитивного и коммуникативного осмысления объективации ПФ в речевой практике) методов анализа. Избранный подход предопределил необходимость комплексной процедуры анализа коммуникативного акта, включающей ситуативную и культурную рефлексии, индуктивный метод (для формулирования общего вывода на основании частных предпосылок) и его основные исследовательские процедуры (наблюдение, анализ и сравнение).

Эмпирической базой исследования послужили англоязычные информационные материалы, содержащие базовый вербализатор прецедентного феномена *Brexit*, отобранные методом сплошной выборки из высокотиражных ресурсов (*The Guardian, The Observer, The Independent, The Irish Times, The Journal.ie*). Каждый приведенный в работе пример снабжен лингвокультурным и семиотическим комментариями, позволяющими продемонстрировать нюансы дискурсивной репрезентации анализируемого ПФ.

Референции к ПФ *Brexit*, объективируемые в медиадискурсе, имеют ярко выраженную оценочность и, как показывает анализ картотеки исследования, фигурируют в информационных материалах, посвященных общественно-политическим и спортивным темам. Остановимся на обозначенных темах подробнее.

1. Общественно-политическая повестка.

Тексты в рамках данной тематики представлены аналитическими статьями и заметками, содержащими цитаты с рассматриваемым ПФ, или аллюзии. Так, в заголовок материала, размещенного на сайте британского «Metro», вынесена цитата Н. Фараджа, британского политика, бывшего лидера Партии независимости Великобритании:

*'It is like **Brexit**': Nigel Farage says he would vote for Donald Trump* [9].

Цитата носит видоизмененный осколочный характер и реализует аттрактивную функцию, так как сравнение с *Brexit* и решение голосовать за Д. Трампа при наличии потенциальной возможности не сводятся к какой-либо общей теме, необходимой в качестве основы для сравнения. Непосредственно в самой статье приводится полная цитата:

*Farage said in an interview on This Morning, 'It was like **Brexit** – Hillary represents big business and big banks and going on as it has been, Trump represents big change. 'I haven't endorsed anyone, I wouldn't vote for Clinton, if I was an American citizen I would have no choice [but to vote for Trump]'* [9].

В высказывании политика кандидаты на пост президента США Х. Клинтон и Д. Трамп изображены как два оппозиционных лагеря, представляющих разные структуры и интересы, что и является общей темой сравнения. Детали образа «большой бизнес, банки и привычный уклад вещей» vs «большие перемены» и выбор в пользу последнего (*I wouldn't vote for Clinton*) конкретизируют прагматику сравнительной конструкции: серьезный выбор в пользу значительных изменений.

В приведенных ниже пассажах объективируется сема длительного, затянутого и сложного с точки зрения организации процесса:

*Scottish independence would be like **Brexit on a rocket to Mars**, Lib Dem leader warns*
*INDEPENDENCE FOR SCOTLAND would be like **Brexit on a rocket to Mars**, Scottish Liberal Democrat leader Willie Rennie has said.*

...“*And we had **Brexit**. The scars are deep. Independence would be **Brexit Mark 2**. Independence would be like **Brexit on a rocket to Mars*** [10].

В заголовочный комплекс вынесена цитата лидера либерально-демократической партии Шотландии, в которой он сравнивает политический процесс по получению независимости его страны с Брекзитом, осуществляемым на ракете, направляющейся на Марс. В заголовке отсутствуют ксенопоказатели цитирования, ссылка на автора слов вводится оценочным глаголом *warns*, предполагающим опасения и настороженность.

В подзаголовке цитата перефразирована и введена семантически нейтральным глаголом *has said*. В тексте статьи приводится прототип цитаты с ксенопоказателями, который демонстрирует референции к *Brexit* в формате аллюзии, измененной аллюзии и сравнения. Заметим, что фрагмент, содержащий сравнение – *like Brexit on a rocket to Mars* – приводится инвариантно во всех рассматриваемых контекстах. Многочисленные итерации цитаты и сравнения, в состав которых входит аллюзия, делают их центральным образом статьи. Тема развернутого сравнения – инициирование процесса по признанию независимости Шотландии. Непосредственно образ сравнения включает два элемента, между которыми устанавливается семантическая связь: *Brexit* и *on a rocket to Mars*. Опираясь на общекультурные понятия о специфике полета на Марс и обще- или частно-культурные представления о Брексит, адресант сообщения выделяет комплекс признаков, связывающих обозначаемое и обозначающее. Оценочные компоненты семантики *Brexit* как процесса отсоединения и самостоятельного функционирования контекстуализируются категориальными признаками, детерминирующими полет на ракете на Марс, а именно: 1) сложность организации; 2) необходимость наличия соответствующих технологий; 3) длительность (полета или процесса); 4) потенциальная опасность и риск внештатных ситуаций; 5) непредсказуемость.

Метафоры, нарративные и классические сравнения *Brexit* с актуальными или вымышленными ситуациями, понятиями или персоналиями, ставшие предметом ряда исследований [11; 12], манифестируют сложные эмоциональные реакции представителей лингвосообщества на политический процесс. Характерным сравнением является конструкция *Brexit is like X* (Брексит – это как X), где X выступает единичным элементом или расширенным повествованием. В составе расширенных симилятивных комплексов фигурируют референции к прецедентным элементам [11, p. 676].

В отличие от начальной стадии нарратива, для которой характерно использование конструкций типа *Brexit is like X*, на последующих этапах в качестве наиболее типичной нами выявлена обратная структура *X is like Brexit*, отражающая многочисленные попытки осмысления семантики формируемого ПФ, позволяющая наметить ценностные ориентиры, релевантные для соответствующей лингвокультуры, и определенным образом детерминирующие его аксиологические потенции в актуальных дискурсивных условиях.

На основе анализа интенсификации в базовом вербализаторе общественно-политической топикальной привязки можно сделать вывод о том, что аксиологические потенции анализируемого ПФ детерминируются функционально нагруженными прецедентными элементами, эмфатическими конструкциями и иными стилистическими приемами.

2. Спортивная тематика.

Спорт, как и политика, предполагающий агональность, стал одной из сфер, в которых отмечена высокая частотность отсылок к *Brexit*. Анализируемый ПФ используется в простых сравнениях, не имеющих иносказательной основы и эксплицирующих общий для сопоставления признак. Например:

...Just like Brexit, the European Super League is built on hubris – and it will bring them both down. The ordinary football fan must accept that the most potent weapon at their disposal is the overarching greed and arrogance of those involved in the European Super League.

...The globalisation and staggering financialisation of football is, like Brexit, very much a tide that won't be turned back [13].

Анализ перспектив развития Европейской Суперлиги по футболу сопровождается сравнением с *Brexit* в двух микроконтекстах. В первом в качестве общих признаков

двух элементов сравнения указываются высокомерие и потенциально пессимистичный прогноз исхода. Во втором пассаже предлагается усмотреть семантическую связь между *Brexit* и процессами глобализации и финансовализации в футболе. Категориальным признаком тождества представлена метафора волны или потока, которые не отхлынут назад. Приведенные сравнения актуализируют такие семы ПФ *Brexit*, как идея превосходства, уверенность в себе и своих силах, неизбежность и всепоглощающий характер. На основе чего формируется расширительное пространство позитивизации [14].

Комплексность происходящих в футбольной индустрии изменений также представлена через призму референции к *Brexit*. Объективация ПФ в заголовке «*Like Brexit but good*» интродуцирует расширенную аллюзию, функциональный потенциал которой развивается в отсылке к лексемам, вербализующим ядерную часть концепта *Brexit*.

Отличительной особенностью референций к *Brexit* в рамках сравнительных конструкций является экспликация того или иного релевантного признака, позволяющего адресанту провести аналогию. Причем в каждом конкретном микроконтексте признак может отличаться. Так, статья, посвященная анализу практики использования системы видеопомощников судей (VAR), содержит два пассажа с конструкцией «*VAR is like Brexit*». Первый фигурирует в заголовке и получает конкретизацию в подзаголовке:

VAR is like Brexit and it's time to press the pause button

Some decisions in football will always be a matter of judgment rather than fact [15].

Как следует из заголовочного комплекса, концептуальным основанием для корреляции технологии *VAR* и *Brexit* является понятие валидации решения, вербализованное в контексте следующим образом: «*a matter of judgment rather than fact*» («это скорее вопрос суждения, чем факта»). Диминутивная семантика *some*, предполагающая субъективно-оценочное значение малого объема, компенсирована наречием *always*, сообщающим контексту перманентный характер явления.

В текстах с доминантой визуального кода референции к прецеденту построены на взаимодействии иконических компонентов. Рассматриваемое событие-стимул к формированию ПФ подверглось всестороннему анализу как на институциональном, так и неинституциональном уровнях. Последний широко представлен поликодовыми текстами, апеллирующими к аналогичным ситуациям, широко известным представителям англоязычного лингвосообщества. Например, в поликодовых текстах фигурируют сравнения Брекзит и ухода из состава британской поп-группы «*Spice Girls*» одной из солисток – Джери Халлиуэлл – с целью развития сольной музыкальной карьеры. Тексты содержат практически идентичный вербальный код («*Brexit is like when Geri Halliwell overestimated her viability as a solo artist and left The Spice Girls*»), оформленный как подпись к фотографии певицы или надпись на плакате. Как утверждается в сравнении, исполнительница «переоценила свою жизнеспособность» («*overestimated her viability*»). Невербальная составляющая при этом аксиологически нейтральна и служит интенсификатором значения.

Параллельный анализ инкодируемых на вербальном и невербальном уровнях оценочных значений ПФ *Brexit* дает представление о доминирующем семантическом потенциале. Так, общими для актуализации посредством обоих кодов являются семы неопределенности и непредсказуемости, иррациональности и чрезмерно высокой оценки собственных сил, а также потенциальной опасности и риска. В той или иной мере коррелирующими являются семы напряженности, раздора, токсичности и плачевного положения дел. Семантический потенциал вербального кода более вариативен и включает значения, манифестация которых не установлена в

визуальном коде (двусмысленность, путаница, невыполнимость, противоестественность, неизбежность, инфантилизм, отсутствие силы и интеллекта, обман и всепоглощающий характер).

Проведенный анализ показывает, что основным семиотическим кодом дискурсивного бытования ПФ *Brexit* в англоязычной культуре является вербальный (с вариантами нотации с заглавной, прописной или всеми заглавными латинскими буквами). На настоящий момент не установлены визуальные репрезентанты исследуемого ПФ. Иконические элементы преимущественно англо-саксонской когнитивной базы используются как комплементарные детерминанты значений ПФ. Соответственно, представляется возможным говорить о приоритетной и универсальных формах кодирования определенных значений и способах их активации в соответствующих дискурсивных условиях.

Список литературы

1. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма *Brexit* в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 103–111.

2. Каштанова И.И., Бирюкова О.А., Давыдова Е.А. Концепт *Brexit* в современном англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10-2 (88). – С. 295–299.

3. Сергиенко П.И. «Репрезентативные особенности концептуализированной области *Brexit* (на материале политических неологизмов)» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – №1. – С. 168–177.

4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

5. Марченко Т.В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосомиотическая интерпретация. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 9(3). – С. 505–518.

6. Марченко Т.В., Бредихин С.Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 70–85.

7. Марченко Т.В. Прецедентность в дискурсах медиaprостранства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов. Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 2. – С. 143–150.

8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: УРСС, 2005. – 288 с.

9. Waugh R. 'It is like Brexit': Nigel Farage says he would vote for Donald Trump. URL: <https://metro.co.uk/2016/11/08/it-is-like-brexit-nigel-farage-says-he-would-vote-for-donald-trump-6243603/> (дата обращения: 08.07.2023).

10. Creamer N. Scottish independence would be like Brexit on a rocket to Mars, Lib Dem leader warns. URL: <https://www.thejournal.ie/scottish-independenec-mars-brexit-5387348-Mar2021/>. – (дата обращения: 08.07.2023).

11. Dancygier B. Narrativised simile and emotional responses to Brexit // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – No. 25(3). – P. 663-684.

12. Martín de la Rosa V. Taking back control: The role of image schemas in the Brexit discourse // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – No. 27(2). – P. 276–296.

13. Peck T. Just like Brexit, the European Super League is built on hubris – and it will bring them both down. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/european-super-league-hate-football-brexit-b1833786.html>. (дата обращения: 08.07.2023).

14. Бредихин С.Н., Махова И.Н. Имплементация эпизодических компонентов в содержательное пространство метаконцептов // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3(111). – С. 138–143.

15. Williams R. VAR is like Brexit and it's time to press the pause button. URL: <https://www.irishtimes.com/sport/soccer/english-soccer/var-is-like-brexit-and-it-s-time-to-press-the-pause-button-1.4080409>. (дата обращения: 08.07.2023).

А.И. Слэстен

Тверской государственный университет

**ИРОНИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ФРАЗЕМЫ
ПОЛУЧИТЬ НА ОРЕХИ
(УКР. ОТРИМАТИ НА ГОРІХИ, БЕЛ. АТРЫМАЦЬ НА АРЭХІ)**

Статья посвящена процессу фразеологизации в русском, украинском и белорусском языках. Рассматриваются «эволюционные» и «неэволюционные» точки зрения относительно данного явления с акцентом на ироническое переосмысление. На материале, собранном из литературных источников, анализируется процесс перехода от свободного словосочетания «получить на орехи» к фразеологической единице с противоположным негативным значением.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологизация, ироническое переосмысление, фразема, идиома, восточнославянские языки.

A.I. Slasten

Tver State University

**IRONIC REINTERPRETATION AS A MEANS
OF CREATING A PHRASEOLOGISM
ПОЛУЧИТЬ НА ОРЕХИ
(УКР. ОТРИМАТИ НА ГОРІХИ, БЕЛ. АТРЫМАЦЬ НА АРЭХІ)**

The article is devoted to the process of phraseologization in the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. The «evolutionary» and «non-evolutionary» points of view regarding this phenomenon are considered with an emphasis on ironic reinterpretation. Based on the material collected from literary sources, the process of transition from the free phrase «получить на орехи» to a phraseological unit with the opposite negative meaning is analyzed.

Key words: phraseological units, phraseologization, ironic reinterpretation, phraseme, idiom, East Slavic languages.

Фразеологизмы принято рассматривать как знаки непрямо́й номинации, т.е. как языковые единицы, которые возникли путем семантической трансформации существующих в языковой системе знаков. Независимо от того, какой признак фразеологизма – его воспроизводимость в языке или наличие целостного значения – берется за основу при определении единицы фразеологического уровня языка, исследователи фразеологии сходятся во мнении, что фразеологизмы в подавляющем большинстве сохраняют готовый план выражения и получают новый план содержания, принципиально отличный от того, что был свойственен исходным языковым единицам (чаще всего – словосочетаниям).

Процесс фразеологизации большинство исследователей связывают с расширением сферы использования свободного словосочетания, увеличивая его частотность. В конце концов, он завершается закреплением в языке новой единицей фразеологического уровня. Семантическое преобразование заключается в том, что старый план выражения под влиянием каких-то факторов экстралингвистической природы начинает использоваться для называния новых содержаний. Наиболее важными типами переосмысления традиционно считаются метафора и метонимия. Эта точка зрения, названная

Ю.Я. Бурмистровичем «эволюционной», в научной литературе доминирует, ее сторонниками являются Б.А. Ларин, Л.И. Ройзензон, Ю.А. Гвоздарев, А.В. Кунин и многие другие лингвисты.

Согласно второму, менее распространенному взгляду, для возникновения фразеологизма не требуется долгое время, процесс фразеологизации может произойти мгновенно, причем первоначально в сознании лишь одного говорящего, впоследствии распространяясь в том или ином языковом сообществе и закрепляясь в общенародном языке. Сторонниками такого подхода, названного «неэволюционным», или ономаσιологическим, являются И.С. Торопцев и Ю.Я. Бурмистрович. При фразеологизации, по мнению последнего, происходит «обозначение того или иного явления действительности нецелостным, раздельнооформленным со стороны звучания, однако целостным со стороны семантики оборотом речи» [2, с. 114]. Ю. Бурмистрович называет в своей работе основные процессы, с помощью которых возникают новые единицы фразеологического уровня языка: метафоризация (изменение семантики единицы без изменения ее плана выражения), конструирование (использование плана выражения единицы не в готовом виде, а с определенными изменениями) и заимствование (планом выражения устойчивого выражения становится иноязычная единица, которая может быть определенным образом изменена, адаптирована к языку).

Обратим внимание на то, что сторонники обоих подходов сходятся в одном: основным процессом фразеологизации является метафоризация, как переосмысливание существующего сочетания слов образной природы, вследствие чего и возникает новый знак непрямого номинации – фразеологизм.

Очевидно, к названным механизмам фразеологизации следует добавить также прием калькирования готовых фразем чужого языка, который отличается от заимствования тем, что иноязычный план выражения подвергается перекодированию с использованием языковых единиц языка-реципиента. Языковые единицы, образованные вследствие приема калькирования, бывают настолько сходными с фразеологизмами воспринимающего языка, что не только рядовые говорящие, но и лингвисты могут воспринимать их за «свои», что имеет следствием попытки этимологизировать их на основе определенных национально-исторических или культурных фактов.

Однако понятно, что механизмы образования идиом не сводятся лишь к метафоризации, вторичной фразеологизации и калькированию. Ученые-фразеологи описывают и такие процедуры фразеологизации, как конструирование алогичных идиом, образование устойчивых выражений путем конденсации басни или сказки, цитирования прецедентных текстов (особенно с включением архаических компонентов), укорочение (редукцию) паремий и др. Как правило, фразеологические единицы, образованные с помощью таких механизмов, составляют лишь незначительный процент от всех устойчивых выражений, функционирующих в определенном языке.

В данной статье мы делаем акцент не на ее временном параметре, а на другом аспекте этого процесса, а именно – на тех мыслительных, когнитивных процедурах, вследствие которых возникают новые единицы фразеологического уровня речи, рассмотрим такой механизм фразеологизации, как ироническое переосмысление, которое не так часто попадает в центр внимания исследователей.

Под ироничным переосмыслением мы подразумеваем такой семантический сдвиг, в результате которого возникает новое содержание готовой языковой единицы, причём это содержание всегда «обратное», противопоставленное относительно исходного. Используя слово «обратное», мы имеем в виду возникновение у слова или выражения семантических признаков, несовместимых с изначальными, и

даже могут их исключать. Семантические изменения касаются в первую очередь той сферы в значении слова, которая непосредственно связана с оценками (логическими или эмоциональными). При ироническом использовании переосмыслению подлежат именно такие слова и выражения, которые в основном имеют положительную оценку, часто имплицитную. К единицам, которые допускают такое использование, можно отнести: *умник, грамотей, всеведущий, удружить*, укр. *молодець, постаратися*. Позитивная оценка в их прямых значениях проявляется или на уровне сигнификатного компонента, например, *красоваться, удружить*, укр. *майстер, премудрий, розумник*, или на уровне коннотаций (*грамотей, всеведущий*). Ироничное использование нейтрального в смысле оценки слова абсолютно невозможно, потому что будет нарушена логическая цепочка создания иронии. Таким образом, новое содержание, которое образовалась вследствие иронического переосмысления, обязательно маркировано прагматично, в нем ощущается высокая экспрессивность и/или оценочность, которая может объединяться с ослаблением сигнификативного компонента его лексического значения.

Мы рассматриваем особенности иронического переосмысления готовых языковых единиц как смысловой сдвиг, который приводит к формированию устойчивых выражений. Очевидным пунктом такого сдвига является наличие готовой единицы (в нашем случае – фраземы), в семантике которой обязательно должны присутствовать позитивно окрашенные компоненты. В результате ироничного переосмысления эти компоненты исчезают и заменяются на негативные, что дает возможность использовать единицу для выражения негативной характеристики предмета или адресата речи. Для поддержания высокого уровня экспрессивности новой фраземы очень важно, чтобы носителям речи было известно и первичное содержание устойчивого выражения, поскольку ирония, то есть «новая», негативная, оценка может ярко себя проявлять только на фоне «старой», положительной.

В восточно-славянских языках мы встречаем огромное множество фразем, которые состоят из глагола *досталось, будет, дать, получить* и пр. в сочетании с существительным *орехи (горіхи, арэхі)*, более редкий вариант рус. *калачи*, укр. *бублики, баранки, кислички, гостинці, галушки* и пр. со значением «наказать/быть наказанным». Место предиката могут занимать глаголы *заработать, получить* и др. Значение таких выражений чаще всего связывают с наказанием, с платой за какую-либо провинность или с угрозой получить это наказание в будущем. Ситуации, о которых идет речь и с которыми соотносятся идиомы названной группы, могут быть достаточно разнообразными из-за того, что сама форма наказания может иметь различные виды: избиение, лишение свободы, сладкого, денег, материальных благ, принуждение к какому-либо виду деятельности, выговор, взыскание и пр. – все зависит от норм и традиций, которые установлены в микро(макро-)коллективе, точки зрения объекта на предполагаемую или фактическую форму наказания.

Обобщая семантику этих выражений, мы можем сослаться на мнение Е. В. Беляевой, которая предлагает нам такое пропозитивное толкование: «У, совершивший поступок Z, наносящий ущерб X-у, испытывает со стороны X-а нежелательное для Y-а физическое или вербальное воздействие P, имеющее карательный характер, и говорящий считает, что это плохо для Y-а» [1, с.69]. Приведем некоторые примеры:

1. *Это всё ваши шутки! – шипела она, проходя мимо кого-либо из нас. – Будет ей наорехи! Где она?* [16]

2. *– Та що це ви, Прокпе... А то дійсно заробите від мене, – виправдувалась Віра. – О-о, я ж казав тобі, Ілюша, що од цієї ланкової легко може перепастися й на галушки.* [15]

3. – *Ах ты, аника-воин! – говорила Мите мать. – Вот подожди, нажалуется он Мотовилову – достанется тебе на орехи.*

– *Как же это?*

– *А так: позовут тебя в гимназию, высекут так, что до новых веников не забудешь, да и выгонят [12].*

4. *Вона підбігає до матері, чоломкається і подає щось загорнуте в пілочку.*

– *Це що за напасть з самого ранку на мене? – жартуючи, дивується мати.*

– *Не напасть, а попівські з панського тіста марципани, – сміється Мар'яна, аж висяюючи зубами.*

– *Ой гляди, дівчино, перепаде тобі на бублики за ці марципани .. Ти ж знаєш вдачу нашої попаді: все шкварчить, наче яєчня на сковороді [13].*

5. – *Авось господь поможет! – отвечал Кондратий. – А шибко дерутся, собачьи дети! достанется и нашим на орехи. [6]*

6. *Гэта прапусці ад нас няспраўны вагон, не абярэзься тады ліха, будзе тады на арэхі да апошняга змазчыка [9].*

7. *Ды тут бацька прыйшоў з працы. Гляджу і вачам сваім не веру: нясе ў руках мой пусты слоік. Сэрца ў мяне нібы абарвалася. Дасталося мне тады на арэхі [10].*

В русском, украинском и белорусских языках также известны и свободные словосочетания схожего компонентного состава: *дать/получить* (определенную сумму денег) *на конфеты, на мороженое, на сладости* и т.д. Их же семантика уже напрямую связана со значением поощрения, а не с идеей наказания. Известно, что в дореволюционном быте для поощрения или стимулирования, особенно это касалось детей, традиционно использовали разнообразные сладости и угощения, например, орехи, бублики, конфеты, пряники, сушеные фрукты и пр. Когда взамен лакомств детей стали одаривать деньгами как форма поощрения, то в языке это стало вербализоваться при помощи словосочетания *дать на конфетки, дать/получить на бублики, на пряники, на орехи* и пр. чаще всего с пропущенным объектным компонентом. Это связано с тем, что конкретная сумма чаще всего не озвучивалась:

1. *Оправив на себе кружевной шарф и манжеты, он дал детям по кошельку с дукатами и сказал:*

– *Это вам на орехи, в память вашего покойного отца; он был мне верным другом и слугою. Я дал ему слово заботиться о вас, сиротах [5].*

2. *Ну, тогда сбегай-ка к воротам, узнай, где сегодня сэр Улайтан. Найди его и передай, что я приглашаю его отобедать или отужинать в нашем заведении сегодня. Вот, возьми на бублики.*

Серебряная монетка сверкнула в лучах солнца, а в следующее мгновение уже исчезла в проворных пальцах мальчишки [3].

3. *Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.*

– *Если ты мне во всем признаешься, так я тебя не высеку, дам еще пятак на орехи. Не то, я с тобой сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну! [11]*

4. *Зітхнувши тяжко, дістав хустину з грішми, розв'язав і вийняв мідного п'ятака.*

– *Візьми на бублики... – простягнув монету Тарасові й потупив очі, засоромившись своєї щедрості й доброти [17].*

Очень часто дарение денег означало на самом деле чаевые, взятку и т.д. *Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот ещё сверх того на баранки. Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (Прячет деньги.) Разве уж выпью за ваше здоровье [4].*

Эти выражения типа *дать/взять (деньги) на орехи* принадлежат к древним, лексические компоненты в нем используются в прямом значении. Но семантический план стал намного богаче: они передают значение «дать/получить деньги для личного пользования», при этом содержат в себе положительную коннотацию, особенно с точки зрения получателя финансовых средств.

Для полного понимания механизма перехода от свободного словосочетания к фраземе необходимо обратить внимание на то, что в обоих случаях выражения дополняются объектом с семантикой «денежная сумма» (см. пример *в*). Но этот компонент очень часто опускается в речи, что связано с экстралингвистическими причинами:

1. В некоторых случаях финансовое вознаграждение, которое формально выражено для покупки лакомств, на самом деле является взяткой, именно поэтому говорящий избегает называния данной.

2. Объект может опускаться в тех случаях, когда сам говорящий точно не знал, о какой сумме идет речь, поэтому не вербализирует ее.

Именно эти экстралингвистические особенности дали возможность перехода от свободного словосочетания положительной коннотацией к фразеологической единице с семантикой «наказания». Невыраженность объекта максимально облегчила переход от выражения к фраземе.

Можно предположить, что появление у словосочетания *дать/получить на орехи* нового значения «наказать/быть наказанным» связана, в первую очередь, с ирреальной модальностью. Давайте обратим внимание на то, что чаще всего данное выражение используется в форме будущего времени (см. примеры 1-6) и в коммуникативном плане является угрозой или предупреждением. Скорее всего, ироничное переосмысление этих выражений произошло именно в контексте ирреальной/потенциальной модальности, и достаточно часто это происходит в диалоговой форме:

...*А я тобі ще маленький був та кажу: «Мамо, дай хліба!» А вона розсердилась та каже: «Вража дитино! Я тобі як дам хліба, то в тебе й очі повилазять.»* [7].

В ответ на просьбу ребенка дать ему еду мать реагирует отказом при этом повторяет словосочетание (*дам хліба*), но уже придает ему другое, отличное от изначального, значение (угроза наказания), усиливая его следственной фразой, что в результате он получит (*то в тебе й очі повилазять*). Часто повторяясь в подобных коммуникативных условиях, свободное словосочетание обретает новое значение, которое не только не связано с идеей поощрения, которое отражается в его внутренней форме, но и полностью ему противопоставляется и приобретает идею наказания. С появлением нового значения возникает и новая языковая единица – устойчивое выражение, фразеологизм с высокой мерой эмоциональности. С ним непосредственно и связана негативная логическая оценка (ведь получить наказание – это плохо), что и выразила в своем определении Е. Беляева: «говорящий считает, что это плохо для Y-а».

Как правило, ученые-фразеологи говорят о существовании двух процессов, при помощи которых образуются устойчивые выражения: о первичной и вторичной метафоризации. «Серед основних чинників вербалізації у фразеології метафорі одногосно надають статус найголовнішого» (рус. «Среди основных факторов вербализации во фразеологии метафоре единоголосно придают статус самого главного»), – отмечается в монографии Елены Левченко, посвященной проблемам фразеологии [8, с. 53]. Под метафорой при этом подразумевается любой вид употребления языковой единицы в косвенном значении. Это утверждение действительно стало общим местом фразеологических трудов разных авторов, и любую фразу, отдельным компонентам которой не удастся приписать словарных значений, считают результатом метафоризации, переосмысления.

Можно привести немало фразем, которые, совпадая со свободными словосочетаниями в плане выражения, не имеют с ними никаких семантических и мотивационных связей (например, *испечь булку, играть на пианино, бавиться в рыбака, заїхати в Лейбові огірки, біцца за пусты мех, вазиць ваду ў балота*). В этих случаях мотивационные связи отсутствуют как на уровне слов-компонентов, так и на уровне структурного целого (свободного словосочетания и соответствующего устойчивого выражения). Такие идиомы образуются вполне независимо от существующих в языке словосочетаний и не могут считаться их семантическими трансформами. Как мы отмечали, в таких случаях происходит не изменение значения готовой языковой единицы по типу метафоризации, а конструирование совершенно новой единицы из отдельных лексических элементов. Этот процесс происходит не произвольным образом, а на основе определенных закономерностей, среди которых на первом месте – установление ассоциативных связей, которые существуют не на языковом уровне, а на ментальном, концептуальном уровне – в коллективном сознании носителей языка, всего языково-культурного общества. Для понимания специфики этого механизма важно принять во внимание, что базой для формирования новых устойчивых выражений чаще всего служат не индивидуальные, а коллективные, стереотипные представления о вещах и явлениях. «Типичность образов, лежащих в основе значений фразеологизмов, а также включенность в них символов или эталонов мировосприятия – это плод коллективного представления лингвокультурного сообщества об определенном групповом опыте» [14, с. 249]. При конструировании идиом коллективное речевое сознание оперирует именно типичными, закрепленными в языке и культуре представлениями о явлениях действительности.

Таким образом, на примере фраземы *получить на орехи* (укр. *отримати на горіхи*, бел. *атрымаць на арэхі*) мы понимаем, что общепринятые два процесса образования фразем не могут в достаточной степени описывать весь цикл преобразования идиом из свободных выражений и дает нам возможность для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Беляева Е.В. Проблемы определения границ фразеологических единиц // Фразеология в Машинном фонде русского языка. Отв. ред. В.Н. Телия. М., «Наука», 1990. – с. 67–72.
2. Бурмистрович Ю.Я. Основные моменты образования фразеологизмов // Системные связи и отношения фразеологизмов: Сборник научных трудов. – Свердловск: Свердловский гос. педаг. институт и Курганский гос. педаг. институт, 1989. – С. 114–122.
3. Вегашин В. Время хищных псов. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/vremya-hishchnyh-psov-si-read-493824-9.html> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
4. Гоголь Н.В. Ревизор. [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/473/p.3/index.html> (дата обращения: 23.04.2023 г.)
5. Данилевский Г.П. Сожженная Москва. [Электронный ресурс] URL: <https://litlife.club/books/57423/read?page=10> (дата обращения: 23.04.2023 г.)
6. Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. [Электронный ресурс] URL: <https://litlife.club/books/30506/read?page=57> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
7. Записки о Южной Руси: Издал П.Кулиш. Т. 1, 2. — К.: Дніпро, 1994.
8. Левченко О.П. Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект: Монографія. – Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2005. – 352 с.
9. Лынькоў М.Ц. Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/pra-smelaga-vayaku-mishku-i-yago-slaunyhtavaryshau-read-332325-2.html> (дата обращения 17.04.2023 г.)

10. Пазнякова М. Клён паводле. [Электронный ресурс] URL: <https://infopedia.su/1x2161.html> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
11. Пушкин А.С. Дубровский. Том второй. [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/479/p.17/index.html> (дата обращения: 28.04.2023 г.)
12. Сологуб. Ф. Том 1. Тяжёлые сны. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/tom-1-tyazhyolye-sny-read-205555-116.html> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
13. Стельмах. М. Гуси-лебеди летяць... [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/vibrani-tvori-read-393625-468.html> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
15. Фразеологічний словник української мови. [Электронный ресурс] URL: <https://slovyk.me/dict/phraseology/гостинець> (дата обращения: 09.04.2023 г.)
16. Чехов. А.П. Зеленая коса. [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/72/p.1/index.html> (дата обращения: 17.04.2023 г.)
17. Шевчук В. Син волі. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/SU/UKRAINA/SHEVCHUK/unz24278/sin_voli.txt (дата обращения: 23.04.2023 г.)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

В.И. Антонов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОСПРИЯТИИ МОНГОЛЬСКИХ ЭТНОСОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ
в рамках научного проекта № 20-511-44006*

В статье рассматриваются природа и особенности символики цвета в фокусе традиционных представлений монгольязычных этносов (халха-монголов, бурят, калмыков). В этой связи вкратце анализируется семантика цвета, определяется спектр его значений. В обобщенном виде показывается, что он (цвет) презентует собой одну из специфических, вместе с тем универсальных характеристик символики. В тесном функционально-смысловом сопряжении с этим как раз раскрывается важное место и роль символики цвета в традиционном мировосприятии монгольских этносов. Символика цвета, взятая в данном аспекте, исследуется через призму шести основных (базовых) цветов: белый, черный, желтый, синий (голубой), красный, зеленый. При этом дается аргументированный анализ того, что символическое насыщение, смысловая нагрузка, заложенные в них (цветах), изначально и в равной степени характерны как для добуддийской, шаманской мифологии, так и для собственно буддийского вероучения.

Ключевые слова: *цвет, семантика цвета, символика цвета, традиционное мировосприятие, монгольские этносы (халха-монголы, буряты, калмыки).*

V.I. Antonov

East Siberian State University of Technology and Management

SYMBOLS OF COLOR IN THE TRADITIONAL WORLD PERCEPTION OF THE MONGOLIAN ETHNOS

The article deals with the nature and features of color symbolism in the focus of traditional views of Mongolian-speaking ethnic groups (Khalkha-Mongols, Buryats, Kalmyks). The article analyzes the semantics of color and determines the range of its meanings. In a generalized form, it is shown that it (color) represents one of the specific and simultaneously the universal characteristics of symbolism. In close functional and semantic conjugation with this, the important place and role of color symbolism in the traditional worldview of the Mongolian ethnic groups is revealed. The symbolism of color, taken in this aspect, is studied through the prism of six primary (basic) colors: white, black, yellow, blue (cyan), red, green. At the same time, the author gives a detailed analysis of the fact that the symbolic saturation, the semantic load inherent in them (colors), is originally and equally characteristic of both pre-Buddhist, shamanic mythology, and Buddhist dogma.

Key words: *color, color semantics, color symbolism, traditional worldview, Mongolian ethnic groups (Khalkha-Mongols, Buryats, Kalmyks).*

Семантика цвета. Благодаря цвету, цветам предметам и явлениям окружающего мира задается качественное своеобразие. Семантика цвета весьма глубока и богата. Это особенно очевидно при обращении к цветовой символике. И действительно, цвет представляет собой одну из специфических, в то же время универсальных характеристик символики. Спектр его значений и функций в ней весьма значителен. Цвет, выраженный в символике, всегда играл важную роль в самых различных сферах человеческой

деятельности. Символика цвета оставила заметный след в истории культуры и общества. Но она не менее значима и востребована в современной жизни.

В символизации цветов, вбирающей в себя и генерирующей обширную информацию о множестве их значений, безусловно, находит свое соответствующее отражение общепринятая классификация, основанная на оптическом восприятии этого феномена и тех данных, которые выработаны экспериментальной психологией. В этой связи уже традиционным стало выделение двух основных групп цветов.

Первая из них образует набор так называемых теплых цветов. К ним относятся такие цвета, как красный, оранжевый, желтый, также белый (последний квалифицируется так в широком понимании). Их считают «стимулирующими цветами», поскольку они связаны с психологическими процессами, приводящими к ассимиляции, активности и напряжению в восприятии. Вторая группа включает в себя так называемые холодные цвета. Они выступают как «тормозящие факторы» в восприятии цветов. Их относят к разряду тех цветов, которые вызывают процессы диссимляции, пассивности и расслабления. В этот ряд входят синий, фиолетовый, индиго, а также черный (последний также трактуется в широком понимании). Такой цвет, как зеленый, занимает промежуточное, переходное положение, следовательно, в равной степени имеет отношение к обеим группам.

Приведенная выше классификация, конечно же, не означает того, что мир человеческого восприятия с точки зрения колористики может быть исчерпан указанным перечнем цветов. Окружающая действительность безмерно богаче, разнообразнее по цветовой гамме. Это целый космос многоцветья, сочетания цветов, комбинаций цветовых оттенков.

Цвета, цветовое многообразие предметов и явлений тотально окружают человека, образуя естественную среду для его восприятия. Поэтому они способны всегда – в той или иной мере, в большей или меньшей степени, в явной или неявной форме – оказывать на него психофизиологическое воздействие, вызывая у него различные ощущения и чувства – тепла или холода, бодрости или уныния, радости или беспокойства и т.д.

При этом научные исследования, основанные на материалах 98 этнических языков, позволили установить наличие базовых цветов в шкале цветовосприятия [1, р. 32]. В качестве таковых были эмпирически выявлены и обобщены следующие цвета: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый.

В символизации цветов заложены универсальные характеристики их значений, выработанные на протяжении многих веков. Вместе с тем символика цвета с точки зрения ее смысловой интерпретации всегда представляет собой определенное единство общего и особенного, некоторый сплав универсального и уникального. Это обусловлено не только общечеловеческими параметрами, но и культурно-цивилизационными, религиозными, этнонациональными особенностями в ее формировании. Поэтому трудно переоценить роль и значение национально-культурного, этноментального пласта в символике цвета. Этот пласт всегда придает ей специфические черты и особенности. Цвет символизируется в культуре каждого народа по-своему и нередко, будучи преломленным через данную культуру, становится воплощением в некотором роде особой этической и эстетической ценности. Поэтому у разных народов в их культурах феномен цвета наделяется разнообразными символическими значениями и связан с определенными (далеко не всегда и не во всем совпадающими с общепринятыми канонами представлений) ассоциациями и интерпретациями.

Цветовая символика в миросозерцании монголов. Символика цвета занимает важное место в традиционном мировосприятии монгольских этносов. Но она остается по-особому значимой и в современной жизни монголов. Символика цвета, взятая в данном аспекте, как раз является предметом нашего исследования.

В традиционном монгольском миросозерцании одинаково значимы шесть основных (базовых) цветов – белый, черный, желтый, синий (голубой), красный, зеленый. Причем символическое их насыщение, смысловая нагрузка, заложенные в них (цветах), изначально характерны как для буддийской, шаманской мифологии, так и для собственно буддийского вероучения. Другие же цвета, т.е. те, что не входят в поле основных (базовых) цветовых характеристик, здесь также имеют определенные значения и выполняют соответствующие функции. И эти цвета могут встречаться в некоторых сочетаниях.

Так, в шаманском культе высших (западных и восточных) божеств-*тэнгриев* (небес) несложно найти подтверждение вышесказанному. Западные тэнгрии (55 небесных божеств) представлены исключительно в белом и синем (голубом) цветах: Белый небожитель Млечного пути, Звездный белый небожитель, Творящий белый небожитель, Белый небожитель духов, Честный белый, Богатый белый небожитель, Вечное синее небо, Синее бездонное небо и т.д. Восточные тэнгрии (44 небесных божеств) могут быть выражены в черном, красном, сером, пестром цветах: Черный небожитель, Темно-черный, Туманно-черный небожитель, Кроваво-красный, Пестро-серый, Желто-пестрый, Черно-пестрый, Шаманящий черный, Правящий черный, Пестрый, Черный небожитель проклятия, Черный небожитель оскорбления и т.д.

Интересное цветовое сочетание в пограничье между западными и восточными тэнгриями (т.е. небесными божествами) продемонстрировано в бурятском эпосе «Абай Гэсэр». В нем живописуется о *Сэгээн-Сэбдэг-тэнгри* и его жене *Сэсэн Ууган* и дочери *Сэсэг-Ногоон*, живущих на границе противостоящих тэнгриев. Они представлены не в белом и не черном, а в беловато-сером (*сэгээн*) и зеленом (*ногоон*) цветах. Следовательно, их намерения изначально заданы индифферентными как к добрым, так и к недобрым делам, т.е. нейтральными (*сэбдэг*) [2, с. 16].

Пять из шести основных цветов также органично вписаны в буддийский астрологический календарь (*литэ*), который играл в прошлом и продолжает сейчас играть важнейшую роль в жизненных процессах монгольских этносов. Такое «пятицветие» литэ объясняется тем, что этот 60-летний (т.е. *рабжун*) календарь подразделен как раз на пять животных циклов, в каждом из которых строго определенная природная стихия имеет соответствующий цвет: железо – белый, огонь – красный, земля – желтый, вода – черный, дерево – синий. Правда, последняя (пятая) стихия в зависимости от временных циклов варьируется в границах цветового «раздвоения» и может быть представлена, наряду с синим, и в зеленом цвете. Но при этом надо иметь в виду, что вышеуказанные цвета в силу астрологических особенностей года обычно отличаются либо ярко, либо слабо выраженным характером: белый – беловатый (*сагаагшан*); красный – красноватый (*улаагшан*); желтый – желтоватый (*шарагшан*); черный – черноватый (*харагшан*); синий – синеватый (*хүхэгшэн*) или зеленый – зеленоватый (*ногоогшон*). Следовательно, если говорить по существу, в данном календаре реальное применение находят все шесть основных цветов.

Цветами из этого же ряда окрашены шестиуровневые миры, озвучиваемые в виде традиционного благопожелания в известной буддийской мантре, почитаемой в любых слоях монгольских этносов: *ОМ МА НИ ПАД МЕ ХУМ*. Иначе говоря, каждый

из шести звуковых компонентов (фонетических слогов) в структуре мантры, соответствуя определенному уровню в градации миров, наделен конкретной, в т.ч. повторяющейся, цветовой характеристикой. Поэтому ее цвето-семантическая дешифровка означает: *ОМ* – белый – мир 33 небожителей; *МА* – синий – мир асуров; *НИ* – белый – мир людей; *ПАД* – желтый – мир животных; *МЕ* – красный – мир духов; *ХУМ* – зеленый – мир ада [3, с. 465].

Важную роль в геопространственных связях и коммуникациях у монгольских этносов также играет цветовая ориентация. Она весьма значима в буддийской цветовой геосимволике. «Напомним: север – зеленый, юг – желтый, восток – голубой, запад – красный, центр – белый (заметьте, что здесь отсутствует черный цвет). Этот спектр используется в буддийской иконографии, особенно он важен в иконах типа мандалы, где изображается буддийская вселенная и каждая из ее частей окрашивается в полагающийся ей по канону цвет» [4, с. 156].

И все же в традиционном монгольском мировосприятии по-особому важное, можно сказать, приоритетное место отдается таким цветам, как белый и черный. Причем однозначно можно утверждать о первичной бинарной оппозиции «белое – черное». «Первой бинарной оппозицией в цветовой символике по натурфилософскому воззрению монголов является “черное – белое”. Бинарная оппозиция “черный – белый” есть абсолютное выражение всех промежуточных темных и светлых цветов, которое становится первоисточником оппозиции символик натуралистических, философских, этических, религиозных и этнических. Она, в своем роде, является “точкой опоры” цветовой символики» [5, с. 18].

В этой связи, если обратиться к эпосу западных бурят «Абай Гэсэр Богдо-хаан» [6, с. 17–25], то нетрудно обнаружить мифологическое олицетворение через антропоморфное отображение природных стихий, основанных как раз на оппозиции белого и черного цветов как особых форм взаимосцепления и взаимоотторжения Солнца и Луны, дня и ночи, света и тьмы. Здесь по существу очеловечены и противопоставлены друг к другу эти небесные тела как две извечно противоборствующие в истории общества и культуры этические ценности – добро и зло. Добро воплощено в белом цвете – знаке солнечного света и светлого дня, который выступает аллегорией чистых, честных и благородных намерений и поступков. А зло как противовес этому предстает в черном цвете и символизирует ночь, благоприятствующую осуществлению недобрых и нечистых намерений, темных и греховных деяний.

Особое положение белого цвета в монгольской культуре складывалось на протяжении многих веков. Невероятно емкая и богатая физическая природа этого цвета, его первозданная чистота и притягательность позволили ему подняться до уровня сакрального символа, способного пронизывать самые многообразные сферы жизни монгольских этносов. Потому он у монголов вполне правомерно признается первым и главным в палитре цветов, это «мать-цвет», именно от него проистекают остальные цвета [7, с. 5]. «Матерью цветов считался белый цвет, потому что он в сочетании с остальными цветами дает новые тона...» [8, с. 95].

В шаманской мифологии монгольских этносов белый цвет (*цагаан, сагаан*), как уже показано выше, находит свое олицетворение в западных тэнгриях (небесных божествах). При этом «символика белого цвета как знака солнечного света, светлого дня и цветового кода западных пятидесяти пяти тэнгриев четко отражена в монгольском фольклоре и литературе. “Белая юрта величиной с океан” в урянхайском эпосе, “шестнадцатистенная белая, как раковина, юрта” в байтском, дербетском эпосах, “отцовская и материнская белая юрта” в халхаском эпосе или “яшмово-белая юрта”

хана водяных духов в волшебных сказках, все они выражают богатство и пышность их хозяев» [5, с. 21]. Согласно преданию, дошедшему до наших дней, именно белая юрта с золотой дверной рамой вместе с западными землями Монгольской империи была подарена Чингисханом внуку Бату в качестве части отцовского наследства (после смерти Джучи – отца Бату).

В монгольской мифологии белый цвет выступает символом великодушия и благоденствия. «В цветовой символике белый цвет у бурят, как и у других монголоязычных народов, всегда был связан с понятием добра, счастья, благополучия, правдивости, чистоты и благородства» [9, с. 210].

В русле исследуемого аспекта авторами ранее отмечалось: «Например, в бурятском языке слово “белый” во множестве смысловых оттенков имеет и такие, что свойственны только данному языку и культуре. В традиционном менталитете бурят белый цвет ассоциируется, прежде всего, с наступлением Нового года по восточному (лунному) календарю, т.е. с празднованием “Белого месяца” (“*Сагаалган*”, “*Сагаан һара*”), с проведением религиозно-культурных (буддийского и шаманского) ритуалов, связанных с процедурами вознесения (“брызгания” молоком и молочной водкой) богу и местным природным духам, а также преподношения гостям белой (молочной) пищи (“*сагаан эдеэ*”). В числе благопожеланий в связи с наступлением «Белого месяца», т.е. Нового года, также непременно участвует слово “белый”, причем оно имеет значение прилагательных “светлый”, “добрый” (к примеру, пожелания “белого пути”, “белой дороги”, “белой души”, “белых мыслей”, “белых помыслов” и т.д.)» [10, с. 180–181]. Кстати, во времена Чигисхана в первый день Цагаан сара все придворные великого хана в обязательном порядке надевали белую одежду.

В шаманском пантеоне божеств монгольских этносов по-особому почитается образ Белого старца (*Цагаан өвгэн*, *Сагаан үбгэн*). Он в традиционном мировосприятии монголов предстает как «хозяин хозяев» земли, как покровитель добра, благосостояния и плодородия. С приходом буддизма на монгольские земли этот образ не только не отчуждается, но, напротив, органично вписывается в ламаистский пантеон канонизированных божеств. В результате Белый старец становится в равной мере почитаемым как у шаманистов, так и у буддистов в монгольском этническом мире.

В волшебных сказках западных бурят один из любимых образов всегда символизирует защитника обездоленных, униженных и гонимых, борца за справедливость, за честь и достоинство простых людей. Эту миссию суждено было как раз выполнить Белому старцу, точнее говоря, белоголовому (белобородому) старцу с березовой тростью (*Сагаан толгойтой*, *сагаан һахалтай*, *хуһан һорьботой үбгэн*). В данном образе березовая трость выступает его неизменным атрибутом. Здесь налицо устойчивость связи со сказочной символикой белого цвета: березовый – значит белый. Более того, белый цвет как внешний признак обретает глубинный смысл: белая (березовая) трость в руках белого старца становится волшебной, способной творить всегда добрые дела.

Но семантика белого цвета в этом образе имеет и другое глубинное измерение. Белый старец олицетворяет собой особую силу мудрости. Это в то же время высший знак человеческого долголетия. И вовсе не случайно, что до сих пор буряты (равно как и другие монголоязычные этносы) глубоко и трепетно чтут одну старинную народную традицию: произносить устами мудрого старца старшему по роду благопожелание (*юрөөл*) новорожденному: «Будь (доживи) подобно нам белоголовым (*манаадли шимэ сагаан толгойтой болооройш*)». Но смысл такого юрөөла заключен не только в пожелании долголетия. В нем, пожалуй, в большей степени выражено

благословение быть (стать) мудрым, прозорливым и справедливым. Таким образом, белый цвет здесь служит необходимым средством для символизации не только долголетия, но и мудрости.

В буддийском пантеоне богиней, воплощающей долголетие, является *Сагаан Дари Эхэ* (мать-богиня Белая Тара). Поэтому она всегда изображена в белом цвете. И обращение к ней закономерно сопровождается произношением традиционной мантры: *Ом Дари Дуддари Дари Мама Аюр Буня Дзаяна Буштим Гуру Е Суха*.

Белый цвет являлся определяющим, причем всегда позитивным, кодом в многообразной цветовой гамме, представляющей пестрый животный мир монгольских земель. Это нашло непосредственное отражение и в эпосе, мифологии. Так, в бурятской (унгинской) версии «Гэсэра» небесная дева *Наран Гоохон* (буквально – солнечная красавица) вылечивается благодаря приложению к ее груди и спине белого жаворонка. Известно также о высоком преклонении и почитании белой лебеди в традиционной культуре бурят. Согласно генеалогическим преданиям хори-бурят, белая лебедь становится женой охотника *Хоридоя*, ставшего прародителем 11 хоринских родов.

Еще в эпоху Чингисхана у монголов высоко ценились животные белой масти, особенно лошади и верблюды. Их дарение друг другу на уровне различных родов и семейств, в кругу придворных и приближенных великого хана рассматривалось как преподношение статусных живых подарков, которым тогда придавалось сакрально-символическое значение. Известно также о дани «девяти белых», состоявшей из одного белого верблюда восьми белых лошадей. Эту дань монгольские ханы стали отправлять Цинскому императорскому двору, начиная со второй половины XVII века. Но при этом монгольские послы оттуда привозили солидные от дарки.

Функциональным разнообразием и смысловым богатством насыщено использование в традиционной культуре бурят белого серебра (*сагаан мүнгэн*). «Серебряными кругами – солярными знаками – украшались доспехи воинов, шлемы, панцири, пояса, колчаны. Круглые белые (серебряные) пластины и монеты пришивали на свадебные женские костюмы предбайкальские бурятки. Обилие различных белых талисманов в одежде и украшениях необходимо было, по древним обычаям, для защиты невесты от злых духов, которые могут испортить счастье, навредить новобрачным» [11, с. 20].

Символика белого цвета в культуре монгольских этносов играет самую многообразную роль. При этом его оценочно-ценностное шкалирование варьируется исключительно в границах поля позитивных значений. Белый цвет в традиционном монгольском мировосприятии всегда ассоциируется с символами чистоты и света, добра и благополучия, правдивости и справедливости, святости и благородства и т.д. Вот почему символика белого цвета в монгольской культуре в значительной мере наделена сакрально-смысловым характером.

Символика черного цвета в шаманской мифологии монголов оценивается, как правило, в контексте бинарной оппозиции белого и черного. Имеются в виду, прежде всего, 44 восточных тэнгриев (небесных божеств) с их черными (недобрыми и нечистыми) намерениями, с их способностью на темные и греховные деяния. В них сконцентрированы «все враждебные силы уничтожения, изображаемые черным цветом: черные туманы, черные ветры, черные дожди, черная мгла с семидесятью завесами, или же “черная мгла холода”, в которой раздаются дьявольские голоса, слышны голоса *биритов* и *ягчи*, символизирует демонические силы смерти. Подтверждение тому, что “черная пыль”, “черные туманы” связаны со смертью, можно видеть в шаманских церемониях и ритуалах» [12, с. 20].

Занимая один из двух полюсов контрарности (естественно, со знаком минус), черный цвет, воплощенный в символике, выступает аналогом всего негативного (злого, темного, жестокого, несчастливого, профанного). Этот цвет на обыденном уровне этнического самосознания монголов в большей степени ассоциируется с символами бедности, безысходности, несчастья и т.д. Потому он в мироощущениях монголов представляется мало или, во всяком случае, не совсем желательным цветом, ибо это в их жизненных ситуациях так или иначе способно привести к отрицательным результатам. Примером такого отношения к нему можно назвать так называемую «черную пищу» (*хар идээ, хара эдээн*), которая нередко символизирует еду простолюдинов, в т.ч. бедных и нищих. «Черная пища» включает в себя черный чай, т.е. не заправленный молоком (*хар цай, хара сай*); «черный суп», т.е. мясной бульон безо всякой заправки (*хар шөл, хара шүлэн*); «черная вода», т.е. простая, обычная вода, подаваемая вместо молочного напитка ввиду отсутствия последнего (*хар ус, хара уһан*); «черная водка», т.е. водка, полученная методом перегонки зерновой барды (*хар архи, хара архи*), чем она как раз отличается от «белой водки», получаемой путем перегонки молока (*цагаан архи, сагаан архи*) и больше считающейся обязательной для культовых обрядов.

Следует отметить и такой характерный момент: сам шаманизм как исторически первая религия монголов также подвергся цветовой классификации, получив свою «нишу» цвета под названием «черная вера» (*хар шашин, хара шажан*). В этой связи нужно сказать, что черный цвет в границах бинарной оппозиции «белое – черное» стал одним из цветовых характеристик в социальной терминологии, отражающей стратификационный (двухуровневый) характер традиционного монгольского общества. Термином «белая кость» (*цагаан яс, сагаан яһан*) обозначается родовая и племенная знать, тогда как под понятием «черная кость» (*хар яс, хара яһан*) подразумеваются исключительно простые араты, «чернь».

Черный цвет, несущий в монгольской истории цветовую картину, как правило, отрицательной коннотации, в то же время способен в определенной степени отодвинуть на задний план саму эту коннотацию там, где он символизирует несокрушимую силу и мощь. В этих случаях на первый план выдвигается символическая идея величия и несокрушимости, связанная как раз с данным цветом. Таковым можно считать «черное знамя» (*хар сүлд*) – одно из воинских знамен Чингисхана и его преемников, которое воспринималось как истинное воплощение непревзойденной мощи и силы духа его обладателей. Иными словами, негативная коннотация «черного знамени» Чингисхана, предопределенная именно его черным цветом, вытесняется идеей его объединяющей силы и одухотворяющей мощи, воспринимаемой в той исторической среде монголов как нечто совершенно необходимое и позитивное. Кроме того, черный цвет как признак, как предикат может использоваться в качестве естественной дескрипции для усиления функциональных характеристик тех или иных природных явлений. Это происходит в тех случаях, когда речь, например, заходит не просто о метели, а о страшной метели (*хар шуурга, хара шуурган*), не просто о морозе, а о страшном морозе (*хар хүйтен, хара хүйтэн*).

Трансформированную семантику черного цвета с точки зрения современного цветовидения могут представить исторические топонимы Монголии. Так, столица созданного Чингисханом великого государства называлась *Харахорин* (Каракорум), что в переводе означает черную крепость (или ставку). Но все же большинство исследователей, в т.ч. автор данной статьи, склонно считать, что более точное ее определение вероятнее всего заложено в фокусе такого названия: Северная столица (ставка).

Ведь, строго говоря, монгольская империя была создана еще в добуддийскую эпоху, т.е. во времена, когда на монгольских землях господствовал шаманизм. А в шаманской цветовой картине мира черный цвет ассоциировался не только с восточным направлением, но и с северной стороной.

Таким образом, символика черного цвета в культуре и истории монгольских этносов также предписана немаловажная роль. При этом она функционально и семантически не всегда и не во всем строго связана с негативной коннотацией. Поле значений этой символики сложнее и шире.

Символика желтого цвета в традиционном монгольском мировосприятии играет значительную роль. Ей присуща не только насыщенная от самой природы яркая, неповторимая колористика, но и по-особому притягательная сила. Этому цвету и в оптическом восприятии, и в понятийном осмыслении в монгольской традиции издревле придается высокая степень идеализации. Совершенство и сила притяжения желтого цвета в представлениях и понятиях монгольских этносов детерминированы двуединым природным качеством, имеющим органичную цветовую связь с Солнцем (солнечными лучами) и золотом. Иными словами, этот цвет, глубоко почитаемый в монгольской культуре, являет собой особый синтез: золото как застывший солнечный свет или солнечный свет, переливающийся золотом.

В этом отношении весьма символичным представляется выдающееся произведение монгольской историографии XVII столетия, где в летописной форме изложена большая часть «Секретной истории монголов», созданной в 1240 г. и сохранившейся в транскрипции китайских иероглифов. Так вот это сочинение известного ученого ламы Лубсана Данзана называется «Алтан тобчи», т.е. «Золотое сказание». Там же актуализирован желтый цвет.

Примечательным здесь представляется рождение предка Чингисхана Бодоначара. В процесс его зачатия желтый цвет проявляется в трех разновидностях: в человеке-посланце неба, зверином образе и в виде яркого (сияющего) света. Устами его матери Алун-гоа (Алан гоо) это озвучено Лубсаном Данзаном так (в современном переводе): «И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез *өрхө* (дымовое отверстие – В.А.) посланец Неба нисходил, вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья (три сына, рожденные Алун-гоа после смерти мужа, – В.А.) – Небесного Владыки сыновья» [13, с. 14].

Всё под знаком золота как высшей ценности, как начала начал дано описание в «Алтан тобчи» «золотого рода» Чингисхана и ханских наследников: золотом отблескивающий солнечный луч, проникающий из небес в дымовое отверстие юрты; золотистый пучок волос на голове новорожденного Тэмуджина (будущего Чингисхана); его золотой лук, золотой шлем и золотой щит. Даже рождение внука Чингисхана связано с тем, что три золотые мошки вылетают из подаренного Манчжуши-ламой золотого ларца и проникают через ноздри одной из невесток великого хана в ее золотую трубу [14, с. 223].

Без соприкосновения золотого и серебряного начал в космогоническом мифе западных бурят не обходится и появление первой четы людей на земле. Это происходит благодаря спонтанной встрече «отцовского серебряного столба» (*баабайн мунгэн бахана*) и «материнского золотого чрева» (*эхэйн алтан умай*) во время их плавания в первичном океане [15, с. 21]. Небезынтересно также подметить, что в монгольской

мифологии повествуется история о том, как мифическая птица достает из глубин океана «желтую золотую землю», которая становится основой всей природы. Связь золота с центрами мифологических космологий очевидна и в других примерах: «*Алтан гадас*» – золотой кол, что обозначает Полярную звезду и одновременно святую коновязь Чингисхана; «*Алтан Сүмбэр уул*» – золотая гора *Сүмбэр* (Сумер, санскр. Меру), центр буддийской космологии. Золотому желтому цвету одно из ключевых мест отведено в калмыцком эпосе «Джангар». Так, главному эпическому герою *Джангару Богдо* – властелину мира – принадлежит золотой желтый дворец, он владеет золотистым желтым знаменем. Но под всеми этими «принадлежностями» подразумевается всесильное солнце. «Если знамя лежало в чехле – нашему солнцу было равно. Если же было обнажено пестро-желтое полотно – семь светил затмевало оно» [16, с. 111].

Символика желтого цвета выполняет важную функцию в традиционной монгольской астрологии. Данная символика неразрывно связана с мотивом сотворения мира. Это объясняется тем, что Земля в монгольском космогенезе изначально сотворена из «горсти золотистой желтой земли». Поэтому символика желтого цвета выступает метонимией земли и значима в монгольской астрологии именно как «желтая астрология». Благодаря этой метонимии символика желтого цвета трансформируется в аллегория мудрости, разума, знания и книг.

В культуре и быту монголов всегда уделяется большое внимание многовековой традиции дарения *хадаков* (шелковых шарфов различных цветов) в различных торжественных случаях: праздники, дни рождения, юбилеи, свадьбы и т.д. Хадаки желтого цвета как символы благочестия чаще всего дарятся во время религиозных церемоний (буддийских обрядов). И это вполне понятно, если иметь в виду, что ламаизм традиционно называют желтой верой (*шар шашин*, *шара шажан*). Ведущая роль желтого цвета в палитре красок особенно характерна для буддийской школы *гелугпа*, где желтые шапки лам, относящихся к ней, являлись отличительным цветовым атрибутом. Недаром эта школа называлась желтошапочной. Причем различные виды и формы желтых шапок служили знаками отличия в ранговом положении служителей-лам. Однако не только желтые шапки выступали особым цветовым признаком в ламаизме. Желтым цветом, например, были «окрашены» награды как признание заслуг *хутухт* (лам, считавшихся святыми) и *хубилганов* (лам-перерожденцев) при цинском императорском дворе: «...дозволение иметь желтые поводья у верховой лошади; пожалование желтой телеги для езды; дозволение ездить в желтых носилках; пожалование желтого пояса на юрту, в которой обыкновенно живет хубилган; наконец пожалование желтой ограда вокруг всего двора хубилгана» [17, с. 271]. Кстати, цветовой фактор также играл немаловажную роль в поиске хубилганов-перерожденцев *богдо-гэгэнов* – духовных и светских правителей старой Монголии. Их традиционно искали и находили в Тибете. И в число обязательных признаков перерожденца входило сходство кожи на ногах мальчика с шелковисто-желтой шкурой тигра [18, с. 106-107].

Таким образом, желтый цвет в традиционной культуре монгольских этносов предстает в роли универсального символа вещей и явлений, возвышенного до космического уровня. В мироощущениях и представлениях монголов символика желтого цвета, испокон веков неся в себе глубоко позитивную коннотацию, ассоциируется всегда с тем, что олицетворяет собой высшую ценность природы и человеческой жизни.

Символика синего цвета в традиционной культуре монголов наделена фундаментальным значением. Синий цвет символизирует всегда чистоту, верность, доброту и благородство. Но главное, заложенное в нем, – это знак вечности, т.е. того, что неизменно и всесильно во все времена. Его никогда нескончаемым высшим источником

для монголов является «Вечное Синее Небо». Это сама божественная субстанция, выступающая в качестве прародителя родов монгольских этносов, великая божественная сила, давшая родословную монгольских ханов. И здесь вполне корректной и понятной представляется лингвоэтимологическая версия о том, что понятия «небо» и «синее» в монгольских языках когда-то обозначались одним словом «хөх», что означает синий (голубой) цвет [19, р. 68–69].

Вневременная сущность вечного неба как великой субстанции, что не имеет ни начала, ни конца, заключена именно в его синем цвете. Этот цвет издревле натурализован как раз в синих ленточках и хадаках, постоянно используемых монголами в обрядовой (шаманской и буддийской) практике, а также в повседневной жизни. Но в историческом плане важнее всего было бы отметить то, что великую силу «Вечного Синего Неба» монголы с древних времен считали источником незаурядной и неиссякаемой духовной энергии в образовании своего суперэтноса (монгольской империи). Потому-то синий цвет был превращен в концентрированное целое, символизирующее неразрывное единство духовного, политического, государственного и культурного начал. Это подтверждалось самим историческим фактом: осенью Года красного тигра (1206), когда Чингисхана возвели на высший трон великого монгольского государства, империя была провозглашена «Наивысшей Синей Монголией» и такое название получила силу официального закона именно в «Синих книгах» с помощью такой же «синей письменности».

В шаманской символике бурят синий (голубой) цвет является знаком всевышнего – «Вечного Синего Неба» (*Хүхэ Мүнхэ Тэнгэри*). Оно воплощает в себе истинную силу мужского начала. Это высшее небесное начало, совокупившись с другой высшей силой, выражающей божественное женское начало – *Улгэн Дэлхэй Эхэ* (Необъятная Мать-Земля), становится истоком жизни на Земле. Они выступают первопредками всего живого на нашей планете.

Непосредственно к синему небу восходит главный тотем некоторых бурятских племен – булагатов и хонгодоров. Им является небесный синий бык – *Буха Ноён Баабай*, сын небесного божества *Эсэгэ Малаан Тэнгэри*. «Буха-ноён – бесспорно образ посланца Неба (*буумал*), который может мыслиться как олицетворение производительной силы Неба» [20, с. 62]. Другое бурятское племя – хори-буряты – также связано с Небом благодаря своей прародительнице Лебеди (*Хун шубуун*). Согласно мифу об этой прародительнице, прекрасные небесные лебеди спустились на берег голубого Байкала и превращались в красивых девушек. Однажды молодой охотник *Хоридой*, сын *Бурядая*, наблюдая за ними, похитил одежду (крылья) одной приглянувшейся из них, затем женился на ней. Девушка родила ему одиннадцать сыновей – родоначальников хоринских родов. Из голубой водной стихии вышло и такое бурятское племя как эхириты. Это племя считает своим прародителем пеструю рыбу *Налим (Эрезн Гутаар)*, выплывшую из береговой расщелины Байкала. Следовательно, синий (голубой) цвет составляет ту субстанциальную основу, которой опосредованно задается начало жизни вышеуказанных племен.

Символика красного цвета в традиционном монгольском мировосприятии семантически связана с понятиями радости, полноты жизни, красоты и богатства. С древнейших времен этот цвет монголами почитается как священный соляренный знак. Ведь солнце является главным источником огня, света и тепла, дающим людям жизнь. Особая жизненная энергетика, сконцентрированная и определяемая этим природным светилом, находит отображение в семиотике красного цвета. Потому испокон веков у монголов считается, что солнце является естественным первопредком монгольских этносов.

Будучи красным огненным шаром космического масштаба, оно наряду с желто-золотистым цветом воспринимается как цветовой аналог пульсирующей крови, способной возродить жизнь. «Ассоциация огня со цветом крови составляет символический этикет эпических сказочных героев, обладающих здоровьем и силой юности. ... Главные герои монгольских сказок, воскрешающие своим колдовством мертвых, закликают: “Будь темно-красным стариком, живее прежнего, сильнее, чем когда-либо”. Это заклинание свидетельствует о том, что красный цвет связан с жизненной активностью и подразумевает животворящую силу жизни. Все главные и второстепенные герои эпосов монгольского народа изображены “красноликими, устрашающими тысячи людей” и названы “сумасшедшими” (*галзуу*). Здесь видна реализация метафорической символизации красного огня» [12, с. 24].

В эпосе монгольских кочевников понятие «красный» (*улаан*) традиционно ассоциируется с культом, посвященным огню. Сила красного огня, по представлениям бурят и других монгольских этносов, выполняет функцию очищения. Красный цвет всегда придает вещам особую красоту. Красные камни – коралл, рубин – обычно служили для бурят (как, впрочем, и для всех остальных монголоязычных народов) излюбленными материалами (компонентами) для изготовления украшений: сережек, перстней, браслетов, колец, ладанок, ножей, огнив и трубок. Красные шелковые кисти и *дэнзэ* (специальные украшения красного цвета), как правило, венчали наверхие головных уборов. Красный цвет был значимым и для повседневной жизни монголов, он использовался в утилитарных целях (посуда и другие изделия из красной меди).

Красному цвету у монголов принято издавна приписывать целительные свойства. Считалось, что этот цвет способен противостоять черной зависти, сглазу, порче и вообще всяким колдовским «чарам». От нечистой силы и дурного глаза использовались красные нити, красные ткани, кораллы. Их обычно привязывали к ручкам детей. Тем самым они приучались к этому цвету как к защитному средству от злых духов. Женщинам также полагалось обвязывать кисти рук красной ниткой как оберегом от всего плохого.

Символика зеленого цвета в традиционном монгольском мировосприятии значима с древнейших времен. Известно, что в монгольской шаманской «триаде зеленых в мире» под ними подразумевались три разновидности вечно зеленых растений: можжевельник, эфедра, кедр. А в традиции бурят цветение березы весной вместе с прилетом лебедей становится главным сигналом для проведения церемоний посвящений-инициаций. Зеленый цвет считается «цветом всей земли» в дархат-монгольском шаманизме. Поэтому в обрядах, посвященных жертвоприношениям духам, *дархатами* (монгольским племенем, чье название означает «искусные мастера», «кузнецы») в обязательном порядке используются такие вечнозеленые деревья как сосна и кедр.

Необычайно интересной представляется монгольская традиция летоисчисления, связанная с цветением трав. Согласно этому обычаю, временной интервал между старым цветением и новым равнозначен одному году. Отсюда суждение «с того момента прошло несколько цветений трав» означает, что истекло столько же лет. Эта традиция известна еще с XIII столетия, т.е. со времен Чингисхана. Здесь каждое новое цветение трав, как желанное «покрывало из зеленого шелка», являлось аллегорией обновленной земли.

«В монгольских сказках, легендах, преданиях есть аллегорический персонаж – “девушка в *дали* (женском одеянии) из зеленого шелка”, которая становится или матерью для сироты, или женой холостому герою, воскрешает мертвых, делает богатым

бедного, и каждый, кто встретит ее, получает радость и веру в будущую благополучную жизнь. Тут можно полагать, что эта земля как мать и ее способность цветения, трансформировавшаяся в персонаж, который способен воскрешать мертвых и обогащать бедных. А “дэли из зеленого шелка” стало ее символическим атрибутом» [12, с.23].

В буддийской культуре общеизвестна богиня Тара, которая миру является в многоликом образе богини-матери. В пантеоне буддизма насчитывается 21 Тара. Среди них особо почитаемы Белая Тара (по бурятски – *Сагаан Дара Эхэ*) и Зеленая Тара (*Ногоон Дара Эхэ*). Зеленая Тара, восходящая к Великой Богине-Матери, сравнивается с Матерью-Землей (*Улэн Дэлхэй Эхэ*) и изображается именно в зеленом цвете. Она своими заботами и щедротами приносит людям благополучие и процветание.

Таким образом, зеленый цвет у монголов ассоциируется с понятием цветущей земли. Этот цвет воспринимается как знак пробуждения природы, рождения новой жизни. В нем символически реализуется потенциал размножения, роста и неуязвимости, заложенный не только в естественной природе, но и в человеческой жизни. Поэтому зеленый цвет в мироощущениях и представлениях монголов неразрывно связан с такими понятиями как плодородие, материнская щедрость, бескорыстие, счастье и радость.

Итак, символика цвета, как видно из проведенного выше анализа, в традиционном мировосприятии монгольских этносов занимает весьма значимое место. Цвет в нем проявляет себя как содержательно насыщенный, богатый и разнообразный феномен. Будучи органично вплетенным в ткань истории культуры монголов, этот феномен выполняет в ней важнейшую функцию, связанную с процессами символизации не только специфических свойств, но и в целом качественного многообразия мира.

Список литературы

1. Berlin V., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / Berkeley, 1969. 380 p.
2. Абай Гэсэр. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. 315 с.
3. Дандарон Б.Д. Содержание мантры ОМ-МА-НИ-ПАД-МЭ-ХУМ // Труды по востоковедению. Тарту, 1973. Вып.2. Т. 2.
4. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Изд-во «Наука», 1988. 196 с.
5. Дулам Сэндэнжавын. Система символов в монгольском фольклоре и литературе. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. 49 с.
6. Абай Гэсэр Богдо хаан. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 519 с.
7. Туяа М. Цвет в архитектуре Монголии. Улан-Батор, 1980. 180 с.
8. Цултэм Ням-Осорын. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изд-во «Изобразительное искусство», 1986. 232 с.
9. Баранникова Е.В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1978. 254 с.
10. Антонов В.И., Очирова О.А. Межкультурная коммуникация в современном обществе: особенности, проблемы и противоречия // Российская социология: история и современные проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 177-193.
11. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. 225 с.
12. Дулам Сэндэнжавын. Система символов в монгольском фольклоре и литературе. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. 49 с.
13. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М.: Изд-во «Э», 2016. 477 с.

14. Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М.: Изд-во «Наука», 1973. 439 с.
15. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Изд-во «Наука», 1978. 127 с.
16. Джангар. Калмыцкий народный эпос в 2 т. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. Т. 1. 384 с.
17. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи отношениями сего последнего к народу. СПб, 1887. 496 с.
18. Антонов В.И. Символизация в контексте социокультурных процессов // Вест. Моск. ун-та, сер. 18, социология и политология, 1997. № 4. С. 96-112.
19. См.: Bertagaev T.A. On the Etymology of a Color Name in Mongolian // Mongol Studies. Budapest, 1970. P. 68-69.
20. Шадаева А.Т. Некоторые проблемы этнокультурной истории бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. 148 с.

А.Н. Гулевский¹, Н.А. Гулевская², Ю.П. Доронин³

¹*Санкт-Петербургский университет МВД России*

²*Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова
Министерства обороны Российской Федерации*

³*Волгоградская академия МВД России*

ВОЙНЫ БУДУЩЕГО: ВАРИАНТЫ И ПРОГНОЗЫ

В статье анализируются различные контуры будущих войн, представляющих угрозу человечеству. Авторы предполагают, что наиболее распространённым типом войн в ближайшем будущем останутся симметричные, асимметричные войны и их смешанный вариант в виде гибридных войн. В отдалённом будущем эволюция рационализации классической войны приведет к войне роботов, без непосредственного участия людей. Дальнейшее развитие неклассических и постнеклассических войн приведет к разрастанию масштабов внутренних конфликтов, к выводу войны в частную, негосударственную сферу. Их иррационализм, утрата ценностных основ, может привести к постепенному слиянию войны с преступлением. В обоих случаях мы увидим конец того, что прежде считалось войной.

Ключевые слова: война, борьба, сила, насилие, знание, общество, будущее.

A.N. Gulevsky¹, N.A. Gulevskaya², Yu.P. Doronin³

¹*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

²*S.M. Kirov Ministry of Defense of the Russian Federation*

³*Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

WARS OF THE FUTURE: OPTIONS AND PREDICTIONS

The article analyzes the different contours of future wars that pose a threat to humanity. The authors suggest that the most common type of wars in the near future will be symmetrical and asymmetrical wars as well as their mixed version in the form of hybrid wars. In the distant future, the evolution of the rationalization of classical warfare will lead to a robot war without direct human involvement. Further development of non-classical and post-classical wars will lead to the growth of the scale of internal conflicts and to the shift of the war to a private, non-state sphere. The irrationalism of wars and the loss of value foundations can result in a gradual merger of war with crime. In both cases, we will witness the end of what was previously considered a war.

Key words: war, struggle, power, violence, knowledge, society, future.

Война остается постоянным спутником человечества. Какой же будет война будущего? Вопрос, который волнует ученых, политиков, экономистов, военных. К какой войне необходимо готовиться и что предпринимать в связи с этим.

Рассуждения о войне, как правило, заиклены на прошлом. Анализ прошлых войн и выводы о причинах побед и поражений позволяют аналитикам приобщиться к достижениям великих полководцев или стать их критиками, однако явно недостаточны для понимания перспектив будущей войны.

Однако если принять положение о том, что будущее, по крайней мере ближайшее складывается из того, что происходит в настоящем, то некоторые прогнозы и варианты их реализации возможно представить.

Рассуждая о будущем войн, многие исследователи исходят из тезиса о так называемом «ядерном тупике», который превращает любую попытку начать войну с ядерной державой в обоюдное убийство без каких-либо шансов на победу. Тем не менее военные

и политические лидеры стремились найти выход и даже изобретали способ ведения ядерной войны с возможностью выигрыша. Примерами вариантов ведения такой войны является идея «обезглавливающего удара», способного моментально уничтожить тех, кто принимает решение о нанесении ядерного удара. Другая идея связана с так называемым «обезоруживающим ударом», цель которого в уничтожении ядерного оружия противника до того, как оно будет им использовано. Третья идея состоит в создании так называемого «щита» или «зонта», способного защитить от ядерного оружия посредством перехвата тяжелых баллистических ракет более легкими противоракетами.

Какими безумными ни казались такие планы будущей войны, они действительно есть, как есть информация о строительстве бомбоубежищ, оборудованных на случай ядерной войны в некоторых городах США. Подобный сценарий является реализацией ядерной войны, которая представляет симметричный тип военных действий.

Усилия дипломатии, направленные на уменьшение числа ядерных боеголовок и их носителей, казалось, подтверждают желание сторон разрядить ядерную гонку вооружений и уйти в будущем от «ядерного апокалипсиса», однако более глубокие исследования показывают, что ослабление ядерных сил сдерживания дает надежду на реализацию вышеизложенных идей. Таким образом, снова срабатывает ранее описанный принцип воздействия силы на слабость.

Большинство военных специалистов и ученых оценивают негативно перспективы ядерной войны. «Очевиднейшая истина», – говорят они, – состоит в том, «что ядерное оружие является орудием массового убийства... единственное, для чего оно годится, – это для бойни... оно не может быть использовано для ведения войны» [1, с. 31]. Ядерные войны оказались «задвинуты в дальний угол международной системы» [1, с. 33]. По утверждению М. Кревельда, «после 1945 года во всем мире произошло 160 вооруженных конфликтов... примерно три четверти относятся к числу так называемых «конфликтов низкой интенсивности» [1, с. 46]. К таким конфликтам относят войны, участниками которых являются гражданские лица в лице различных повстанческих, партизанских или террористических организаций. М. Кревельд считает такие войны наиболее состоятельными, так как не требуют использования ядерного оружия, но вполне эффективно решают задачи по принуждению воли противника. В качестве аргументов он приводит войны за освобождение от колониальной зависимости стран «третьего мира», войну США во Вьетнаме, СССР в Афганистане, где регулярные силы потерпели ряд неудач в борьбе с иррегулярными силами. Во всех этих войнах сильным регулярным частям оказывали сопротивление слабые иррегулярные силы, противопоставляющие силе – слабость, натиску – уклонение, открытому бою – засаду и т.д. Такой конфликт относят к типу асимметричных. Именно конфликты низкой интенсивности, по мнению М. Кревельда, стали конфликтами настоящего, а их развитие продолжится и в будущем.

С таким подходом трудно не согласиться, так как он подтверждается событиями конца 20-го и начала 21-го века, принесшими немало трагических событий, связанных с деятельностью международного терроризма. Россия, начиная с 1994 года, вела длительную и кровопролитную борьбу с терроризмом на своей территории, которая велась при поддержке США и Великобритании, финансировавших и снабжавших терроризм на Северном Кавказе.

Иной подход выразил американский ученый Э. Тоффлер. Он выдвинул тезис о новой концепции войны обществ Третьей волны. Главная ее идея в том, чтобы от грубой военной силы перейти к «войне умственной силы» [2, с. 35]. По сути, речь шла о войне, так называемой цивилизации Третьей волны, которая приходит на смену войне цивилизации

Второй волны. Ключевыми элементами такой войны является приоритет времени над пространством, качества над количеством, сверхмобильности над медлительностью, знания над сырьем (нематериальные ценности над материальными). Все это достиглось благодаря внедрению достижений новых информационных технологий в вооруженные силы. Главная цель – уничтожение командных пунктов, средств связи и разведки противника, то есть дезорганизация нервной системы армии противника. При этом собственные войска должны обладать мощнейшей разведкой, средствами связи и новой системой управления.

Новая концепция классической войны основана на сетцентрическом управлении боевыми действиями, когда вооруженные силы утрачивают управление сверху. Самостоятельность боевых командиров требует от них высокого уровня образования, «докторов наук с вещмешками». Благодаря достижениям информационной цивилизации оружие будет очень точным, позволяя уничтожить цель одним боеприпасом, но использовать такое оружие могут образованные солдаты. Важным шагом становится появление беспилотных управляемых дистанционно систем вооружения и боевых роботов, способных участвовать в разведке и разминировании территории. Развитая электронная инфраструктура позволяет создать самую большую мобилизацию в истории.

Новая доктрина войны информационной цивилизации была применена в войне США в Ираке, в которой, по мнению Э. Тоффлера, американцы продемонстрировали способность быстро и эффективно побеждать армии противника, старого типа. Новая армия Третьей волны позволяет эффективно бороться с регулярными частями Второй волны, не обладающих ядерным оружием, но насколько она эффективна в борьбе с иррегулярными силами? Э. Тоффлер полагает, что армия Третьей волны способна побеждать повстанцев и террористов. Здесь Э. Тоффлер уповает на силы специального назначения, которые также мобильны, как отряды повстанцев, но гораздо лучше подготовлены и вооружены, способны действовать как точное оружие – «сдерживать малые войны», «участвовать в антитеррористических операциях» [2, с. 142, 151].

Что касается рисков войны с ядерными державами, то здесь, по мнению американского философа, особую роль сыграют современные системы космической, авиационной, радиолокационной разведки и взаимодействующие с ними системы противоракетной обороны, которые благодаря достижениям информационной цивилизации обладают точностью и быстротой для перехвата баллистических ракет.

Оценивая подход Э. Тоффлера, следует признать, что армия эпохи информационной цивилизации (Третьей волны) действительно обладает весьма впечатляющим потенциалом. Ее сильной стороной является разведка, система связи и управления войсками, численность и качество сверхточных и беспилотных систем вооружения. Большинство регулярных армий мира индустриального типа уступят интеллектуальной мощи цифрового разума, внедренного в армию людей.

Однако в борьбе с иррегулярными силами так же, как и армиями, вооруженными ядерным оружием, армия Третьей волны не добилась значительных успехов. За 20 лет войны в Афганистане США так и не смогли добиться победы над Талибаном, после чего вынуждены были отступить, бросив своих союзников на произвол судьбы. Надо признать, однако, что и талибы не одержали чисто военной победы, разгромив американцев, нанеся им существенные потери. За 20 лет пребывания в Афганистане чисто американские потери, по официальным данным, составили 2500 человек погибших, в то время как потери талибов точно неизвестны, но оцениваются по разным данным в 25 000 человек убитых. Конечно, кроме потерь американцев, были потери и среди

других членов НАТО и, разумеется, потери афганских сил, сотрудничавших с США, оцененных в 5000 человек, но даже в общей сумме потери американских и проамериканских сил не выйдут за пределы 8500 человек.

Американцы добились минимальных потерь личного состава, пробыв во враждебной стране весьма длительный срок, заставив своими воздушными силами прятаться талибов в пещерах и домах, бояться выйти открыто с оружием днем на улицу. Тем не менее полной победы над тайным врагом так и не удалось добиться. Скорее, стояние в Афганистане напоминало своего рода ничейную позицию в шахматах, когда сильный противник не смог поставить королю мат, уходит ни с чем. Внезапные налеты, засады и особенно мины все же доставляли проблемы американцам, вынуждая их не покидать территории своих военных баз.

Неклассическая война и ее формы – партизанство и терроризм – остаются слабо достигаемыми для классических войн ввиду асимметрии, поэтому будут актуальными в будущем. В своей монографии Н.Л. Виноградова, И.Л. Пашкевич утверждают: «Терроризм как призрак, везде и нигде, в этом его наибольшая опасность и фактор устрашения (фактор непредсказуемости и неизвестности) террористические акты имеют локальный характер и могут не иметь никакого оглашения или подтверждения» [3, с. 52]. Он в чем-то напоминает «действия монголо-татарской конницы в XI–XII вв.», которые «изначально представляли собой внезапные набеги на различные слабо защищенные области, причем без попыток их дальнейшего удержания, так как конница для этого мало пригодна» [4, с. 161–162].

Исходя из этого, политолог М. Сид-Ахмед считает, что классическая война в своей классической форме стала невозможна и даже абсурдна, поэтому борьба принимает новые формы и терроризм становится продолжением политики насильственными военными средствами. Такой же точки зрения придерживается Е.Ю. Шакирова, полагающая, что «наступила эпоха современных войн, где организованное применение военной силы (военное насилие) теряет свой обязательный статус. В войну активно внедряется фактор «частного», приватного» [5, с. 52].

На сегодняшний день глобальная угроза терроризма сохраняется. Российский исследователь И.С. Синякин в своей монографии пишет, что «наиболее опасным видом терроризма могут стать террористические акты с применением оружия массового уничтожения» [6, с. 5]. Большое внимание А.В. Олейник обращает на коварство, фанатизм и беспощадность террористов.

Военный теоретик русского зарубежья Е. Месснер, еще в 1959 году сделал вывод, что появился новый тип войны – «мятежевойна». Данный вывод он сделал на основании того факта, что современные войны все чаще приобретают черты нетипичной повстанческой, мятежной войны. Е.Э. Месснер предупреждал мир о наступлении эры неклассических войн, всемирного мятежа, безграничного террора. «Терроризм, утверждал автор, изменился в объеме, сути, характере; террористические акты сделались «главнейшими операциями Всемирной «Мятежевойны» [7, с. 44].

Таким образом, в отношении будущего войны существуют две основные полярные точки зрения. Одни исследователи отстаивают приоритет классической (традиционной) войны, другие полагают, что будущее за иррегулярными войнами.

К менее популярным вариантам будущей войны относят упомянутую выше концепцию ядерной войны как неизбежного апокалипсиса, который с библейской истиной наступит в конце концов.

Также существует имеющая своих сторонников теория бесконтактных и не летальных, бескровных войн будущего. Суть бесконтактных войн в том, что урбанистическая цивилизация капитулирует не когда армия разбита, а когда останавливаются водопровод

и канализация, нет электричества или не доступны любимые социальные сети в миллионных городах, когда либеральное сознание «граждан мира», несопричастных судьбе своего Отечества, не отождествляет себя с нацией, ее историей и ее армией. Сторонники бескровных войн полагают, что в будущем появится специальная техника, которая сможет оказывать влияние на психическую деятельность людей, вынуждая их выполнить любые требования без причинения увечий здоровью.

Перспектива ядерного конфликта будет сохраняться, пока существует само ядерное оружие. Наличие внушительных ядерных запасов у стран, обладающих этим оружием, сдерживает ядерную войну, так как, будучи разумными существами, политики не видят возможностей выйти из таких войн победителями. Однако частичное разоружение или нехватка средств на модернизацию старых носителей и боеголовок автоматически приводит к ситуации слабости и силы, которая может привести к ядерному сценарию.

Другой путь, ведущий человечество к гибели, связан с перерастанием традиционной, классической войны в войну ядерную. Такую угрозу мы можем наблюдать в связи с военным конфликтом Украины и России, начавшимся с 2014 года и обострившимся в 2021 году в связи с непрекращающимися обстрелами Донецкой и Луганской республик и угрозой их военного захвата с последующим геноцидом местного населения. Несмотря на отсутствие прямого конфликта с НАТО, никто из сторон этой прокси войны не желает уступить, в результате чего усилия сторон возрастают с каждым месяцем, угрожая перерасти в открытое столкновение и как результат ядерную войну. В данном случае каждая из сторон воспринимает результат как экзистенциально значимый для своего будущего. В этой связи война становится катализатором ослабления экономики, и победа видится не в чисто военной области, но в изматывании сторон внутренне с переходом к неклассическим сценариям смены власти у побежденных.

Бесконтактные войны также имеют определенные перспективы, но не как самостоятельные существующие, а скорее в купе с контактными. Контактному столкновению будет отведена завершающая роль, после разгрома материально-экономического базиса государства.

Перспективы бескровных войн сомнительны в связи с тем, что войны по определению представляют вооруженную борьбу, а если в будущем можно будет дистанционно управлять мозгом человека, то борьба как противоборство сторон исчезнет, так как попавший под прямое управление не может сопротивляться, он уже захвачен, а значит, исчезнет и сама война. Таким образом, наибольшими перспективами обладают варианты классической, неклассической войн и результат их соединения в гибридной войне.

В упомянутом выше конфликте на Украине мы видим, что классические военные действия не вымерли подобно динозаврам, как предупреждали некоторые ученые. Так М. Калдор полагал, что вооруженное насилие в современности является «анахронизмом» [8, с. 71]. Другие, как Д. Барно, полагают, что войны будущего будут иметь форму «теневых конфликтов», которые будут вести анонимные вооруженные силы, «воины в масках», не имеющие национальных признаков [9, с.158].

Как уже было сказано, классическая война получила толчок для развития, благодаря открытиям в области информационных технологий, сделав оружие индустриальной промышленности умным. Информационная цивилизация еще не исчерпала всех своих возможностей и позволит далее совершенствовать военное дело. Мы можем наблюдать, как Россия переделывает свои старые бомбы в точное и управляемое оружие, присоединяя к ним специальное оборудование, позволяющее бомбе маневрировать и точно заходить на цель. Мы видим, как растет роль беспилотных летательных

аппаратов разведывательного и ударного типов. Большую роль играет дальнобойная артиллерия с управляемыми снарядами. Противотанковые ракеты, работающие по принципу «выстрелил и забыл», вынудили пересмотреть классическую концепцию применения массовых прорывов танков. Вообще массированное использование войск стало маловероятным в условиях применения высокоточных боеприпасов различных типов.

Точно так же, как автоматизированное производство постепенно приводит к сокращению численности рабочих, автоматизированное оружие сокращает численность людей в вооруженных силах. Судя по всему, такая тенденция будет продолжаться и в будущем. Развитие знаний в области создания процессоров и электронного оборудования будет делать оружие более независимым, что приведет к войнам машин, с минимальным участием человека.

Не меньшим потенциалом обладает неклассическая война с ее постнеклассическим продолжением в виде гибридной войны.

Достижения в области информационных технологий сыграли в этом не менее важную роль. Интернет позволил сделать войну доступной каждому и перенести страх с экранов мобильных устройств в разум и сердце каждого. Если классическая война в большей степени занимается физическим уничтожением противной стороны, то иррегулярная война воздействует на разум и духовный мир противника. Порядку и силе регулярной армии «иррегуляры» противопоставляют хаос и слабость, доведенную до крайности. Они действуют подобно коррозии, разлагающей медленно сталь. Повстанцы не используют боевые порядки, которые можно изучать и которым можно противопоставить свой порядок. Они атакуют «стаей», подобно толпе кельтов в Древнем мире. Их действия иррациональны, и их трудно предсказать, так как в хаосе нет четкой структуры и связей. Разведка и бой, наступление и оборона смешиваются, и уже трудно отделить одно от другого. По мнению И.М. Попова и М.М. Хамзатова, асимметричный конфликт можно уподобить «столкновению интересов и поведенческих характеристик в конфликтной ситуации мужчин и женщин», в которых регулярные войска уподобляются мужской психике, а иррегулярные силы – женской [10, с. 350]. Иррегулярные силы, в отличие от регулярных, способны вести войну, не соблюдая общепринятых норм, а действуя по своим собственным.

Важным толчком к появлению иррегулярной войны стала тотальная война. «По сути, тотальная война – это концепция подготовки и ведения агрессивной войны с применением любых средств и способов массового уничтожения вооруженных сил и мирного населения противника. В правовом отношении концепция тотальной войны полностью меняла отношение к некомбатантам, они начали рассматриваться в качестве такой же цели, как и комбатанты» [11, с. 163]. Не случайно в 20 веке констатируют рост числа потерь среди мирного населения: «В Первую мировую этот показатель составлял 5%, во Вторую мировую войну – 48%, во время войны в Корее – 84%, во Вьетнаме – 90%, в Чечне – 95%» [12, с. 5–7].

Немецкий философ Э. Юнгер употребляет такое странное, на первый взгляд, но очень точное выражение, как «демократия смерти» [13, с. 452]. Его суть сводится к тому, что на тотальной войне исчезает понятие точный выстрел. Оружие индустриальных государств создает массовых солдат и оружие для поражения масс. Демократия смерти, когда смерть на войне не выбирает только солдат, когда она выбирает всех людей, независимо от профессии, пола и возраста. Демократия войны – это и есть иррегулярная война. Ситуация, при которой у войны исчезает тыл. Война становится чем-то тотальным, чем-то страшным, таким, что приводит в ужас всех, так как от нее нет спасения нигде, и смерть может прилететь неизвестно откуда.

После 1945 года привычная для нашего восприятия война почти исчезает, и на ее смену приходят конфликты низкой интенсивности или, как их еще называют, ассиметричные войны. «Искусство завоевания государств лежит не на полях сражений, а в том, чтобы ослаблять страну экономическими санкциями, спонсировать оппозицию, устанавливая лояльное правительство...» [14, с. 125].

Одним из современных вариантов постнеклассической войны является гибридная война. При этом войну на одной стороне ведут войска, повстанцы, бандиты, стремящиеся политизироваться. Такие войны могут начинаться иррегулярными силами, а затем, когда будет подготовлена благоприятная основа, продолжаться регулярными силами. Основная цель – развалить государство противника и установить контроль, оставив на его месте воюющие банды и раздираемое проблемами население, для получения дешёвого доступа к ресурсам. Немалую роль в таких войнах отводят культурному фактору, когда одна культура стремится вытеснить другую. О таком деструктивном влиянии творческой деятельности писал П.Г. Мартысюк. Он утверждает, что «процесс сотворения новых ценностей сопровождается уничтожением прежних; активизация одной стороны творчества приводит к невозможности реализовать бесконечное множество других» [17, с. 29].

Транснациональные структуры активно проявляют себя как активные силы современных и будущих конфликтов. Среди иррегулярных сил в последнее время выделяются в качестве особой категории частные военные компании (ЧВК), действующие в интересах крупного бизнеса. По сути это бизнес-компании, предоставляющие военные услуги. Социальные силы ведут борьбу с целью расширения своего влияния. Современность характеризуется вторжением транснациональных компаний (крупного бизнеса) в международные отношения, что раньше считалось прерогативой национальных государств. И хотя, как отмечал З. Бжезинский, государства-нации продолжают оставаться основным звеном мировой системы, транснациональные компании (ТНК) активно внедряются в администрации суверенных государств, делая их уже не столько суверенными, сколько зависимыми от воли корпораций. Речь идет не только о так называемой «мягкой силе». ТНК создают частные армии, способные добиваться своих целей вооруженным путем. Крупные экономические корпорации не используют принцип национального суверенитета и конкурируют с государством, часто сливаясь с ним. Если такое слияние происходит, то неясно, в чьих интересах действует государство? В национальных или транснациональных экономических интересах. Если государства используют чаще всего национальные вооруженные силы, то некоторые ТНК организуются как частные армии и могут действовать как в интересах национальных государств, так и в своих собственных. Таким образом, в роли социальных сил сегодня выступают ТНК и государства, ведущие борьбу за рынки сбыта, с конкурентами и государствами. Последние могут сливаться с ТНК или противостоять им и оказывать помощь другим ТНК.

Что же такое современная война? Синтез классической и неклассической войны? Вооруженное насилие является атрибутом войны, поэтому новейшие вооружения и их умелое использование в рамках лучшей стратегии и тактики будут отличительным признаком современной войны. Развитие военной техники было и остается двигателем, меняющим облик войны. Современное оружие применяется как в классических, так и в неклассических конфликтах и заставляет менять весь облик военных действий. Однако «наряду со все ускоряющимся развитием военной техники налицо и совершенно противоположное этому явление – всевозрастающая роль партизанской, или по существу дела, самой примитивной формы ведения войны» [15, с. 353]. По выражению командующего войсками Южного военного округа генерал-полковника А.В. Дворникова, сегодня

«акцент сделан в пользу достижения целей с помощью красиво замаскированных «интегрированных» формирований». «Интегрированные группировки – группировки, создаваемые на базе местных ресурсов по принципу оппозиционного, национального и конфессионального разделения, путем организации в иррегулярные формирования и отряды народного ополчения в виде подразделений, способных к объединению в более крупные формирования при поддержке и руководстве ССО и ЧВК других государств, с привлечением ВС государств, а также иностранных ВВС, ВМС и др. группировок войск (сил), гражданских и неправительственных организаций...» [16, с. 38].

Важнейшей тенденцией современности, уходящей в будущее, является феномен «приватизации войны». Монополия на применение вооруженной силы медленно, но верно уходит из под контроля государства. Децентрализация силы возвращает нас к ситуации феодального Средневековья.

Таким образом, классические и неклассические войны продолжают свое сосуществование. Рационализация классических войн приведет к полному отказу в них от прямого участия человека, то есть к войнам роботов. Оружие, наделенное машинным разумом и лишенное эмоций, станет апогеем эффективности. Иррационализм борьбы за власть в неклассической войне ведет к развалу части государств на более мелкие образования (этнические, религиозные, поселенческие образования). Война все больше будет сливаться с преступлением, пока не будет отвергнута ее участниками, как форма решения конфликтов.

Список литературы

1. Кревельд М. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс. – 2005. – 344 с.
2. Тоффлер Э. Война и антивоина. – М.: АСТ: Транзиткнига. – 2005. – 412 с.
3. Виноградова Н.Л. Терроризм в глобализующемся обществе: социально-философский анализ: монография / Н.Л. Виноградова, И.Л. Пашкевич. – Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ. – 2011. – 132 с.
4. Гулевский А.Н., Гулевкая Н.А., Глущенко Д.В. Терроризм как особая форма войны // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 2 (29) 2014: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России. – 2014. – С.161–166.
5. Шакирова Е.Ю. Новые старые войны // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 3. – С. 50–53.
6. Синякин И.И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: монография. – М.: Норма. – 2012. – 192 с.
7. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь. – 2005. – 696 с.
8. Махнин В.Л. Война как социально-политическое явление: от бинарности до транзитарности // Вестник Академии военных наук. – 2019. № 3. – С. 41–47.
9. Барно Д. Теневые войны XXI века // Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. Составление, введение, заключение Е.С. Ларина, В.С. Овчинский (Серия «Коллекция Изборского клуба») – М.: Книжный мир. – 2015. – С. 158–162.
10. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле. – 2016. – 832 с.
11. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Философский анализ проблемы трансформации войны в правовом измерении // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 2 (17) 2011: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России. – 2011. – С. 161–167.

12. Требин М.П. Войны XXI века. – М.; Минск: АСТ Харвест. – 2005. – 608 с.
13. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.:Наука. – 2000. – 539 с.
14. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А., Глущенко Д.В. Актуальные проблемы профессиональной подготовки сотрудников полиции России: тактика ведения полицейской стрельбы // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 2 (25) 2013: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России. – 2013. – С. 123–129.
15. Зайцов А.А. Новые веяния в военном деле / Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / Сост. Домнин И.В. – М.: Русский путь. – 1999. – С. 351–362.
16. Дворников А.В. Формы боевого применения и организация управления интегрированными группировками вооруженных сил на театре военных действий // Вестник Академии военных наук. – 2018. – № 2. – С. 37–41.
17. Мартысюк П. Г. Основные проблемы культурно-творческой деятельности в контексте диалога создателя и потребителя // Человек. Культура. Образование. – 2014. – № 2. – С. 24–31.

С.П. Золотарев, О.Н. Шматко

Ставропольский государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассмотрены основные проблемы коммуникации в современном обществе, в том числе и в молодежной среде, при использовании новых возможностей на уровне интернет-технологий. Выделен ряд проблем, возникших при развитии новых видов передачи и потребления информации в различных областях жизнедеятельности человека. Проанализированы положительные и отрицательные стороны влияния сетевой коммуникации на формирование мировоззрения человека. Проведен анализ основных категорий, используемых в коммуникационных системах. Исследованы модели взаимоотношений между людьми, указаны их главные характерные черты как с положительной, так и с отрицательной стороны, их непосредственное влияние на общественные процессы. Целью статьи является исследование самобытности взаимоотношений между гражданами на основе метода экзистенциальности. Научная новизна работы определена внедрением современной сетевой коммуникации в общественную жизнь и возникающими препятствиями социализации личности.

Результат исследования определен тем, что при возникающих проблемах межкоммуникативного общения человек-общество интернет-технологии, начавшиеся в результате появления инновационных технологий в сфере формирования индивида, в будущем будут доминировать над существующими традиционными методами создания и потребления новых сведений и превалять в формировании нового миропонимания в общественной среде.

Ключевые слова: коммуникация, интернет, общество, индивид, технологии, философ, наука информация, мировоззрение, государство, нация.

S.P. Zolotarev, O.N. Shmatko
Stavropol State Agrarian University

PROBLEMS OF MODERN NETWORK COMMUNICATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article deals with the main problems of communication in modern society including the youth environment when they use new opportunities of Internet technologies. A number of problems that have arisen in the development of new types of transmission and consumption of information in various areas of human life are identified. The positive and negative aspects of the influence of network communication on the formation of a person's worldview are analyzed. The analysis of the main categories used in communication systems has been carried out. The authors studied models of relationships between people; indicated their main characteristic features from the positive and from the negative side and determined their direct impact on social processes. The purpose of the article is to study the identity of the relationship between citizens based on the method of existentiality. The scientific novelty of the work is determined by the introduction of modern network communication into public life and the emerging obstacles to the socialization of the individual.

The results of the study showed the emerging problems of intercommunicative communication between a person and society. Internet technologies which began as a result of the emergence of innovative technologies in the field of individual formation will dominate over the existing traditional methods of creating and consuming new information and prevail in the formation of a new worldview in public environment in the future.

Key words: communication, internet, society, individual, technology, philosopher, information science, worldview, state, nation.

Актуальность выбранной темы состоит в том, что в последние десятилетия общение среди граждан кардинально изменилось благодаря влиянию растущего потока информационных технологий, трансформировавших мировоззрение и взаимоотношения внутри социальных групп. Связи между людьми имеют опосредованный или виртуальный характер. Сетевые коммуникации имеют приоритетное значение в отношениях между индивидами, заменяя межличностное общение, основанное на существующих обычаях и традициях народов или наций. Человечество стремится к комфортному общению, что в настоящий период развития науки и технологий является естественным процессом формирования научно-технического прогресса.

Одним из парадоксов, определивших необходимость в продвижении сетевой коммуникации во всем мире, явилась болезнь XXI века «COVID-19». Принятые ограничения на уровне государств при полном закрытии границ и отмене всех массовых мероприятий, а также удаленный режим работы значительно сократили межличностное общение.

В этой связи обозначим следующие задачи:

1. раскрыть позитивные и негативные стороны сетевой коммуникации;
2. уяснить особенности непосредственного и опосредованного взаимопонимания между людьми;
3. используя творческий опыт прошлых поколений ученых, привести доводы о негативности виртуального диалога между индивидами.

Современная форма отношений между гражданами во Всемирной цифровой сети не создала традиций, норм и принципов межличностного общения. Современные государства развиваются под влиянием социальных групп и отдельных личностей, благодаря их активной научной и творческой деятельности. Человек во все времена стремился познать окружающий мир и самого себя как одного из представителей природного мира. Эти тенденции формировались и создаются на основе обретения, сохранения и трансляции знаний и сообщений. Если полученную или созданную информацию не использовать в конкретных целях, то она теряет первоначальную сущность. Видеоинформация обладает таким необходимым свойством, как взаимообмен, помогающий достижению поставленной цели и прогресса в той или иной области жизнедеятельности общества. Одной из главных задач по исследованию влияния сетевой коммуникации на мировоззрение человека является анализ телекоммуникационного общения.

В толковом словаре категория «коммуникация» объясняется как «путь сообщения» [13, с. 440], или взаимосвязь между субъектами или явлениями. Другое понимание этой категории обусловлено «общением, передачей от человека к человеку – специфической формой взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, осуществляемая главным образом при помощи языка...» [2, с. 90].

Категория «коммуникация» не имеет собственной обусловленности до тех пор, пока она не будет «наполнена» каким-либо содержанием или способностью воздействовать на материальный или виртуальный объект. «Глупость, разошедшаяся тиражом в тысячи экземпляров, остается глупостью. Истинная идея, зародившаяся в голове одного-единственного человека, не перестанет быть истиной» [10, с. 257–258]. Современная наука использует различные понятия слова «коммуникация» в отдельных случаях, имеющих противоречивый характер. По мнению Н. Авсеенко, коммуникация – это «процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать, принимать разнообразную информацию посредством общей системы символов (знаков), языковых знаков, в частности» [1, с. 8].

При непосредственном общении категория «коммуникация» интерпретируется при помощи «... пяти лексем: социальный, процесс, символ, смысл (значение), среда» [18, р. 5].

Указанные условия формируют и передают сведения для создания необходимых обстоятельств для творческой и общественной деятельности человека в окружающей его природной и социальной среде. При создании необходимых условий для общения между индивидами коммуникационный процесс воздействует на субъект в границах, обозначенных как «сфера коммуникации». Коммуникация создана на таких составляющих, как качество среды, производства, экономики, политики, культуры, техники.

Форма коммуникации имеет эстетический и прагматический характер. Информация на уровне эстетики удовлетворяет человека на духовном уровне, способна породить в личности новые мысли, идеи или научные направления. Творческая коммуникация определяется по характерным чертам процесса, в котором личность направляет деятельность не на собственные нужды и запросы, а на субъект или группу людей, пытаясь понять мысли, задачи и проблемы, выводящие их из равновесия.

В определенных случаях используется форма коммуникации, способствующая достижению цели или решению возникшей проблемы. В данной ситуации миссия коммуниканта играет решающую роль в получении желаемого результата. Информационные технологии представляют процесс, обусловленный сбором, подготовкой и трансляцией первоначальной информации для сбора необходимых сведений об объектах, процессах в окружающей реальности. Отличительной чертой современных информационных технологий является формирование новой научной теории. Место и роль этих сведений развивается в рамках социально-научных концепций, созданных на специально выработанных правилах и нормах предоставления и потребления новой информации, способной обрести научную истину.

Творческая деятельность ученых прошлого столетия основывалась на общественном контроле и самоконтроле, исполняя законы государства и моральные нормы, санкционированные социумом. Научная деятельность человечества в XXI веке определила вектор развития передачи различных сведений между людьми, не всегда обладающей истиной и приобретенным полезным умением. Категория «информация» отличается от «научного знания» по основным параметрам, по значению и влиянию при создании новых теорий и доктрин. Дефиниция категории «информация» в таких сферах, как философия, экономика, кибернетика, семиотика, имеет различное значение для теоретического применения. Например, «... в семиотике информация понимается как мера устранения неопределенности знаний у получателя сообщения о состоянии объекта или о каком-то событии» [3, с.178].

Полученные сведения на основе современных информационных систем несут научно-познавательный характер, имеющий большую степень правдивости, но некоторые сведения не всегда истинны, а в некоторых случаях лживы. На государственном уровне нет механизма социального контроля за «качеством» сведений, размещенных в интернет-сети. Средства связи, передаваемые посредством телефонов, гаджетов, компьютеров, определяют ценностные ориентиры личности и формируют точку зрения о происходящих событиях внутри государства и в других странах. Наступившая эра информационного общества отличается от индустриального не экономическими и производственными технологиями, а информационными – их созданием, сохранением, передачей. Направления развития современного общества обусловлено меняющимися структурами управления людьми посредством влияния органов государственной власти, науки, медицины, образования и т.п. [7, с. 29].

Интегративное постижение влияния существующих типов коммуникации предполагает создание особой формы общения между индивидами при использовании сетевых технологий в политике, экономике, военной промышленности, культуре. Особенностью компьютерной коммуникации является ее этика, сформированная на нормах морали и теоретических ресурсах, на базе цифровых технологий. На основе разработанных технических ресурсов Всемирная сеть действует как:

1. базис информационных сведений о деятельности граждан, в том числе в сфере науки и образования;

2. уникальный тип массовой коммуникации;

3. специальная форма киберпространства;

4. среда жизнедеятельности субъектов, пользующиеся получаемой информацией [5, с. 412].

Основной предмет исследования сетевой этики представлен виртуальной коммуникацией, совершаемой в интернет-сети. Коммуникация – процесс создания, трансляции и уяснения любой информации при взаимодействии людей на различных уровнях общения, в том числе и невербальных [9, с. 19]. Виртуальная коммуникация воспринимается как модель, обусловленная особыми цифровыми и компьютерными сетями.

По сравнению с имеющимися традиционными способами межличностного общения виртуальная коммуникация обладает следующими признаками:

1. большая степень проницаемости;

2. универсальный уровень субъектности (человек, передающий или принимающий информацию, находится на большом физическом расстоянии);

3. выступает на уровне дистантной, направленной и виртуальной формы общения. Человек выступает в роли потребителя, или адресанта информации.

Интернет-сети предполагают возможность безымянности партнера, так как они не сообщают о себе информацию, тем самым не чувствуют ответственности за свой диалог и могут в любой момент прекратить общение без последствий и объяснения причин. Участник диалога, посетивший сайт, может изменить лицо и имидж, что предполагает образ «симулякра». Виртуальная коммуникация позволяет личности подобрать понравившийся псевдоним, обозначающийся категорией «ника» [11, с. 375].

Эти возможности об изменении настоящего лица, характера и способностей помогают в формировании определенной иллюзии, которая позволяет не учитывать существующие в обществе правовые, социальные и культурные нормы, ограничивающие поведение человека. Индивид привыкает к подобному виду безнаказанности за свои поступки, что провоцирует его негативное поведение в реальной жизни. Виртуальный мир позволяет любому человеку, особенно неудачнику, реализовать фантазии, подобно средневековому карнавалу, на котором участники скрывали свои лица и статус под масками и костюмами, что освобождало их от моральных и религиозных норм в данном месте пребывания при общении с другими партнерами [12, с. 108].

Условности, существующие в интернет-пространстве, исключают многие социальные нормы и запреты, каждый может общаться с блогером, не обращая внимания на социальный статус и материальное положение, что в действительности создает непреодолимые границы. Интернет-сообщество не предполагает наличие пола, возраста, профессии, национальности и др. Комфорт между участниками сайта определяется отсутствием географических и языковых барьеров. Возникает новое качество общения при отсутствии установленных норм и моральных обязательств друг перед другом [17, с. 43].

Специфика компьютерной коммуникации заключается в том, что она значительно коррелирует общественные отношения между людьми. Создав свой «неповторимый» образ в киберпространстве, личность попадает под зависимость иллюзий в форме либертарианских жизнеощущений.

Современные ученые используют ряд коммуникативных моделей, которые различным способом представляют вектор взаимодействия и трансляции информации. Однако ни одна из них не является универсальной и не способна раскрыть сущность механизма коммуникации. Кроме того, большинство моделей, обладающих обратной связью, должны соответствовать условию использования ими проверенной несколькими источниками информации. В своих трудах Ф. Лазарсфельд описывает взаимовлияние СМИ на большие группы граждан, имеющих принятое ими мнение о каком-либо событии или факте. Эту теорию философ назвал двухступенчатой моделью.

Метод моделирования в коммуникации предполагает «узкий» подход к решению проблемы передачи информации от государства или иных общественных организаций к человеку, лишая его универсальности. Передача подобной информации происходит между индивидами посредством наличия у них электронных средств общения (компьютер, телефон, планшет и т.д.), на уровне существующих программ в форме социальных сетей, электронной почты, мессенджеров и т.п.

Сетевой контакт между субъектами имеет односторонний характер в сравнении с непосредственной коммуникацией между людьми. Ограниченность сопряжена с опытом пользователя компьютерной связи и параметрами технических средств. Тем не менее сетевая коммуникация имеет ряд преимуществ перед непосредственным общением между людьми, а именно:

1. независимость от времени и места нахождения между индивидами или группы людей;
2. относительно комфортная среда взаимосвязи, в которой находится источник и потребитель информации;
3. возможность анонимности при взаимодействии между партнерами.

Одной из важных проблем сетевой коммуникации является отсутствие возможности в достоверной оценке оппонента при деловом или личном общении. Человек испытывает недоверие и непонимание при передаче информации и невозможность эмоционального восприятия при диалоге, что затрудняет процесс взаимодействия. Кроме того, общение посредством электронных средств не дает полного удовлетворения от оценки и понимания между людьми.

Существует точка зрения, согласно которой формирование впечатления и психологического «портрета» между людьми на эмоциональном уровне происходит при непосредственном контакте. Советский философ С. Л. Рубинштейн полагал, что понимание между людьми или неприязненное отношение происходит от внешности и поведения собеседника, а также возникающего образа у противоположного субъекта [14, с. 180].

Этой проблемой в свое время занимались такие философы, как Карл Ясперс, Мартин Бубер, Михаил Бахтин, Семен Франк, Альфред Шюц. Они полагали, что бытие человека непосредственно связано с обществом и «близким» окружением, в котором находится индивид, и наделяют комплексом культурных, психологических, этических и эстетических качеств. М. М. Бахтин утверждает: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается» [4, с. 434].

Философ рассматривает беседу не только как возможность познать другого человека, но и способность порождения новых мыслей и методов мышления у личности.

К. Ясперс первым разработал теорию коммуникации в структуре бытия человека как один из феноменов взаимоотношения между людьми. Он писал: «Мы суть то, что мы суть, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек, который был бы человеком сам по себе, просто как отдельный индивид» [8, с. 110]. Последующие разработки философа по данному направлению выявили тот факт, что дальнейшее развитие общества будет непосредственно связано с новыми технологиями передачи и потребления информации на основе инновационных коммуникаций. Изобретенные человечеством средства взаимосвязи позволят в большей степени воспринимать мысли и чувства другого человека и выражать собственные эмоции для динамичного развития социума.

Проблемы феномена коммуникации по-особому были представлены русским философом С. Франком, который ввел в научный оборот такие категории, как «я» и «ты». Между этими понятиями существует явная разница. В том случае, если мы «оцениваем» другую личность или она вызывает у нас ощущение удовольствия, негодования или равнодушия. Эти чувства позволяют индивиду понять разницу между «он», другой человек, и «я» как объект исследования. В противоположность от «он», который изучает нас мы, не можем контролировать чувства, и тем более его мысли, но «я» на подсознательном и волевом – эмоциональном уровне – способствует не только контролю нашей психике, но и в соответствии с ним производить определенные действия как на положительном, так и отрицательном уровне общественных отношений. Философ полагал, что «всякое познание или «восприятие» «ты» есть живая встреча с ним, скрещение двух взоров: вторжение «ты» в нас есть вместе с тем наше вторжение в него...» [15, с. 354].

Коммуникативный процесс основан на различном понимании происходящих общественных и мировых метаморфоз. Человек по-своему воспринимает материальный или духовный предмет, который подвержен его анализу. Подобный индивидуализм обусловлен рядом причин, а именно:

1. рассматриваемый объект отражается индивидуально в сознании человека;
2. объем и содержание воспринимаемого предмета имеет противоречивый тип, так как зависит от возраста, образования, темперамента и других способностей, которыми наделена личность [16, с. 133–134].

Отношения в обществе имеют относительную форму и обусловлены особенностями характера, мотивов поведения, интереса к субъекту и т.п. В своих трудах австрийский философ А. Шюц выделил следующие типы взаимоотношений между людьми:

1. «мы-отношения» – это ситуация, при которой знакомые индивидуумы находятся в непосредственном контакте друг с другом, в различных жизненных ситуациях и имеющие разнообразие цели, интересы;
2. «они-отношения» – данный тип соответствует связям между незнакомыми людьми, которые не имеют представления друг о друге.

Взаимоотношение между субъектами на основе компьютерной коммуникации включает факт интерсубъективности, так как их связи не влияют на корреляцию их миропонимания и мировосприятия окружающей реальности. Это свойственно типу взаимосвязи «мы-отношения», при котором общение между людьми сложилось на паритетных началах и нет препятствий в их контактах по интересующим проблемам.

Другой тип «они-отношения» подвержен определенному «риску», основанному на индивидуальных, интеллектуальных, психологических особенностях, которыми обладает личность. Опосредованный диалог между людьми имеет ряд отрицательных аспектов при передаче и получении сообщений, а именно:

1. анонимность информатора;
2. высокая степень отсутствия ответственности за ложь или оскорбление оппонента;
3. использование ненормативной лексики и т.п.

Общение индивидов посредством интернет-пространства для некоторых является средством удовлетворения личных нереализованных амбиций (как правило, ничем не обоснованных) и девиантным приемом наслаждения от своей безнаказанности.

Представитель атеистического экзистенциализма, философ М. Бубер выявил двойственный характер человеческого «Я» [6, с. 296]. По его мнению, человека необходимо рассматривать как субъект, со всеми вытекающими научными последствиями.

Интернет – коммуникативное пространство – не может быть полностью «оторванным» от внешности индивида, важно сфокусировать исследование на сущностном понимании человека. Личность при общении с другими, невзирая на конечную цель и уровень коммуникации, вынуждена представить тип собеседника на основе имеющегося опыта и избилующих в интернете стереотипов и образов человека.

Современные формы и способы контактов между людьми – это не только взаимосвязь между людьми на культурном, научном и технологическом уровне, но и новые приемы общения между субъектами посредством цифровой коммуникации. Связь между современными людьми в процессе передачи и потребления разнообразного рода информации при помощи новых технологий имеют противоречивый характер. Контакт через интернет или сотовую связь имеет большое количество преимуществ перед непосредственным общением – его эффективность не подлежит сомнению. Сетевая коммуникация «прочно» вошла в социальное бытие человека, создав новый тип культуры XXI века. Общедоступный и незамысловатый метод общения между людьми посредством новых технологий прочно вошел в социум и постоянно обретает все новые формы и приемы коммуникации. Невзирая на имеющиеся недостатки при отношениях во Всемирной сети, общество будет стремиться прогрессировать и улучшать существующие цифровые технологии.

Список литературы

1. Авсеенко Н.А. Теория и практика межкультурной коммуникации. / Н.А. Авсеенко. – М.: МАКС Пресс, 2005.– 206 с.
2. Акмалова А.А., Капицын В.М., Миронов А.В., Мокшин В.К. Словарь-справочник по социологии. Изд-е 2-е. – М.: Дашков и К, 2018. – 304 с.
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; примеч. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979.– С. 7–180.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972.– 472 с.
5. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.– 414 с.
6. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: Философский альманах. 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С. 294–370.
7. Воевудская О. М., Шурлина О. В. Компьютерно-опосредованная коммуникация: характерные черты и специфические особенности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternooposredovannaya-kommunikatsiya-harakternye-cherty-i-spetsificheskie-osobennosti/viewer> (дата обращения: 30.08.2021).
8. Гайденко П. П. Человек и история в свете «философии коммуникации» К. Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии / под ред. Т. А. Кузьминой, Б. Т. Григорьяна, Л. Н. Митрохина. – М.: Наука, 1978.– С. 97–134.

9. Голиков К. С. Экзистенциальная коммуникация Карла Ясперса – путь к подлинному бытию [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnaya-kommunikatsiya-karla-yaspersa-ot-podlinnyhchuvstv-k-podlennomu-bytiyu/viewer> (дата обращения: 30.08.2021).

10. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. / А. Конт-Спонвиль. – М.: Этерна, 2012. 752 с.

11. Кули Ч. Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума // Тексты по истории социологии XIX-XX веков: хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова; пер. с англ. Л. Марченко. – М.: Наука, 1994.– С. 375–382.

12. Масликова О. С. Языковые особенности общения в интернет-пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-obscheniya-v-internet-rostranstve/viewer> (дата обращения: 30.08.2021).

13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Изд-е 28-е, перераб. – М.: Мир образования, 2018.– 1376 с.

14. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии.– М.: Изд-во АН СССР, 1959.– 356 с.

15. Франк С.Л. Сочинения. / С.Л. Франк. – М.: Правда, 1990.– 608 с.

16. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.– С. 129–137.

17. Щипицина Л.Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veb-lektsiya-kak-ustnyy-zhanr-internet-ommunikatsii/viewer> (дата обращения: 30.08.2021).

18. West R. L., Turner L. H. Introducing Communication Theory: Analysis and Application. N. Y.: McGraw-Hill Education, 2018. 640 p.

О.А. Очирова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

МОНГОЛЬСКИЕ ЭТНОСЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БУДДИСТА-ПАЛОМНИКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ
в рамках научного проекта № 20-511-44006.*

В статье представлены данные, полученные автором в процессе проведения социально-философского исследования социального портрета современного буддиста-паломника. В данных целях использован междисциплинарный подход, сочетающий социально-философские и социологические методы изучения целевой группы буддистов-паломников из числа монгольских этносов России: бурят и калмыков. Для составления социального портрета современного буддиста-паломника в ходе исследования 2021-2023 гг. выделены следующие признаки такого паломника: мотивы паломничества, религиозные действия во время паломничества, вид паломничества, атрибуты паломника, статус, религиозное состояние и др.

Ключевые понятия: *социально-философское исследование, опросный метод, социальный портрет; монгольский этнос, Россия, буряты, калмыки, буддизм, буддисты-паломники.*

О.А. Ochirova

East-Siberian State University of Technology and Management

MONGOLIAN ETHNIC GROUPS OF RUSSIA: SOCIAL PORTRAIT OF A BUDDHIST PILGRIM

The article presents data obtained by the author in the process of conducting a socio-philosophical study of the social portrait of a modern Buddhist pilgrim. For these purposes, an interdisciplinary approach was used combining socio-philosophical and sociological methods of studying. The target group of Buddhist pilgrims was from the Mongolian ethnic groups of Russia: Buryats and Kalmyks. The author compiled a social portrait of a modern Buddhist pilgrim during the study 2021-2023 and highlighted the following signs of the pilgrim: the motives of pilgrimage, religious actions during the pilgrimage, the type of pilgrimage, the pilgrim's attributes, status, religious state, etc.

Key words: *socio-philosophical research, survey method, social portrait; Mongolian ethnic group, Russia, Buryats, Kalmyks, Buddhism, Buddhist pilgrims.*

Введение. Буддизм является традиционной религией монгольских этносов России – бурят и калмыков. Буддийская философия, наряду с шаманской мифологией, оказала решающее воздействие на формирование их представлений об окружающем мире и месте человека в нем. Сегодня философский мир характеризуется «все возрастающим интересом современных ученых к философским основаниям этнического бытия» [14, с. 205], которое «можно рассматривать как специфический социокультурный и полиментальный феномен, представленный различными архетипами, знаками, символами, текстами...» [8, с. 145]. К таким символам, безусловно, относятся и объекты буддистского паломничества.

Важную роль буддизм играет и в консолидации калмыков и бурят с монголами – материнским этносом, несмотря на то что имеются определенные сложности с религиозной самоидентификацией, например, внутри бурятского этноса [3; 5]. При этом

современная молодежь, представляющая указанные этносы, воспринимает буддизм позитивно. Так, 71,3% из них считает буддизм важной частью исторического наследия России [13, с. 42].

Известно, что «Буддизм является официально признанной религией в России с 1741 года» [9, с. 126]. Также историки пишут о более раннем распространении буддизма в России: «...необходимо отметить связь данного процесса с распространением этой религии среди кочевников Евразии, прежде всего Монголии, поскольку ойрат-калмыки и буряты были знакомы с буддизмом еще до их вхождения в состав Российского государства. Таким образом, процесс распространения буддизма среди данных народов начался еще тогда, когда они были частью общемонгольского социокультурного пространства» [6, с. 10].

Российское буддийское паломничество в своем развитии преодолело пять этапов: зарождение буддизма; его институционализация; запрет и преследование; восстановление; расцвет. Несмотря на то, что паломничество буддистов Бурятии и Калмыкии прошло очень непростой исторический путь, оно все же сумело сохранить свои духовно-религиозные основы. Современное паломничество в России, обретя подлинную свободу действий, стало многообразным и разнонаправленным.

В научной литературе выделяют следующие различия между паломничеством и познавательным туризмом: «Паломничество – это форма самоактуализации человека, предполагающая не только погружение в иную культуру, но имеющее своим следствием его самоизменение. Тогда как туризм, представляя собой форму рекреации, несмотря на дальность странствий, подлинного контакта с иной культуры не обеспечивает» [2, с. 34]. Но главная идея совершенства паломничества все же остается неизменной и заключается в необходимости проявления религиозных чувств верующих.

К буддийским святыням Бурятии и Калмыкии никогда не иссякает поток паломников. Для того, чтобы представить, что же за духовность таится в сакральных объектах, обратимся к соответствующим исследовательским работам. К примеру, в статье «Возвращение Зандан-жуу» описывается знаменитая статуя Будды (Бурятия): «Во всем лике Зандан-Жуу интуитивно ощущается, предугадывается сокрытая, невидимая извне лучезарность божественной улыбки, какой-то неведомой силой притягивающая к себе. В канонической его позе отражены глубочайшее спокойствие, невозмутимость, внутренняя, глубинная сосредоточенность, она воспринимается не иначе как высший образец, где только возможны снятие психологической неустойчивости, неуспокоенности, достижение духовного блаженства» [4, с. 9]. А в работе «Феномен нетленного тела, или реальность ирреального» отмечается: «Но то, что от нетленного тела хамбо-ламы Итигэлова исходит какая-то положительная энергия, несомненно» [1, с. 32].

Необходимо отметить, что вышеописанные и другие сакральные места, обретшие культовый характер, превратились также и в объекты паломничества туристов. Они описываются как часть культурно-познавательных туров религиозной направленности: «Большинство туристских фирм региона предлагают религиозные туры и экскурсии по Бурятии, включающие посещение Иволгинского дацана (Иволгинский район), Ацагатского дацана с этно-комплексом «Степной кочевник» (Заиграевский район), поездки к статуе Зандан Жуу (Еравнинский район), лику Богини Янжимы (Баргузинский район)» [7, с. 156].

На современном этапе объекты религиозного поклонения становятся более доступными и паломническое движение заметно расширяет свою географию. Все эти особенности современного паломничества актуализируют проблему изучения современного состояния буддистов-паломников первой половины XXI века.

Методология и методика исследования. Рассмотренные исторические и социально-философские аспекты паломничества в России позволили выделить эмпирически проверяемые показатели для создания социологического инструментария и проведения опроса среди современных паломников. В ранее опубликованных работах авторами [11; 12; 15] на основе теоретической и эмпирической интерпретации основных характеристик буддистов-паломников выделяется и обосновывается особая категория современных паломников – «паломник-онлайн» ($n_r=28$, 2020-2021 гг.). Полученные результаты пилотажного (целевого) исследования помогли авторам выявить особенности современного паломничества буддистов.

Представленное в данной статье социологическое исследование ($n_n=262$, ноябрь 2021 – январь 2023 гг.) построено на основе методологии и методики вышеуказанного автором пилотажного (целевого) исследования. Это дает возможность осуществления сравнительного анализа, а также постановки и проверки гипотез. Методологические и методические аспекты определения основных характеристик социального портрета буддистов-паломников опубликованы в ряде авторских публикаций [12; 15].

В рамках данной статьи автором поставлена следующая основная гипотеза: «онлайн-паломник» и «буддист-паломник» имеют общий социальный портрет. Выводные гипотезы: эмпирические показания, полученные в ходе обработки первичных данных по характеристикам «онлайн-паломника» ($n_r=28$) и «буддиста-паломника» ($n_n=262$), будут совпадать по следующим единицам наблюдения: «мотивы/причины паломничества», «атрибуты паломника», «религиозные действия во время паломничества», «виды паломничества», «статус паломника» и «религиозное состояние после паломничества» с погрешностью не более 5%.

На конец 2021 – начало 2023 гг. паломники представляли собой категорию трудно-доступных респондентов, что было связано, прежде всего, с отсутствием статистических данных. Это определило выбор способа целевого отбора и опроса респондентов, которым явился метод «снежного кома», а также выход в социальных сетях на круги, так или иначе отвечающие паломническим интересам и формирующие целевые группы: ВКонтакте, Facebook «Центральный Хурул Калмыкии», «Буддизм в Калмыкии», «Бурят-монголы всех стран, объединяйтесь», «Амисхаал», Информационный портал «Калмыкия Ньюс», в мессенджерах Viber: «Петрит на Байкале», Паломнический центр «Доншуур» и др.

На 01.02.2023 на вопросы анкеты ответили 262 паломника, относящих себя к бурятам и калмыкам, участвовавших в буддийских ритуалах и учениях в онлайн и офлайн форматах. Анкета создана и распространена через приложение Microsoft Forms. Данный опрос может носить характер пилотажного обследования или же играть роль самостоятельного исследования целевого характера. В статье интерпретированы ответы целевой группы – паломников-буддистов из числа российских бурят и калмыков. Полученные ответы обработаны приложением Microsoft Forms, а также вручную автором. В рамках данной статьи статистическая обработка первичных данных носит описательный характер.

Эмпирическая часть. Социальный портрет буддиста-паломника из числа монгольских этносов России. Состав респондентов паломников из Бурятии и Калмыкии в основном женский: 74,43% из числа ответивших. Но есть и мужчины, которые составляют четверть из числа паломников-респондентов (25,57%). В России от 40 до 60 лет – самый активный период паломничества. 65% опрошенных находятся в данном возрасте. Причем среди такой категории людей особо можно выделить

возрастной период – от 55 до 60 лет, 19 %. Проживает большинство паломников в городах (64,2%), основная часть из которых – 58% – в г. Улан-Удэ и г. Элиста. 42% опрошенных – из поселений городского и сельского типа.

Все опрошенные паломники не раз ездили в паломнические путешествия, что свидетельствует о регулярности производимых актов поклонения и сформировавшейся потребности людей в них. На вопрос «В какие регионы, страны вы ездили на буддийские учения, в другое религиозное путешествие, то есть совершали паломничество?» ответы респондентов распределились следующим образом: Индия – 16%, Непал – 6%, Тибет – 3%, Монголия – 8%, Латвия – 8%, Бурятия – 25%, Калмыкия – 9%, Тыва – 1%, Санкт-Петербург – 8%, другое – 16%. Таким образом, Бурятия, Индия, Калмыкия представляют собой наиболее важные паломнические направления. Среди других стран респондентами были отмечены Япония, Сингапур, Бутан, Вьетнам («другое» – 16%).

Однако сформировать полное представление о популярности/востребованности святынь невозможно без сопоставления уже посещенных святынь с планируемыми и/или желаемыми поездками. Так, в ответах на вопрос «В какие страны, регионы вы желаете или уже планируете паломничество?» соответственно увеличивается популярность еще не посещенных паломнических мест. Ответы распределились следующим образом: Индия – 17%, Непал – 13%, Тибет – 16%, Монголия – 15%, Латвия – 4%, Бурятия – 11%, Калмыкия – 8%, Тыва – 5%, Санкт-Петербург – 6%, не планирую – 3%, другое – 3%.

Как показывают полученные в ходе опроса паломников-буддистов данные, Индия, являясь наиболее посещаемой паломниками страной, остается повторно востребованной для них. Помимо этого, большое значение для паломников России имеют святыни Тибета, Монголии и Непала. В России внутренние паломнические поездки охватывают, прежде всего, Бурятию и Калмыкию (см. рис. 1).

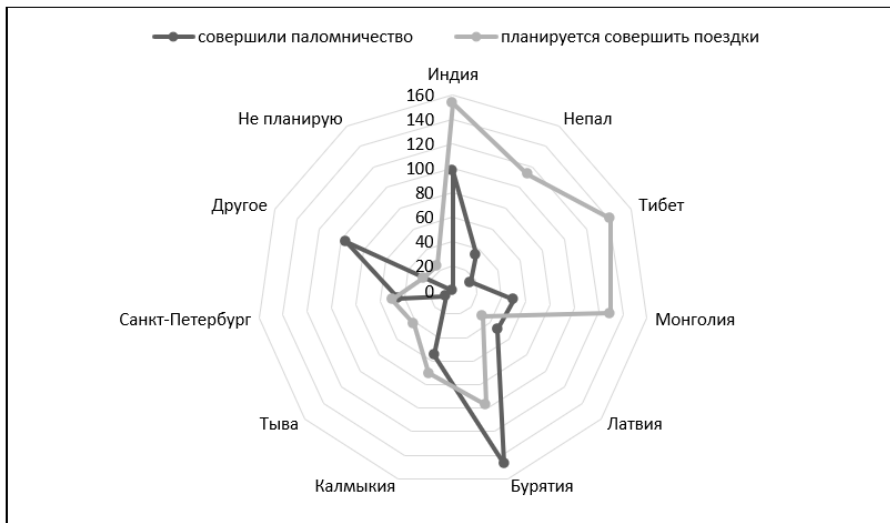

Рисунок 1. Частотное распределение по регионам и странам количества совершенных и запланированных поездок

В целом можно сделать вывод о том, что в представлениях опрошенных буддистов-паломников важными паломническими центрами являются следующие регионы: Индия, Бурятия, Тибет, Монголия.

На вопрос «Есть ли атрибуты современного паломника» были даны следующие ответы. К атрибутам современного паломника респонденты отнесли «четки» – 20,21%, «хадак» – 18%, «зерна (рис и др.)» – 11,1%, «монеты» – 10,68%, «даллага (угощение)» – 10,05%, «санзай (благовония)» – 8,27%, «сэржэм (черный чай)» – 6,61%, «шелковые ленточки» – 5,03%, «другое» (молоко, зуула и др.) – 5,03%, «шляпу» – 3,77%, «ритуальный барабан» – 1,25% (см. рис. 2).

Таким образом, к пяти наиболее часто используемым в религиозных путешествиях атрибутам современного буддиста-паломника России можно отнести: четки, хадак, зерна (рис и др.), монеты, даллага (угощение).

Рисунок 2. Частотное распределение ответов на вопрос «Атрибуты современного паломника» (множественный выбор)

По вопросу о мотивах / причинах совершаемых путешествий к объектам поклонения «Каковы ваши мотивы/причины паломничества?» ответы распределились по убыванию следующим образом: «глубоко очистить карму молящегося» – 10,04%, «открывать для себя новые места» – 9,13%, «открывать для себя новые возможности, впечатления» – 7,55%, «молитвенное действие» – 7,32%, «применяемые ритуалы: молитва, медитация, созерцание и подобное с участием культа и культовых предметов» – 6,72%, «желание найти ответы на философские вопросы» – 6,72%, «с сугубо религиозной целью, основанной на убеждениях верующих» – 6,48%, «хотя бы раз в жизни успеть посетить святы места» – 6,48%, «мистический опыт и встреча с духовным учителем» – 6,42%, «попытки найти решение личных, семейных проблем» – 5,43%, «пройти через физические трудности и преодолеть самого себя» – 4,53%, «посмотреть другую страну как туристы» – 4,38%, «прочтение коллективной религиозной молитвы» – 3,92%, «духовный подвиг» – 3,09%, «необходимость размышлять о

телесном преодолении» – 2,87%, «любопытство, желание увидеть самого известного буддийского учителя современности» – 2,27%, «желание пребывать в этом состоянии коллективно» – 2,04%, «другое» – 1,74%, «не до конца осознаю, что меня влечет» – 1,66%, «использование научения, пропаганды, распространения религиозных знаний» – 1,21% (рис. 3).

Таким образом, более всего буддисты России из числа монгольских этносов стремятся через паломничество глубоко очистить свою карму или решить личные или семейные проблемы с помощью молитвенных действий, ритуалов, укрепиться в убеждениях, мировоззрении, встретиться с духовным учителем, а также открыть новые места, получить новые впечатления от религиозной поездки.

*Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос
«Мотивы/причины паломничества», n=262, в %*

Во всех религиях существуют действия, совершаемые именно во время паломничества. Так, для паломников-мусульман «ритуал паломничества детально разработан и включает в себя предварительное ритуальное очищение, совершение молитвы (тальбия), облачение в специальное одеяние и др.» [10, с. 14].

Опрошенные паломники-буддисты выделили специальные действия, обязательно выполняемые ими во время паломничества. Примерно одинаково проценты распределились между тремя наиболее популярными ответами: «совершение гороо – круга очищения и почитания» – 26,93%, «начитывание мантр» – 27,7%, «простираание – земной поклон» – 26,15%. Путешествие же пешим ходом не является отличительным признаком современного паломника (6,79%), «окуривание себя благовониями» выбрали как обязательное действие 8,33% опрошенных, «другое» – 4,1% (рис. 4).

Таким образом, буддисты-паломники из числа российских бурят и калмыков традиционно совершают следующие действия: начитывают молитвы, совершают гороо/круг очищения и почитания и делают простираания/земные поклоны.

Рисунок 4. Частотное распределение ответов на вопрос «Религиозные действия во время паломничества» (множественный выбор)

По мнению респондентов, данный вид путешествия для них является «паломнической поездкой», что составляет 20,07%, а «паломническое путешествие» составляет 20,07%, религиозное путешествие – 17,25%, «духовный туризм» – 15,14%, «культурный туризм» – 8,1%, «религиозный туризм» – 7,04%, «религиозный поход» – 4,93%, «другое» – 3,87%, «туризм для молитв» – 3,52% (рис. 5)

Паломники дали оценку своему религиозному состоянию: так, 18,95% считают себя «буддистами по вере, практикующими буддистами», 17,58% признают себя «буддистами по традиции», 14,38% ощущают прорастание в них «семян буддиста» и духовное воодушевление, на «начальной стадии веры в буддизм» находятся 12,33% опрошенных. Остальные мнения по вопросу «Как вы оцениваете изменение своего религиозного состояния после паломничества, на каком уровне вы себя ощущаете сегодня?» распределились следующим образом: «поиск самопросветления» – 10,73%, «знающий основы буддийского учения» – 10,73%, «стадия обучения у Будды» – 7,31%, «другое» – 5,02%, «затрудняюсь ответить» – 2,74% (рис. 6).

Рисунок 5. Частотное распределение ответов на вопрос «Вид паломничества» (множественный выбор)

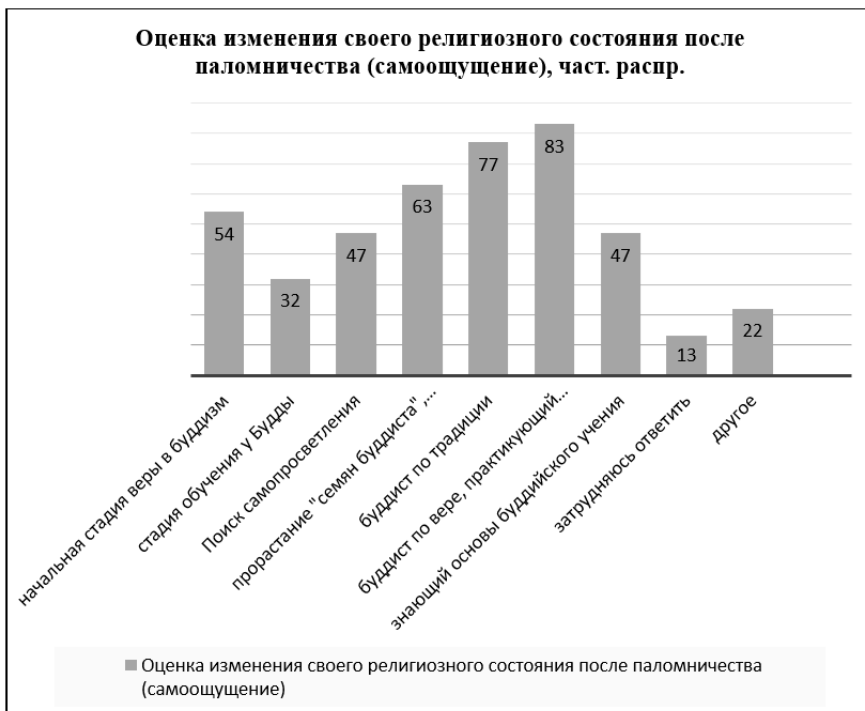

Рисунок 6. Частотное распределение ответов на вопрос «Изменение религиозного состояния после паломничества», множественный выбор

Большинство респондентов – 34,42% – определило свой статус как «путешествующий к святым местам», а 31,82% опрошенных согласны с названием «паломник» (рис. 9). Остальные мнения разделились следующим образом: «путник» – 7,14%, «странник» – 6,49%, «богомолец» – 6,06%, «другое» – 4,97%, «пилигрим» – 4,55%, «следопыт» – 4,33%, «гонец» – 0,22% (рис. 7)

Рисунок 7. Частотное распределение ответов на вопрос «Статус во время паломничества» (множественный выбор)

Процедуры проверки гипотезы. В целях проведения проверочных процедур использовалось процентное распределение ответов респондентов по каждой единице наблюдения, включенной в анкету по двум исследованиям: пилотажному (пилотаж, $n_r=28$) и собственно социологическому (исследование, $n_n=262$). При проверке гипотезы применялась авторская методика, основанная на выявлении процентного расхождения, или погрешности в процентах, между контрольными ($n_r=28$) и проверяемыми ($n_n=262$) единицами наблюдения. При условии разницы между данными $n_r=28$ и $n_n=262$ не более 5% гипотеза подтверждается, при расхождении в более 5% – гипотеза не подтверждается.

Напомним гипотезу: «онлайн-паломник» и «буддист-паломник» имеют общий социальный портрет. Проверяемые единицы наблюдения: «мотивы/причины паломничества», «атрибуты паломника», «религиозные действия во время паломничества», «виды паломничества» «статус паломника» и «религиозное состояние после паломничества».

В результате проведенной системы процедур по выявлению погрешности менее 5% выделены допустимые пределы среди проверяемых единиц наблюдения. Выводные гипотезы подтвердились с погрешностью не более 5% по следующим параметрам: «мотивы/причины паломничества», «атрибуты паломника», «религиозные действия во время паломничества», «виды паломничества» (табл.).

Таблица
Максимальная погрешность между эмпирическими данными $n_1=28$ и $n_2=262$, в %

	ПРИЧИНЫ ПАЛОМНИЧЕСТВА	АТТРИБУТЫ ПАЛОМНИКА	РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА	ВИДЫ ПАЛОМНИЧЕСТВА	СТАТУС ПАЛОМНИКА	РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОСЛЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА
ПОГРЕШНОСТЬ, В %, МАХ	3,66	5,01	3,67	4,86	10,88	7,05
	Допустимое значение	Допустимое значение	Допустимое значение	Допустимое значение	Выше допустимого значения	Выше допустимого значения

Выше допустимого значения, или более 5% погрешности, выявлено лишь в показателях «статус паломника» и «религиозное состояние после паломничества». Для более точного определения совпадения/несовпадения проверяемых единиц наблюдения использован метод графического изображения в виде графиков с маркерами (см. рис.). На рисунке наглядно показано единичное расхождение графиков, однако трендовая линия указывает на общее совпадение портретов.

Рисунок. Статус паломника, в %

Таким образом, гипотеза в целом подтвердилась.

Выводы. Социальный портрет буддиста-паломника из числа монгольских этносов России: женщина (каждый четвертый – мужчина) от 40 до 60 лет; городская жительница; регулярно посещает святые места, производит акты поклонения им; наиболее важными паломническими направлениями являются Индия, Тибет, Непал и Монголия;

на внутренних направлениях наиболее значимы Бурятия, Калмыкия. *Атрибуты*: четки, хадаг, зерна (рис и др.), монеты, даллага (угощение). Самыми главными *мотивами* для осуществления паломничества является желание глубоко очистить карму, решить личные или семейные проблемы с помощью молитвенных действий, ритуалов, укрепиться в убеждениях, мировоззрении, встретиться с духовным учителем, а также открыть новые места, получить новые впечатления от религиозной поездки. Традиционно совершаемые *действия*: начитывание молитвы, совершение гороо/круга очищения и почитания, простирания/земные поклоны. *Вид путешествия*: паломническая поездка, паломническое путешествие, религиозное путешествие, духовный туризм. *Религиозное состояние*: буддист по вере, практикующий буддист; буддист по традиции. *Статус*: путешествующий к святым местам, паломник.

Заключение. Выводы, сделанные в результате данного исследования, можно экстраполировать на общность со следующими признаками: это представители монгольских этносов (буряты и калмыки) России, совершающие паломнические действия к буддийским святыням. Участники проведенного социологического опроса являются носителями важной для исследователей информации, мнения данной группы дают определенные источники новизны и представляют интерес для исследователей в области философии и социологии этноса.

Благодарности

Автор искренне благодарит за содействие в проведении опроса среди буддистов-паломников администрацию групп в социальных сетях ВКонтакте, Facebook «Центральный Хурул Калмыкии», «Буддизм в Калмыкии», «Бурят-монголы всех стран, объединяйтесь», «Амисхаал», в мессенджерах Viber: «Ретрит на Байкале», Паломнический центр «Доншуур», а также Информационный портал «Калмыкия Ньюс» и других участников опроса.

Список литературы

1. Antonov V. I. The phenomenon of the Eternal Body, or Reality of the irreal / V.I. Antonov // Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. – 2010. – No. 1. – P. 26–34.
2. Алексеев-Апраксин, А. М. Кросскультурные контакты: туризм и паломничество / А. М. Алексеев-Апраксин // Studia Culturae. – 2013. – № 18. – С. 29–34.
3. Антонов В. И. Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят) / В. И. Антонов, О. А. Очирова А. А. Петрова // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 2(34). – С. 116–121.
4. Антонов В.И. Возвращение Зандан-Жуу // Буддизм. № 1. 1993.
5. Антонов В.И. Российская идентичность с точки зрения россиянина-азиата: проблемы, противоречия, поиск взаимоприемлемой модели развития // В сборнике: Сборник работ победителей Второго Всероссийского конкурса «Национальная идентичность России: кто мы и кем мы хотим быть». Москва, 2014.– С. 4–15.
6. Буддизм и монгольские этносы России: история, философия, социология : учебное пособие / М.С. Уланов, В.Н. Бадмаев, О.А. Очирова, В.И. Антонов. Элиста, 2023. – 124 с.
7. Гаврилова С.Р., Будаева С.Б. Религиозные объекты Кижингинского и Хоринского районов как ресурс развития туризма в Республике Бурятия // В сб.: Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития.– Улан-Удэ, Изд-во: ВСГИК. 2019. – С. 156.

-
8. Данакари Р. А. Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества.– Волгоград : Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017.– 388 с.
 9. Жамсуева Д.С. Дацан «Ринпоче Багша» в культурном пространстве Бурятии // Власть. №11. 2016. – С. 126–129.
 10. Зегидур С. Повседневная жизнь паломников в Мекке.– М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 14–15.
 11. Очирова О. А. Буддисты Бурятии о качестве онлайн-паломничества (по результатам социологического опроса 2020–2021 гг.) / О. А. Очирова // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: Материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Улан-Удэ, 22–23 сентября 2022 года / Отв. редактор Ю.Ю. Шурыгина. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2022. – С. 216–218.
 12. Очирова О. А. Паломники-буддисты Бурятии: гипотезы и критерии их дифференциации / О. А. Очирова // Наука и инновации в современном мире : Сборник научных статей. Том Часть IX. – Москва : Издательство «Перо», 2021. – С. 59–61.
 13. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) / В. Н. Бадмаев, М. С. Уланов, Ч. К. о. Ламажаа [и др.] // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 3. – DOI 10.25178/nit.2020.1.3.
 14. Символика числа в традиционном мировосприятии монгольских этносов: философский аспект / В. И. Антонов, Б. Пуревсурен, В. Н. Бадмаев, О. А. Очирова // Вопросы философии. – 2023. – № 6. – С. 205-214. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-6-205-214.
 15. Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования) / О. А. Очирова, В. И. Антонов, В. Н. Бадмаев [и др.] // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 79–91. – DOI 10.25178/nit.2021.2.7.
-

Н.Н. Рабочкин

*Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева*

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ГЕНЕЗИСА ИДЕЙ

Ввиду того, что в последние десятилетия признается высокая роль идей при планировании и реализации социальных трансформаций, широкое распространение получает проблематика изучения смыслов, заложенных в соответствующие ментальные конструкты интеллектуалами. На протяжении всей истории именно полнота восприятия и понимания заложенных в идеи смыслов, как и их последующая адаптация к контекстуальным реалиям, определяют эффективность социальных изменений. В статье рассматриваются нюансы смыслообразования при генезисе идей социальных трансформаций. Исследование посвящено изучению различных аспектов, раскрывающих специфику формирования идеальных замыслов проектов государственного устройства, придающих определенность и желаемый характер векторам социального развития. В работе представлены теоретические подходы к детерминантам смыслообразования при генезисе идей ценностей для будущих социально-философских и дисциплинарных исследований. Изучены сущностные характеристики смыслообразования. Анализируются исторические примеры развития модернистских идей, свидетельствующих о том, какими факторами подкрепляется заявленный процесс. Уточнено, что современные технологии хоть и задают плюрализм интерпретаций, тем не менее способствуют минимизации отклонений при понимании необходимых значений. Выявлены особенности выживаемости, конкурентоспособности и перспективности идей в эмпирических контекстах в зависимости от извлечения смыслов. В заключении обобщаются результаты и приводятся итоги исследования, содержащие важные теоретико-методологические замечания для последующего анализа заявленной темы.

Ключевые слова: *идея, смысл, социум, трансформации, модерн, интеллектуал, контекст, развитие.*

N.N. Ravochkin

*Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev
Kuzbass State Agricultural Academy*

MEANING IN IDEAS GENESIS PROCESS

Recent decades have highlighted the high role of ideas in the planning and implementation of social transformations. The problems of studying the meanings embedded in the corresponding mental constructs by intellectuals are becoming widespread. Throughout history, it is the completeness of perception and understanding of the meanings embedded in ideas, as well as their subsequent adaptation to contextual realities, that determine the effectiveness of social change. The article discusses the nuances of meaning formation during the genesis of ideas of social transformations. The article is devoted to the study of various aspects revealing the specifics of the formation of ideal ideas for the projects of the state system, giving certainty and a desirable character to the vectors of social development. The paper presents theoretical approaches to the determinants of meaning formation during the genesis of ideas of values for future socio-philosophical and disciplinary research. The essential characteristics of meaning formation are studied. Historical examples of the development of modernist ideas are analyze, indicating factors which support the declared process.

It is clarified that modern technologies, although they set a pluralism of interpretations, nevertheless contribute to minimizing deviations in understanding the necessary values. The features of survival, competitiveness and prospects of ideas in empirical contexts depending on the extraction of meanings are revealed. In conclusion, the results are summarized and the results of the study are presented containing important theoretical and methodological remarks for the subsequent analysis of the stated topic.

Key words: *idea, meaning, society, transformations, modern, intellectual, context, development.*

Развитие системы общественных отношений и процессов имеет ряд оснований, среди которых ценным и одним из крайне важных является деятельность интеллектуалов. В результате таковой активности интеллектуалов одним из направлений становятся проекты трансформаций общественной жизни, которые обеспечиваются смыслообразованием как навыками интеллектуалов задавать актуальные для целого ряда групп векторы развития социальных систем и их структурных элементов [16]. Для начала необходимо отметить, что в научной литературе «социальная трансформация» трактуется как процесс структурных преобразований общественного состояния. Важно понимать, что данное понятие необходимо отличать от (1) морфогенеза как возникновения принципиально новых условий социального бытия; (2) трансмутации как возможности пересмотра существующих социальных установок; (3) репродукции как сложного комплекса условий, позволяющих поддерживать, уравнивать, адаптировать социальные феномены к актуальным условиям внешнего бытия; в целом – приспосабливаться к таким условиям [3, с. 262].

В предыдущих работах мы неоднократно делали акцент на том, что интеллектуалы способны определенным образом посредством концептуального анализа создавать идеи представленных выше процессов. Более того, современные идейно-ориентированные исследования также заявляют о возможностях достаточно сильного влияния интеллектуалов на социальные процессы, что наиболее ярко находит свои многочисленные проявления от эпохи Возрождения и вплоть до наших дней [6]. Следует полагать, что генезис и последующая трансляция идей, которые наделяются интеллектуалами содержанием и практическим значением, открывают возможности для адекватного изучения социально-исторического развития общества как системы социальных институтов, а также уточнения соотношения планомерного и стихийного, субъективного и объективного. Учитывая перечисленные пункты, все это позволяет «оптимизировать сам процесс изменений, как бы проектировать сам путь преобразований, уточнять пространство связи возможного и реального. Поэтому трансформация – не просто изменение содержания и функций определенной сферы общества, но условие оптимизации самих изменений, устранения излишков за счет согласования логики вещей и логики человеческой субъективности» [11, с. 9]. Таким образом, приписывание значений идеям социальных преобразований становится одним из витальных условий для их последующей реализации на практике.

Инкорпорирование ментальных конструктов едва ли имеет одинаковые перспективы, поэтому далеко не все создаваемые интеллектуалами идеи в будущем будут воплощены в социальное развитие. Ученые высказывают положение, согласно которому синтезы идей в форме верований, дефиниций и множества доказательств оказываются идеальными основаниями изменения поля социальных конструкций. Наряду с концептуализированными нормами, действиями и совокупностью интересов субъектов идеи проявляют свои детерминационные и объяснительные возможности по отношению к социальной ткани [12]. Можно согласиться с В.Ю. Шаповаловым в том, что «социальная трансформация выражает программно-проектную деятельность

социальных, экономических и других субъектов, в которых соединяются процессы и отношения общества с некоторыми нормами, стандартами, выражающими свойства идеальной, заданной субъектами смысловой и символической среды» [11, с. 10].

Именно интеллектуалы как авторы различных идей, являющихся элементами программ трансформаций общественной жизни, задают определенные смыслы, которые впоследствии воспринимаются и интерпретируются различными влиятельными субъектами, и именно все многообразие концептов, воплощаясь в тех или иных эмпирических контекстах, по-новому воспроизводит различные социальные структуры [6].

Важным способом приписывания различных значений идеям социальных преобразований можно считать продвижение тех или иных нарративов. Традиционной представляется логика использования трех принципиальных векторов определения любого социального процесса. Для анализа общественно значимых процессов применяются положения классического позитивизма, вследствие чего правомерным становится аналоговый перенос трех векторов физического мира (X, Y и Z из декартовой системы координат) на экономическую, политическую и идеологическую сферы общественной жизни [2, с. 105]. Полагается, что любое социальное действие представляет собой единство интенций получения ресурсов (экономика), удовлетворения потребностей организации человеческого общежития (политика) и нормативного закрепления различных ценностей (идеология).

Резонно считать, что социальные феномены являются версиями реализации тех или иных идей, в которых изначально просчитаны базисные основания ее воплощения – экономические, политические и идеологические составляющие. Принимая это во внимание, интеллектуалы уже программируют формируемые идеи с учетом этих сторон. Более того, смыслообразование самих теоретических конструкторов всегда детерминировано будущим, то есть содержательно предлагаются определенные расчеты возможных следствий в системе общественных связей и отношений. Смыслообразование при генезисе идей можно интерпретировать как набор нарративов, включающих в себя требования по аналитике содержания, некоторых причин и следствий, а также ввиду проективной обращенности учитывать перспективность существования конкретной идеи. Кроме этого, важно понимать, что представленная логика смыслообразования предлагает нивелирование противоречий между обществом и отдельными его частями, выраженными сферами публичной и частной жизни. С учетом плюрализма внедряемых в социальную практику идей становится реальным говорить о возможностях всесторонней трансформации общества, поскольку именно в рамках преобразований воплощаются комбинации многообразных смыслов, коннотаций и нарративов, которые в конечном счете детерминируют векторы его развития [6; 7].

Поливариантный характер смыслов, извлекаемых в последующем акторами социальных преобразований из различных идей, их модификаций и конфигураций, в полной мере отвечает разделяемому большинством исследователей пониманию общества как групповой структуры, элементы проходят через интеракции. Это становится возможным благодаря тому, что субъекты социальных взаимодействий воспринимают нарративы приемлемого коллективного поведения, заложенные в идеи, в последующем соотнобя свое поведение в интересах общей пользы [6]. Справедливо говорить о том, что смыслообразование при генезисе идей фундирует не только сами социальные связи и отношения, но и многообразие норм, при помощи которых регулируются все процессы интересобъективных взаимодействий.

Вместе с тем, использование сформированных за счет смыслообразования нарративов дает основания создавать и вполне конкретные формы для описаний исторического

процесса, что на практическом уровне и приводит к разночтениям в интерпретировании социальной реальности. Так, современные попытки трактовки феномена тоталитаризма позволяют маркировать его как социально-политический регресс или даже как темпоральную патологию, или вовсе анахронизм, то есть существенно отклоняющийся от некоего «правильного» пути развития вариант организации коллективного бытия. Конечно же, теоретики тоталитаризма вряд ли бы заложили в свои идеи такие непривлекательные смыслы, а их первоначальный нарратив вряд ли имел отсылки к представленным нами сценариям общественного развития. Выходит, закладываемые при генезисе идей смыслы в последующем будут определяться в зависимости и от аналитики эмпирического материала при ее неизбежном сопоставлении с конкурирующими конструктами, конституирующими социальную архитектуру. Сегодня оперирование многочисленными нарративами позволяет интеллектуалам, прежде всего за счет ресурсов масс-медиа, поддерживать и даже расширить до сих пор существующее противостояние «тоталитаризм Vs демократия». Тем самым вовлеченные в медиа интеллектуалы и субъекты социальных преобразований перманентно стремятся наделять дополнительными ценностями преследуемые ими представления о конкретных формах «правильного» политического курса, обосновывая соответствующие идеи. Зачастую высказываются мнения о стремлениях монополизации идей «правильности» выбранного властными акторами курса, что, разумеется, напоминает предложения некоего смыслового инварианта общественного развития [6; 16; 17].

Однако обращение к ресурсам современных нам масс-медиа, наоборот, приводит к неконтролируемой экспансии метафоры. Вследствие этого, даже использование конкретных идей в целях жесткого определения того или иного варианта развития для различных социальных групп неизбежно приведет к выходу за упрощенные бинарные оппозиции по разделению мировой системы на своих и чужих, также создав дополнительные смыслы и более сложные палитры дифференциации с указаниями и объяснениями, почему «мы» не такие, как «они» [8, с. 230–231]. Подобные интерпретации идей являются результатом разного понимания заложенных в эти конструкты смыслов, более того сами интеллектуалы в условиях современной динамики, транслируя рассматриваемые инструменты социальных преобразований, неизбежно приписывают им различные значения, в том числе и существенно отличающиеся от первоначальных. В конечном итоге, значения тех или иных идей по-своему определяют мировоззрение отдельных групп, но в случае пересечений взглядов и при имплементации самих теоретических конструктов в социальную ткань будут способны определять отношения между ними на различных уровнях. Таким образом, именно интеллектуалы закладывают содержательные основания социальных трансформаций, поскольку изначально они мировоззренчески определяют понимание и восприятие системы связей и отношений, а также перспектив взаимодействий между субъектами практик и интеракций.

Актуальной и действенной технологией формирования и продвижения закладываемых в идеи смыслов может считаться использование приемов фокусирования на конкретных концептах в медиадискурсе. Действительно, новые медиа позволяют продвинуть многие, но преимущественно необходимые для субъектов преобразований точки зрения на те или иные проблемы. Одним из кейсов можно назвать аналитику вопросов о здоровье и причинах смертности. Если реально высокие показатели смертности связаны с болезнями сердечно-сосудистой системы, то в СМИ зачастую преобладают сообщения о повышенном риске летального исхода от пожаров, катастроф или хотя бы иных болезней. Медийное освещение проблемы порой не совпадает с

реальными рисками, которые подтверждаются статистически, поэтому генезис идей социальных преобразований сопряжен с измененными смыслами, которые необходимо было бы продвинуть для налаживания других функций и исправления процессов взамен тех, на которые намеренно обращается внимание [9]. Интеллектуалы модифицируют значение конкретного феномена, что неизбежно изменяет и сам социум, в котором будет воплощен другой социальный феномен, но попадающий в поле релевантных и разделяемых в конкретном обществе смыслов.

При смыслообразовании проводится «политика» использования избыточно «узкой» и предельно «широкой» оптики освещения событий, что в свою очередь накладывает отпечаток на их восприятие [10, с. 96–97]. Первый вариант заключается в использовании принципа фокусировки на конкретных проблемах и малых знаниях, касающихся непосредственно отдельного человека. Второй же способ позволяет интеллектуалам расширять имеющийся недостаток знаний и сосредоточиваться на широком спектре проблем и социально значимых практиках, что в итоге позволяет формировать представления масс о предметной области. Отметим тот факт, что вместо содержательного анализа фундаментальных феноменов социального бытия (в частности – средств массовой информации или описываемых ими явлений коллективного бытия) на первый план выходит метод кейсов, натурализующих определенную идеологию. Таким образом, концептуальное восприятие социальной активности более не является эффективным, значит, идеи проявляют свои смыслы рельефнее исключительно через призму отдельных форм коллективного бытия. «Мелкая оптика» доминирует в системе деятельности современных интеллектуалов, что также соответствует методологии предметного анархизма при смыслообразовании социальных перемен.

Можно говорить, что данная механика определяет тренд смыслообразования, но отныне важно помнить об ориентированности на систему отдельно взятых событий, действий, явлений. Чаще всего процедура выявления общего тренда среди отдельных предметов и феноменов попросту не проводится, однако принципиальное место отдается интересам исследователя и субъектов преобразований. В этом усматриваются такие маркеры настоящего времени, как произвольность формирования и даже компилирование специально подобранных событий. В итоге смыслообразование создает принципиальную возможность для контроля за появляющимися по итогам преобразований социальными практиками, что объясняется наделением их необходимыми значимыми свойствами, не вступающими в антагонистические отношения с потребностями и ожиданиями отдельных групп.

Получается, что специфика таких вариаций со смыслами, которые оказываются заложенными в идеи, определяется жизненной значимостью для населения конкретного общества, воспринимающего те или иные ментальные конструкты как уже воплощенную практику и/или структуру. Итак, использование представленных ресурсов дает возможность продуктивно наладить коммуникацию между влиятельными субъектами и различными социальными группами. Как правило, зашифрованное автором сообщение не всегда воспринимается и трактуется ее получателем правильным образом. Причинами тому могут быть различные помехи и шум, несовпадение культурных установок, лингвистические особенности. Однако использование социально значимых конструкций и практик приводит не просто к приемлемости самих транслируемых идей, но позволяет сконцентрировать внимание адресата вокруг ключевых значений, то есть минимизировать отступления от полноты восприятия и понимания содержания.

Появляются возможности для самостоятельной проверки полученной информации о конкретных событиях, содержащих в себе определенные идеи и выражающихся в «сопоставлении ее с индивидуальным опытом, существовании горизонтальных связей, в целостном восприятии человеком качества жизни» [10, с. 96]. Такой элемент позволяет населению проводить дополнительный анализ идей, существующих и функционирующих в социальном пространстве, тогда как интеллектуалы могут получать своего рода обратную связь по поводу продуктивности и эффективности деятельности по генезису ментальных конструктов, а также оценить успешность проведенного смыслообразования. Горизонтальные связи, фундированные современными масс-медиа, открывают возможности для продуцирования идей социальных преобразований, которые могут быть декодированы с минимальными отступлениями от ядерных смыслов и тем самым с большой долей вероятности будут восприняты и усвоены аудиторией близко к заложенным значениям. Закономерно, что повышение понимания позволяет надеяться на более качественные социальные трансформации.

Приписывание идеям социальных преобразований различных значений базируется на использовании ресурсов межкультурной коммуникации и «межцивилизационной констелляции». Исследуя процесс развития Западного мира, в частности – европейского сообщества, современные исследователи указывают, что идея Европы базируется на концептах и ценностях предшествующих исторических эпох и культурных оснований [4, с. 396–297]. Культурфилософские концепции О. Шпенглера и А. Тойнби дополняются принципиальным положением: формирование цивилизации определяется заложенными в них идеями, которые в первую очередь детерминируются компетентностью интеллектуалов, а также их направленностью на создание различных моделей организации общественной жизни и способов взаимодействия, представляющих собой отдельные версии так называемого «глобального субъекта». Использование ресурсов отдельных сообществ привело к тому, что они сами получили схожее содержание, а принципы социальных интеракций на глобальном уровне также были предопределены различным вкладом интеллектуалов. Так, на примере европейской цивилизации наиболее известны многочисленные идеи по созданию коллективного пространства, которое внешне обладает границами, служащими для разделения отдельных социальных и политических образований, однако содержательно категоризируется внутренним плюрализмом [6].

По сути, многие либерально-демократические идеи были сформулированы и поданы миру как общеевропейские, а в последующем как олицетворяющие Запад в целом. Следует полагать, что именно изучение истории становится одним из важных направлений для понимания того, как были сформированы смыслы данных теоретических конструктов [6; 13; 14; 15]. В данном кейсе интеллектуалы совершают процедуру смыслообразования, базируясь на понимании территориальной разрозненности ввиду общности культурных общеевропейских ценностей, положении о праве на самоопределение каждого отдельного человека.

Не будет лишним еще раз отметить, что такое означивание делает принципиальным дихотомию «демократизм – тоталитаризм» как частный случай диалектики «свой – чужой». Существование обозначенной схемы мышления определяет вектор восприятия границы между западным и незападным и, как следствие, позволяет выстроить систему оценок «правильного» и «неправильного». Мы видим, что смыслообразование при генезисе идей дает основание формировать историю собственного (своего) общества, обозначить векторы его развития, а также предпринять попытку в определении интеллектуальных координат для всего мирового сообщества [14].

Руководствуясь существующими идеями, детерминирующими магистральные направления развития социума, принципиальным оказывается наличие целого ряда вариантов реализации модернистских идей. Дж. Деланти относит к таковым либеральную демократию, проект транснациональной Европы, коммунизм и фашизм. Этот мыслитель отмечает, что представленные модели «являлись порождением Европы и так или иначе апеллировали к идее Европы; они являлись также по существу продуктом политического модерна, коль скоро они артикулировали социальное воображаемое для создания политической общности на новых основаниях и пересмотра взаимоотношений между индивидом, государством и обществом» [13, с. 216]. Каждая из представленных форм представляет собой гносеологический замысел реализации модернистских идей, по-своему определяющих обозначенные в начале статьи координаты функционирования социальной ткани – экономику, политику и идеологию.

Конечно, в европейском сообществе существовало множество соперничавших и сменяющих друг друга версий модерна, включающих в себя конкретные идеи и соответствующие им формы социального устройства. Однако весь плюрализм интеллектуального поиска традиционно укладывается в два вектора реализации таких форм модерна: открытый, связанный с либеральными ценностями, и закрытый, который часто ассоциируют с авторитарными и тоталитарными проектами [4]. Следует полагать, что достижение любого из двух вариантов определяется в первую очередь исторической практикой, которая демонстрирует способность к выживанию конкретной формы модерна [6; 15]. Вследствие этого, смыслообразование при генезисе идей определяется не только наличием современных технических средств, но и практической применимостью, определяющих конкурентоспособность и выживаемость теоретических конструктов в рамках того или иного сообщества. Следует говорить о необходимости проверки на практике различных идей для построения хоть каких-нибудь прогнозов по их трансформации надления в реальных социальных практиках [5]. Исторический процесс становится своего рода мерилем отсева эффективных идей от нежизнеспособных, придавая социальной динамике новые уровни причем как внутри одного государства, так и на международной арене. Можно говорить о том, что анализ описанных перспектив резонно трактовать как одну из важнейших неотъемлемых деталей при смыслообразовании: именно практикоориентированность и ориентация на выживаемость определяет для конкретных идей необходимые ресурсы, требующиеся для поддержания организации этой модели в эмпирических контекстах [1]. Подобного рода операции уже реализовывались в ходе исторического процесса, что способствовало развитию и усилению одних модернистских моделей на фоне сворачивания других проектов, по сути, не учитывающих динамику и внешние вызовы [7; 17].

В результате можно говорить, что смыслообразование при генезисе идей осуществляется на основании ряда факторов, к которым следует отнести развитие технической стороны общества как системы, процесса исторического его становления, а также необходимости учитывать системы межкультурных и цивилизационных столкновений и взаимодействий. Концептуально любая идея включает в себя множество свойств, принципов и концептов, которые можно определить как нарратив, смыслообразование которого фундирует практическую реализацию всех возможных преобразований в общественной системе. Такое смыслообразование идей определяет их генезис, а значит, с необходимостью требует учитывать практическую сторону реализации процесса надления смыслом и значением той или иной конкретной интеллектуальной идеи.

Смыслообразование при генезисе идей определяется системой средств массовой коммуникации и информации, поскольку необходимым оказывается сведение «крупной оптики» больших событий к «мелкой оптике» повседневности, что делает сообщение в СМИ близким и доступным для его потребителя. Важным в смыслообразовании становится также практикоориентированность и формирование нарративов в продвижении конкретных идей. Все это позволяет формировать такие смыслы, которые в полной мере будут определять функционирование общества как системы, выражать его адаптивные свойства, а также иметь проективную обращенность на векторы последующих социальных трансформаций. Таким образом, следует говорить о том, что смыслообразование позволяет интеллектуалам самостоятельно программировать социальные преобразования необходимым образом для общества в целом и ремоделировать его отдельные элементы.

Список литературы

1. Бережная М.А. Трансформация социальных концептов в публичных дискурсах // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – №14. – С. 7–11.
2. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. 4. – №1. – С. 101–115.
3. Ламажаа Ч.К. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №1. – С. 262–264.
4. Масловская Е. Концептуализация Европейского модерна в социологии Джерарда Деланти // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – №3. – С. 395–408.
5. Полюшкевич О.А. Символизация социальных представлений об общественных трансформаций: феноменология гендерных отличий // Аналитика культурологии. – 2010. – №1 (16). – С. 82–88.
6. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. – Кемерово: КузГТУ, 2021. – 258 с.
7. Равочкин Н.Н. Обретение новых смыслов классическими социальными идеями // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 148–159.
8. Фетисов М. Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н.Н. Козловой для современной политической теории // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – №1. – С. 227–246.
9. Фролова Т.И. Гуманитарная повестка СМИ и стратегии ее реализации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – №6. – С. 107–126.
10. Фролова Т.И. Динамика стратегий в социальном медиадискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2009. – №5. – С. 94–116.
11. Шаповалов В.Ю. Роль социальных трансформаций в процессе развития общества // Теория и практика общественного развития. – 2010. – №4. – С. 9–12.
12. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 655 с.
13. Delanty G. Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013. – 356 p.
14. Mouzakitis A. Modernity and the idea of progress // Frontiers of Sociology. – 2017. – Vol. 2. – pp. 1-11.
15. Nowotny H. Time: The Modern and Postmodern Experience. – Cambridge: Wiley, 1996. – 192 p.
16. Parsons T. The Social system. – London; New York: Routledge, 2005. – 448 p.
17. Schwarzmantel J. Ideology and Politics. – London: Sage Publications Inc., 2008. – 208 p.

В.Л. Тихонова, О.И. Закутнов

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США И РОССИИ
ПО СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В КАЗАХСТАНЕ
КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ
В РЕГИОНЕ**

Геополитическая нестабильность в современном мире может приводить к усилению межгосударственных противоречий, в том числе на территории Каспийского региона, к которому проявляют особый интерес США, в связи с возможностью влиять на энергетические рынки. Для достижения своих внешнеполитических целей США создают прецеденты инспирирования процессов дезинтеграции в СНГ для упразднения связей России с ее союзниками в Каспийском регионе. В связи с этим Вашингтон не только использует экономические и политические рычаги, но и осуществляет активную работу по связи с общественностью для распространения «демократии по-американски» в СНГ. В качестве цели исследования авторами была предпринята попытка анализа такой деятельности США в Казахстане – стране, имеющей самую протяженную границу с Россией. Исследование опирается на работы российских, американских и казахстанских исследователей, а также на открытые интернет-источники. Активная деятельность США по связи с общественностью в Казахстане обусловлена необходимостью заполнить пробелы, вызванные историческим прошлым казахстанского народа, не связанным с Западом, а также воспитать молодежь, способную понимать и поддерживать «демократию по-американски». В связи с этим увеличивается количество прозападных НКО и разного рода американских организаций на территории Казахстана. США активно проводят грантовую образовательную работу по привлечению казахстанской молодежи. В отличие от США, Россия имеет с Казахстаном давние разносторонние добрососедские отношения. Деятельность России по связи с общественностью в Казахстане сложно прослеживается в связи с отсутствием четких сведений и отчетности. Зато разные спектры работ США с населением Казахстана открыто представлены на порталах американских организаций, функционирующих в республике. Результатом проводимой внешней политики США в Казахстане, в том числе посредством связи с общественностью, является нарастание антироссийских настроений, особенно среди молодого поколения.

Ключевые слова: *геополитическая нестабильность, Каспийский регион, Республика Казахстан (РК), Россия, США, «демократия по-американски», внешняя политика, связь с общественностью, русофобия, американские организации.*

V.L. Tikhonova, O.I. Zakutnov

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

**US AND RUSSIAN PUBLIC RELATIONS ACTIVITIES
IN KAZAKHSTAN AS A FACTOR
IN THE SPREAD OF IDEOLOGICAL INFLUENCE IN THE REGION**

Geopolitical instability in the modern world can lead to increased interstate contradiction, including the Caspian region which is of particular interest of the United States because they have the ability to influence energy markets. The United States creates precedents for inspiring disintegration processes in the CIS in order to achieve its foreign policy goals and to decrease Russia's ties with its allies in the Caspian region. For this purpose Washington uses economic and political levels and

spreads "American-style democracy" in the CIS. With this regard the authors attempted to analyze such kind of US activities in Kazakhstan that has the longest border with Russia. The study is based on the work of Russian, American and Kazakh researchers as well as on open Internet sources. The active US public relations activity in Kazakhstan is driven by the need to fill the gaps caused by the historical past of the Kazakh people, not associated with the West, as well as to educate young people who are able to understand and support "democracy the American way." In this regard, the number of pro-Western NGOs and other American organizations in Kazakhstan is increasing. The United States is actively conducting grant-based educational work to attract Kazakh youth. Unlike the United States, Russia has long-standing, diversified good-neighborly relations with Kazakhstan. Russia's public relations activities in Kazakhstan are difficult to trace due to the lack of clear information and reporting. On the other hand, different ranges of US work with the population of Kazakhstan are openly presented on the portals of American organizations operating in the republic. The result of the US foreign policy in Kazakhstan including the means of public relation, is the growth of anti-Russian sentiment especially among the younger generation.

Key words: *geopolitical instability, Caspian region, Republic of Kazakhstan (RK), Russia, USA, American-style democracy, foreign policy, public relations, Russophobia, American organizations.*

Введение

Разновекторные вызовы и угрозы в мире пошатнули ранее устоявшийся миропорядок и привели к росту геополитической нестабильности. Усиление межгосударственных противоречий способно порождать серьезные препятствия в развитии как отдельных стран, так и целых регионов, а также приводить к «угрозам использования военной силы... к нарастанию напряженности и обострению военно-политической обстановки, в том числе вблизи государственной границы Российской Федерации» [32].

Действия некоторых стран Запада направлены на создание прецедентов инспирирования процессов дезинтеграции в Содружестве Независимых Государств для упразднения связей России с ее союзниками.

Особый интерес США проявляют к Каспийскому региону как центру евразийского континента, его уникальному геополитическому положению, позволяющему в случае успешной внешней политики США усилить свое влияние на мировые энергетические рынки. Одна из стран, посредством содружества с которой США стремится реализовать свои цели в Центральной Азии, является Казахстан. В ее развитие Америка инвестировала уже «более \$62 млрд» [12].

Важно учитывать, что значительные инвестиционные потоки из США выгодны казахстанской экономике, но в то же время ставят страну в зависимое от Вашингтона положение. Другой причиной, вынуждающей казахстанское правительство быть более сговорчивым с США, является факт хранения активов республики в западных странах. Для ясности ситуации вспомним события 2017 года, когда «в бельгийском филиале одного из американских банков по требованию суда были арестованы 22 млрд. долл., принадлежавших Национальному фонду Казахстана» [27]. Предположительно, главным условием возврата активов стало «подписание соглашения о транзите американских военных грузов в Афганистан» [27].

На сегодняшний день внешняя политика Казахстана ориентирована на сбалансирование отношений с США, Китаем и Россией в условиях, когда США ставят перед собой задачу по дестабилизации сотрудничества РК с РФ и КНР. При этом США используют разные рычаги: не только экономические и политические, но и социокультурные, основанные, прежде всего, на деятельности по работе с общественностью.

Цель и специфика политики США по связи с общественностью в Казахстане

По мнению американского эксперта по Каспийскому региону Ричарда Хоугланда, исторически внешняя политика США в странах Прикаспия опиралась на подходы,

свойственные временам холодной войны, когда мир рассматривался в бинарных терминах: «либо ты с нами, либо ты против нас» [39]. Окончание периода холодной войны отчасти трансформировало внешнюю политику из «быть с нами» в «быть похожими на нас» [39]. Правительство США было уверено, что новые независимые национальные государства постсоветского пространства в Каспийском регионе «быстро превратятся в демократию свободного рынка — точно так же, как и они сами, но этого не произошло» [39].

Одна из причин разочарования Запада в неполной реализации их планов и надежд в каждой из Каспийских стран (речь идет о большом Каспийском регионе, включающем Армению, Азербайджан, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) – это, прежде всего, их историческое прошлое, не связанное с Западом. Другой немаловажной причиной является факт того, что первые национальные элиты независимых национальных государств были воспитаны советской политической средой и не могли отвечать западным требованиям. Хотя главы новых прикаспийских национальных государств осуществляли решительные шаги по разрыву с советским прошлым.

Что касается Казахстана, то его первый президент Назарбаев Н.А. с этой целью утвердил программу «Болашак» (с казахского «будущее»), которая позволяла молодежи получать высшее образование, а при желании и ученую степень в странах Европы, США, а также Сингапуре. Сегодня «выпускников программы «Болашак» насчитывается более 10-ти тысяч казахстанцев» [39].

Как отмечает Ричард Хоугланд, в Казахстане на сегодняшний день «практически в любом государственном или частном учреждении можно найти тех, кто занимает все более авторитетные должности, говорит на иностранных языках – довольно часто на английском, имеет полностью международную точку зрения» [18]. Это является результатом, в том числе, активной политики США по ориентации казахстанцев на американские демократические стандарты.

Активная внешняя политика США реализуется посредством различного рода деятельности, в том числе связи с общественностью. Так, в каждой из восьми стран большого Каспийского региона посольства США не только развивают политические и экономические отношения, но и осуществляют образовательную политику. При каждом таком американском посольстве созданы активные секции, «которые сосредоточены на образовательных и культурных отношениях и обменах, а также на средствах массовой информации, в том числе ежедневные публикации в Twitter, Facebook¹ и Instagram²» [18]. Вся эта работа, по мнению Р. Хоугланда, необходима для того, чтобы «поднять флаг США в Каспийском регионе выше» [18].

По словам Мурата Лаумулина, руководителя Центра европейских и стратегических исследований Международного научного комплекса «Астана», «США хотят сократить влияние на Казахстан его географических соседей – России и Китая» [17].

С этой целью США проявляют активность в продвижении «демократии по-американски», которая означает распространение демократии в мире по американскому образцу. Идея развития такой демократии «глубоко интегрирована в американские институты, отвечающие за внешнюю политику страны» [31]: американские специалисты ставят цель изучить интересующие их страны и народы, затем, сформулировав свои

¹Принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена на территории РФ.

²Принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена на территории РФ.

политические интересы в данном регионе, «регулярно высказываться по складывавшейся в регионе ситуации, демонстрируя свою лояльность по отношению к одним, и пренебрежение к другим народам и государствам» [1]. Суть проектов по продвижению «демократии по-американски» заключается в том, чтобы сделать из страны, представляющей геостратегический интерес для США, успешное демократическое государство для «последующего копирования другими республиками бывшего Союза» [1]. Одновременно такая образцовая модель государства должна подтверждать действенность «демократии по-американски».

Усилиями идеологии Вашингтона каждая уважающая страна, чтобы не попасть в когорту «несостоявшихся государств», должна развивать демократические начала, ориентируясь на «путеводный маяк» [1] в лице США. Позиционируя себя в качестве монополистов истинных демократических ценностей, США зачастую используют данную установку в решении международных конфликтов.

Одним из рычагов распространения «демократии по-американски» в Казахстане является распределение финансирования для желающих развивать, так называемое, «отзывчивое управление». К примеру, для его реализации в 2021 году Бюро госдепартамента по правам человека и труду объявило гранты на 750 тысяч долларов. На сайте посольства США в Казахстане отмечено, что право подать заявку на подобные гранты имеют некоммерческие организации, организации гражданского общества, неправительственные организации, аналитические центры, ВУЗы и частные учебные заведения [22].

С каждым годом в Казахстане растет число некоммерческих общественных организаций: на сегодняшний день их насчитывается более 22 тысяч, часть из которых «получает иностранное финансирование» [16]. Согласно данным из открытых источников, в 2020 году большая часть грантов США была распределена через Национальный фонд поддержки демократии для «продвижения демократических ценностей среди юношества», «информирование граждан Казахстана об их правах» и т.д. [37].

В открытых источниках появилась информация, что государственный департамент США планирует выделить 320 тысяч долларов для грантового обучения представителей казахстанского СМИ. Один из таких грантов направлен на «юридическую поддержку журналистов в Казахстане», другой – на «повышение профессионального уровня и конкурентоспособности СМИ». Ряд экспертов полагает, что данные денежные средства «тратили не на поддержку СМИ, а на поддержку условно-демократических сил в Казахстане» [14], об этом заявил общественный деятель и журналист Денис Кривошеев.

Для осуществления внешней политики в постсоветских странах США выделяют деньги на грантовые проекты, реализация которых в данных странах в итоге направлена на усиление влияния США. По мнению журналиста Д.Кривошеева, в грантовых проектах США в Казахстане по поддержке независимых СМИ происходит то же самое, что наблюдалось в Грузии и на Украине: «вначале берут журналистов в оборот, а затем подчиняют журналистов своему влиянию» [14].

С одной стороны, казалось бы, в распространении Западом демократических начал среди казахстанцев ничего предосудительного не усматривается, с другой – распространение «демократии по-американски» осуществляется при сопутствующей дискредитации России: передовой и демократичный Запад противопоставляется государству-соседу, который никак не может решить «проблемы регионального развития, борьбы с коррупцией, эффективности государственного управления...» [10]. Кроме того, Вашингтон считает Россию не вполне демократичной страной [36].

Специальная служба конгресса США «признала удручающими» результаты работы по «продвижению демократии» в России [31]. Более того, по мнению американских экспертов, «Россия стала противодействовать попыткам распространения демократии» [31].

Задачу распространения западных ценностей в Казахстане также выполняют «53 международных организации, 30 иностранных государственных организаций, 77 зарубежных НКО и фондов» [16], призванные продвигать значимые для США идеи и принципы.

В отношении работы НКО, осуществляющих работу на гранты Сороса, российский политолог Д. Родионов утверждает, что «они спекулируют на теме русского языка и работают с казахской молодежью по кальке с украинских методичек... И если еще недавно проявления русофобии в Казахстане наблюдались в основном у жителей сельской местности, то сегодня русофобия охватывает все больше различных слоев казахстанского общества» [13].

Кроме того, в Казахстане функционируют американские организации, работающие, в том числе, с населением: Американская ассоциация юристов (ABA); Американское агентство по международному развитию (USAID); Национальный фонд поддержки демократии (NED) и т.д.

К примеру, Национальный фонд поддержки демократии (NED), основанный в 1983 году конгрессом США как частная некоммерческая организация, «поддерживает различные виды деятельности, которые не могут осуществлять американские официальные органы власти» [31]. В целом, деятельность фонда может быть сформулирована словами его основателя Аллена Вайнштейна, который сказал, что «многое из того, что мы делаем сегодня, 25 лет назад тайно делало ЦРУ» [31].

Американское агентство по международному развитию (USAID) в Казахстане на своем сайте отмечает, что наблюдается «ограниченная подотчетность казахстанского правительства, ослабляющая демократические институты в республике». Подобные высказывания связаны с основной целью USAID – развитием демократической культуры, поощрением защиты прав жителей республики поддержке гражданского общества в целом [37; 38].

В итоге, вспоминаются беспорядки попытка госпереворота в Казахстане в январе 2022 года из-за резкого увеличения цены на газ, по официальной версии. Затем от протестующих последовали требования по «освобождению политзаключенных, отставки правительства, выход из соглашений с Россией и т.д.» [37].

Безусловно, события января 2022 года в Казахстане, увеличение в разы количества иностранных НКО, активная работа многочисленных западных фондов и участвовавшие случаи русофобии в общественном пространстве казахского общества за последнее время не могут не тревожить.

Кроме того, для работы с населением с 2003 года в Казахстане функционируют ресурсные Американские пространства (American Spaces), которые на сегодняшний день распространились по всей территории страны. American Spaces под руководством госдепартамента США развивают публичную дипломатию, направленную на «продвижение ее интересов в мировом сообществе» [2]. Здесь можно получить информацию о США, заняться обучением английского языка, получать данные об образовании в Америке или образовательных обменах, посетить культурные мероприятия, заняться наукой и пр. Наиболее распространенной разновидностью American Spaces являются Американские уголки. Проводимые там мероприятия призваны «разделять американские ценности и культуру, а также повышать потенциал посетителей» [21].

Сегодня в Казахстане насчитывается 10 таких уголков – общественных и культурных центров, рассчитанных на бесплатное посещение гражданами Казахстана разных возрастов и профессий. Здесь реализуются курсы по научно-техническим программам: инженерии, технологий, математике, английскому языку и т.д. В целом, формат работы уголков достаточно гибок, что привлекает все больше желающих их посещать. При этом на мероприятиях уголков можно побывать как в очном, так и виртуальном формате.

В Американских уголках ведется работа с молодежью по расширению их прав и возможностей, «для поддержки бизнес-стартапов, предпринимателей, творческих профессионалов и продвижения STEM... Обученный персонал Уголка проводит тренинги и наставляет посетителей, чтобы помочь им завершить свои проекты» [21].

Таким образом, деятельность США по связи с общественностью в РК направлена на создание позитивного имиджа Америки как передовой цивилизации в научно-технической сфере, а также в реализации демократических начал. В итоге, казахстанцы должны быть максимально заинтересованы в сотрудничестве с США и ориентироваться на нее в целях улучшения своего уровня и качества жизни. Как следствие, США будут иметь возможность диктовать казахстанцам свои условия и правила. В этих целях в РК активно функционируют многочисленные НКО, разного рода американские организации и американские культурные пространства, где создается дружественная атмосфера и предлагаются большие возможности для развития посетителей в разных сферах: образовательной, языковой, предпринимательской, менторской, проектной, научно-технической и пр.

Деятельность России по связи с общественностью в условиях дезинтеграционных процессов в Казахстане

Внешняя политика США, «направленная на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками, вызывает опасения со стороны РФ» [32]. В этой связи в 2021 году Президентом РФ В.В. Путиным был подписан указ от 2 июля №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где отмечалось, что некоторыми странами «проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов...» [32].

Примером такой информационной кампании является появившаяся в СМИ и в интернет-пространстве информация о так называемых «языковых патрулях» на территории Казахстана, проверяющих персонал в магазинах и в госучреждениях Казахстана на использование ими казахского языка при работе с клиентами.

В этой связи необходимо обратить внимание на заявление главы МИД РФ Сергея Лаврова, опубликованное в «Российской газете», в котором отмечался факт участвовавших прецедентов проявления ксенофобии в отношении русскоязычных граждан Казахстана, что, как обозначил министр, «во многом является продуктом применения извне специальных информационных методик, направленных на культивирование местечкового национализма и дискредитацию сотрудничества с Россией» [6].

Необходимо отметить и официальную позицию Президента Казахстана Касым-Жомарт Токаева по данной проблеме, озвученную им на сессии Ассамблеи народа Казахстана в апреле 2023 г.: «вызвавшие общественный резонанс «языковые патрули» в республике организованы профессиональными провокаторами, профессиональными спецслужбами и «направлены на подрыв национального единства Казахстана» [28].

Кроме того, Президент Казахстана предложил создать международную организацию в рамках СНГ для продвижения русского языка как языка межгосударственного общения в этих странах [26].

Согласно статье 5 закона Республики Казахстан от 11 июля 1997 № 151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2023 г.) отмечено следующее: «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [8]. Все же приоритетной задачей в языковой сфере Казахстана, озвученной Токаевым на Национальном курултае в Туркестане в июне 2023 г., является развитие казахского языка, призванного консолидировать весь казахстанский народ. Именно казахский язык является «символом гражданской идентичности и духовного единства народа» [23]. Планируется, что казахский язык, «помимо повседневного средства общения, должен превратиться в язык науки и образования» [23].

Таким образом, в Казахстане процесс создания национальной государственности продолжается: в будущем, как видится, русский язык будет иметь все меньше сфер применения.

Необходимо также учитывать и количество русскоязычного населения, проживающего в Казахстане. В 2023 г. в честь празднования Дня национального единства народа Казахстана, отмечаемого ежегодно 1 мая, Бюро национальной статистики РК опубликовала данные о численности населения Казахстана: всего там проживает «19808430 человек. Из них 70,6% – казахи, доля русского населения – 15,1%, а также 10,1% других национальностей» [11]. Таким образом, количество русских на территории Казахстана на сегодняшний день доходит до трех миллионов человек.

В Российском законодательстве народы России, проживающие за рубежом, названы соотечественниками [33]. Для работы с соотечественниками в Казахстане создано представительство Россотрудничества – Российский центр науки и культуры, призванный осуществлять совместные проекты, приуроченные к памятным датам российской истории и культуры, проведение спортивных, творческих и других мероприятий. К примеру, программы «посольства мастерства, школа цифрового века, Великая Отечественная война: взгляд из XXI века, письмо с фронта, здравствуй Россия, новое поколение» [19].

К сожалению, никакой подробной информации о результатах данных программ в интернет-пространстве не представлено. Поэтому говорить о влиянии российских проектов по популяризации российской культуры среди населения Казахстана достаточно сложно.

И в целом деятельность России по связи с общественностью в Казахстане сложно прослеживается в связи с отсутствием четких сведений и отчетности. Если разного рода спектры работ США с казахстанской общественностью открыто представлены на порталах американских организаций в РК и, прежде всего, на сайте посольства США, где перечислено множество грантов на обучение в университетах США, «направленных в основном на молодежь и молодых специалистов» [21], то на сайте посольства России информация подобных грантах отсутствует.

Деятельность по популяризации русского языка и русской культуры за рубежом призван осуществлять фонд «Русский мир», созданный по Указу Президента РФ в 2007 [35]. Отчеты фонда не освещают в полной мере грантовую политику в отношении конкретных стран (и, соответственно, по Казахстану). Известно, что на 2023 год для реализации основной задачи «Русского мира» предлагается участие в конкурсах на гранты для стран-членов СНГ, БРИКС и ШОС, а также латиноамериканских,

африканских и ближневосточных стран. Грантовый проект направлен не только на популяризацию русской культуры и языка, но и на поддержку русскоязычных СМИ и продвижение образования на русском языке.

Со стороны правительства Российской Федерации в 2023 году также был предложен проект «Российский учитель за рубежом», предполагающий «открытие в 2023 году 65 центров по обучению русскому языку в 56 странах мира» [3].

Что касается образования, то на сегодняшний день в Казахстане функционирует 6 филиалов российских вузов: Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в г. Астана, Алматинский филиал Академии труда и социальных отношений, Усть-Каменогорский филиал МЭСИ, Костанайский филиал ЧелГУ, Алматинский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Филиал МАИ «Восход» в г. Байконуре. Кроме того, с 2023 года Высшая школа экономики запустила онлайн-кампус «Вышка онлайн» в Казахстане [7], а также Российский химико-технологический университет имени Менделеева и Таразский региональный университет имени Дулати открыли первый в СНГ сетевой образовательный кампус, который работает в Алматы [4].

В то же время в РК стали появляться филиалы американских вузов. С 2022 года на базе Северо-Казахстанского университета имени Козыбаева открылся петропавловский филиал Университета Аризоны, где граждане Казахстана имеют возможность получать бесплатное образование по образовательному гранту, позволяющему «как минимум один семестр учиться в головном филиале Университета Аризоны в городе Тусон [15]. По окончании филиала выпускники получают одновременно два диплома: «Kozybayev University и University of Arizona» [34].

Примечателен тот факт, что открытие аризонского филиала вызвало среди казахстанцев бурные обсуждения в социальных сетях, связанные, прежде всего, с опасением продвижения американскими сотрудниками ценностей ЛГБТ сообществ. В свою очередь, министерство науки и образования РК заверило граждан, что воспитательная работа филиала будет осуществляться американскими и казахстанскими специалистами с опорой на «морально-этические устои Казахстана и никакой угрозы национальным культурным и моральным ценностям не будет» [24].

К 2025 году министерством науки и образования Казахстана планируется открыть «не менее 5 филиалов авторитетных зарубежных университетов» [34], что увеличит западное присутствие в республике и, возможно, создаст ситуацию серьезной конкуренции среди университетских филиалов РФ и США. И все это на фоне успешной реализации в РК программы Назарбаева Н.А. «Болашак»: для казахстанцев «диплом зарубежного вуза, сочетающийся со знанием английского языка, – это входной билет в успешное трудоустройство и социальные сообщества» [25].

Что касается РФ, то на фоне санкционных ограничений наша страна, как видится, уступает в экономических возможностях странам Запада, которые становятся все более привлекательными для граждан Казахстана, особенно юношества и молодежи.

На сегодняшний день в РК на общественном уровне сохранением культуры народов России занимаются общественные организации, которых в Казахстане зарегистрировано свыше семидесяти [20]: это татарские, башкирские, чеченские, ингушские, славянские и другие ассоциации, конгрессы и движения, деятельность которых направлена на укрепление связей и сотрудничества, а также взаимопонимания народов Казахстана и России.

Если говорить о местах, где можно познакомиться с русской культурой, то, по официальным сведениям, в Казахстане существует два Русских дома: в Нур-Султане (Астане) и Алматы, которые имеют аккаунты в разных социальных сетях (к примеру,

в сети ВКонтакте на Русский дом в Нур-Султане подписано 736 человек, в Алматы – 42 человека, что говорит о небольшом количестве казахстанцев, заинтересованных в работе Русских домов).

Алматинский Русский дом в 2023 году провел две значимые акции: первая связана с организацией онлайн-шествия в честь победителей Великой Отечественной войны под названием «Победители. Поклонимся героям» [5], что особенно ценно в условиях отмены Парада Победы в РК.

Вторая значимая акция Алматинского Русского дома – проведение диктанта на русском языке среди всех желающих в возрасте от 10 лет на базе «Алматинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов» [29] и при поддержке Россотрудничества. Кроме того, на YouTube создан канал, где появилась возможность выкладывать видеоматериалы с праздников и мероприятий Русских домов в РК.

Нужно учитывать, что общественные отношения между Россией и Казахстаном складывались исторически: на сегодняшний день там проживает около трех миллионов русских, многие казахи имеют родственников или друзей из России. Некоторые граждане Казахстана обучаются в филиалах российских вузов, функционирующих в стране, или непосредственно в вузах России; русский язык признан вторым государственным языком в стране; народы России имеют возможность сохранять свою культурную самобытность в рамках работы общественных организаций.

С другой стороны, западные страны, в частности США, проводят активную политику постепенного распространения своих ценностей среди казахского народа. Запад всегда позиционировал себя в качестве наиболее прогрессивной цивилизации с высоким уровнем жизни, поэтому интерес к ней среди казахов вполне обоснован.

В этой связи интересно выявить общественное мнение среди граждан Казахстана относительно России. За неимением возможности провести самостоятельный опрос обратимся к данным Центра социальных и политических исследований «Стратегия» за 2021 год: «самой дружественной страной казахи считают Россию (показатель симпатий не опускался ниже 80 процентов на протяжении трех лет)» [10]. Одновременно американская компания Gallup опубликовала итоги своего опроса: «Казахстан занял четвертое место среди стран, где авторитет Владимира Путина наиболее высок (72 процента жителей нашей страны поддерживают его политику). Это не могло не вызвать бурной реакции в рядах казахских националистов, которые считают, что на самом деле цифры явно завышенные» [10].

Мы согласны, что к результату любого опроса нужно относиться не как к панацее, так как выборка респондентов играет немаловажную роль: кроме таких основных составляющих, как возраст, национальность, образование важно учитывать и место проживания. Безусловно, для русскоговорящих граждан страны Россия – дружественное государство. А как бы ответили на заданные социологами вопросы молодые люди из глубинки – сельских районов, сказать трудно. Предположительно, цифры были бы полярно другими. Кроме того, в Казахстане Россию достаточно часто ругают: это, как правило, «представители казахской интеллигенции, местные националисты, политологи» [10], что не может не сказываться на общественном мнении.

Для сравнения приведем результаты опроса за 2023 год среди казахстанцев в количестве 1100 человек разной возрастной категории, начиная с 18 лет, представленные Бюро экспресс-мониторинга общественного мнения Demoscope: «у половины граждан (51,5%) отношение к России не изменилось. У трети казахстанцев (32,6%) оно ухудшилось» [30]. Тревожит факт, что по результатам опроса лица «от 18 до 29 лет

симпатизируют России лишь 0,7%, а в возможное нападение РФ на Казахстан верят 15%. Наибольшая поддержка РФ проявляется среди казахстанцев в возрасте старше 60 лет» [30].

Заместитель секретаря Совбеза России Алексей Шевцов подчеркнул, что «на российско-казахстанские отношения стремятся оказать негативное влияние страны Запада. США и их союзники пытаются подпитывать националистические настроения, распространяют клевету, манипулируют общественным мнением, в том числе через интернет и социальные сети» [9].

Действительно, антироссийские настроения в Казахстане все более нарастают. Вот что по этому поводу говорит казахский политолог Султанбек Султангалиев: «антироссийские настроения разжигаются так называемыми правозащитниками, которые аффилированы с иностранными фондами и выступают в роли агентов влияния Запада в информационной войне... во-вторых, это казахские националисты – идейные противники России. В этом случае мы видим сплошной винегрет из исторических обид, личных комплексов неполноценности и элементарной русофобии...» [10].

Как видим, западные действия, направленные на дискредитацию России, в том числе посредством связи с общественностью и информационной войны, имеют свои плоды, которые, прежде всего, проявляются в нарастании антироссийских настроений. Как данное положение вещей скажется в будущих российско-казахских настроениях, пока говорить сложно, хотя уже сейчас возникают серьезные опасения на этот счет.

Заключение

При особом интересе к Каспийскому региону со стороны США, Вашингтон применяет ряд мер, усиливающих свое влияние на данной территории, в том числе в постсоветских странах, соседствующих с Россией. В данной статье мы рассмотрели проявление деятельности США по работе с общественностью в Казахстане – страной, которая имеет самую протяженную границу с Россией. Американское правительство не скрывает, что ставит перед собой задачу по дестабилизации сотрудничества Казахстана с Россией. В этой связи США активно финансируют СМИ, НКО, западные фонды и другие американские организации, функционирующие на территории Казахстана с целью продвижения «демократии по-американски». Особая работа ведется с казахстанской молодежью по распространению позитивного имиджа США, как цивилизованного государства с развитой наукой и технологиями, а также самой демократичной, в предлагаемых правах и свободах, страны, на которую необходимо ориентироваться и опираться.

Усиление активной деятельности США в Каспийском регионе связано с опасениями, что в реалиях современных геополитических изменений может произойти ослабление лидерства США, и усиление других региональных лидеров в мире, которые будут «продвигать «постдемократические модели» [33] в отношении власти и общества.

Безусловно, Россия признает, что политика США направлена на инспирирование дезинтеграционных процессов в странах СНГ с ключевой целью как минимум ослабить, а как максимум разрушить связи России с ее традиционными союзниками в данном регионе. Свидетельством такой внешней политики США является проводимая информационная компания, направленная на формирование враждебного образа России, осуществление попыток ограничения использования русского языка, роста русофобских настроений, увеличение количества западных НКО и других американских организаций.

Все это требует от России усиления работы на межгосударственном, межправительственном и межкультурном уровнях в странах Прикаспийского региона, и особенно в республике Казахстан, где проживает почти три миллиона наших соотечественников.

На сегодняшний день согласно опросам 2023 года среди казахстанской молодежи России симпатизируют лишь 0,7% от 1 100 респондентов. Это является одним из тревожных фактов, указывающих на наличие антироссийских настроений в Казахстане, которые под воздействием Запада могут только усиливаться.

Одним из современных инструментов «мягкой силы», позволяющих решать внешне политические задачи, является образование, посредством которого происходит распространение языка, культуры и ценностей обучающей страны, а также осуществляется углубление связей с научными и образовательными организациями разных стран. На сегодня в Казахстане в этом направлении работают представительства вузов как со стороны США, так и России.

Деятельность России по связи с общественностью в Казахстане сложно проследить в связи с отсутствием четких сведений и отчетности. Если разные спектры работ США с населением страны открыто представлены на порталах американских организаций, функционирующих в Казахстане, и, прежде всего, на сайте посольства США, где отражена проектная деятельность, направленная на работу с молодежью и молодыми специалистами, то на сайте посольства России в Казахстане информация о подобной работе отсутствует. На сайте фонда «Русский мир», призванного осуществлять деятельность, направленную на поддержку соотечественников, способствовать распространению русского языка и культуры, также сложно найти информацию о результатах данной работы в Казахстане.

Необходимо понимать, что в Казахстане существуют демократические силы, которые не видят будущее страны без России, другие, напротив, намерены поддерживать проратовское или протюркское развитие республики. В целом политика Казахстана ориентирована на развитие национальной государственности. Так или иначе, но географически «отделить Казахстан» от России или Китая невозможно, Россия и Китай всегда гораздо ближе, чем любая из западных стран или США. России необходимо более активно взаимодействовать с общественностью Казахстана, просвещать население о достижениях России в разных сферах общественной практики для пресечения образа России как врага и сохранения добрососедских отношений.

Список литературы

1. Агрба Л. А. Демократия по-американски: идеология «свой»/«чужой» на примере политики США в отношении Абхазии и Грузии // Концепт: философия, религия, культура. Московский государственный институт международных отношений (университет). – 2017. – №4 (4). – С. 116–124
2. Американский уголок: оборудование и работа над проектом. URL: <https://blog.bcpf.org/american-corners/> (дата обращения: 15.06.2023)
3. Более 60 центров образования на русском языке планируют открыть в 56 странах. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17961933/amp> (дата обращения: 15.06.2023)
4. В Алма-Ате открылся первый российско-казахстанский образовательный кампус в сфере химпрома. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17810183> (дата обращения: 15.06.2023 г.)
5. В Казахстане в честь Дня Победы запустили онлайн-акцию «Победители. Поклонимся героям». URL: <https://tass.ru/obschestvo/14579731> (дата обращения: 17.06.2023)
6. В основе партнерства РФ и Казахстана – бережно хранимые традиции. URL: <https://rg.ru/2021/11/09/lavrov-v-osnove-partnerstva-rf-i-kazahstana-berezhno-hranimye-tradicii.html> (дата обращения: 15.06.2023)
7. ВШЭ запустил цифровой кампус «Вышка Онлайн». URL: <https://www.hse.ru/news/edu/835550011.html?ysclid=li3> (дата обращения: 15.06.2023)

8. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&pos=85;-60#pos=85;-60 (дата обращения: 15.06.2023)

9. Запад пытается испортить отношения между Россией и Казахстаном. URL: <https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/politika/18094387> (дата обращения: 23.06.2023)

10. Исабаева С. Как изменилось отношение казахстанцев к России, и ее политики. URL: <https://ia-centr.ru/publications/24155/> (дата обращения: 16.06.2023)

11. Казахи, русские, узбеки и другие: сколько национальностей живёт в Казахстане. URL: <https://ulysmidia.kz/news/15475-kazakhi-russkie-uzbeki-i-drugie-skolkonatsionalnostei-zhiviot-v-kazakhstane/> (дата обращения: 15.06.2023)

12. Казахстан считают стратегическим партнером США. URL: <https://www.caravan.kz/articles/kazakhstan-schitayut-strategicheskim-partnerom-ssha-vizit-blinkena-v-rk-vyzval-isteriku-v-rossii-916903/> (дата обращения: 15.06.2023)

13. Как Запад раскачивает Казахстан и какие НКО будут свергать власть. URL: <https://life.ru/p/1448643> (дата обращения: 16.06.2023)

14. Как США навязывают Казахстану свою демократию через финансирование СМИ-эксперты. URL: <https://www.caravan.kz/news/kak-ssha-navyazyvayut-kazakhstanu-svoyu-demokratiyu-cherez-finansirovanie-smi-ehksperty-646164/> (дата обращения: 15.06.2023)

15. Какие возможности предоставляет казахстанцам Университет Аризоны. URL: <https://informburo.kz/novosti/kakie-vozmozhnosti-predostavlyayet-kazahstancam-universitet-arizony> (дата обращения: 16.06.2023)

16. Какие страны финансируют НПО в Казахстане. URL: <https://ru.sputnik.kz/20181127/kazakhstan-pro-finansirovaniye-8252915.html> (дата обращения: 15.06.2023)

17. Лаумулин М. О казахстанско-американских отношениях. URL: <http://casp-geo.ru/marat-laumulin-o-kazahstansko-amerikanskih-otnosheniyah> (дата обращения: 15.06.2023)

18. Новая политика США в Каспийском регионе: вектор на Азербайджан и Казахстан. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-politika-ssha-v-kaspijskom-regione-vektor-na-azerbajdzhan-i-kazahstan/> (дата обращения: 15.06.2023)

19. Официальный сайт посольства РФ в Республике Казахстан. Сотрудничество в гуманитарной сфере. URL: rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/sotrudnichestvo_v_gumanitarnoi/ (дата обращения: 16.06.2023)

20. Официальный сайт посольства РФ в Республике Казахстане. Двусторонние отношения России и Казахстана. URL: http://rfembassy.ru/lm/dvustoronnie_otnosheniya/rossiya-kazakhstan/sootechestvenniki/ (дата обращения: 16.06.2023)

21. Официальный сайт посольства США в Казахстане. Проведение мероприятий в Американских уголках. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/ru-funding-opportunity-american-corners-programming-ru/> (дата обращения: 15.06.2023).

22. Официальный сайт посольства США в Казахстане. Уведомление о возможности финансирования. URL: kz.usembassy.gov/ru/ru-annual-program-statement/ (дата обращения: 12.06.2023 г.)

23. Официальный сайт президента Республики Казахстана. Глава государства провел заседание Национального курултая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-zasedanie-nacionalnogo-kurultaya-1755340> (дата обращения: 23.06.2023 г.)

24. Педагоги СКО выступили против передачи вуза «американским гей-пропагандистам». URL: <https://ztb.kz/obsestvo/pedagogi-sko-vystupili-protiv-peredaci-vuza-amerikanskim-gej-propagandistam> (дата обращения: 16.06.2023)

25. Почему мировые университеты ищут свою нишу в Казахстане. URL: https://forbes.kz/process/education/pochemu_mirovyie_universitetyi_ischut_svoyu_nishu_v_kazahstane (дата обращения: 16.06.2023)

26. Президент Казахстана Токаев предложил создать международную организацию поддержки русского языка. URL: https://kz.tsargrad.tv/news/prezident-kazahstanatokaev-predlozhit-sozdat-mezhdunarodnuju-organizaciju-podderzhki-russkogo-jazyka_640534 (дата обращения: 15.06.2023)

27. США-Казахстан: геополитические инвестиции. URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2020-02-11--ssha-kazahstan-geopoliticheskie-investicii-47440> (дата обращения: 17.06.2023)

28. Токаев прокомментировал появление «языковых патрулей» в Казахстане. URL: <https://turbo.ria.ru/20220429/patruli-1786090564.html> (дата обращения: 16.06.2023)

29. Тотальный диктант написали в Алматы. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/208694213> (дата обращения: 14.06.2023 г.)

30. Треть опрошенных казахстанцев заявила об ухудшении отношения к России из-за войны в Украине. URL: <https://www.uralskweek.kz/2023/05/17/tret-oproshennyh-kazahstancsev-zayavila-ob-ухудshenii-otnosheniya-k-rossii-iz-za-vojni-v-ukraine/> (дата обращения: 14.06.2023)

31. Удручающие результаты: почему в конгрессе США заявили о неудачах в «продвижении демократии» в России и мире. URL: <https://russian-rt-com.turbopages.org/russian.rt.com/s/world/article/594746-ssha-podderzhka-demokratii-rossiya> (дата обращения: 13.06.2023)

32. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 12.06.2023)

33. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/ (дата обращения: 12.06.2023)

34. Филиал университета Аризоны начал работу в Петропавловске. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220906/filial-universiteta-arizony-nachal-rabotu-v-petropavlovske-27341084.html> (дата обращения: 11.06.2023)

35. Фонд «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 13.06.2023 г.)

36. Чертов А. Америка не признает Россию демократической страной. URL: <https://fishki.net/anti/4011489-amerika-ne-priznayot-rossiju-demokraticheskoy-stranoj.html> (дата обращения: 23.06.2023)

37. Эксперт оценил роль грантов Запада «на развитие демократии» в Казахстане. URL: <https://ria.ru/20220107/demokratiya-1766913939.html> (дата обращения: 12.06.2023 г.)

38. Usaid наша деятельность. URL: usaid.gov/ru/Kazakhstan/our_work (дата обращения: 15.06.2023)

39. Hoagland R. E. A New U.S. Policy For the Strategic Caspian Region: Fly Our Flag Higher and Focus on Azerbaijan and Kazakhstan. URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/a-new-us-policy-for-the-strategic-caspian-region-fly-our-flag-higher-and-focus-on-azerbaijan-and-kazakhstan-12740> (дата обращения: 15.06.2023)

ОБ АВТОРАХ

Антонов Владимир Иосифович	доктор философских наук, профессор, с.н.с., Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия (wlanto50@mail.ru)
Бредихин Сергей Николаевич	доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (bredichinsergey@yandex.ru)
Гречухина Земфира Ришадовна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет (grechukhinaz@mail.ru)
Гулевская Наталья Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации (gulewskay@mail.ru)
Гулевский Алексей Николаевич	кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России (gulewski@yandex.ru)
Доронин Юрий Петрович	кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России (dup3000@yandex.ru)
Закутнов Олег Игоревич	кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева» (zakutnov-oleg@mail.ru)
Золотарев Сергей Петрович	доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории, ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет» (zolotarev26@yandex.ru)
Кадырбаев Александр Шайдатович	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока. Институт востоковедения Российской академии наук (kadyr_50@mail.ru)

Карпенко Инна Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Ставропольский Государственный Аграрный Университет» (inna.kravchenko.1972@mail.ru)
Кольцов Петр Михайлович	заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, доктор исторических наук, профессор (koltsov_pm@kalmsu.ru)
Кононов Валерий Юрьевич	старший научный сотрудник ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» (kononov1978@mail.ru)
Команджаев Александр Нармаевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (ak.narma@mail.ru)
Кышпанакон Владимир Алексеевич	кандидат экономических наук, доктор исторических наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (kyshpanakovv@mail.ru)
Лепилкина Ольга Ивановна	доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (oll5@mail.ru)
Магомадова Таисия Д.	кандидат филологических наук, Грозненский государственный нефтяной технический университет, Грозный, Чеченская республика, Россия (tay666@mail.ru)
Маджаева Санья Ибрагимовна	доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет (sanya-madzhaeva@yandex.ru)
Марченко Татьяна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (tatiana-marchenko-25@yandex.ru)
Муратова Евгения Н.	Кандидат филологических наук, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Волгоград, Россия (evgmuratova@yandex.ru)

Надбитов Руслан Константинович	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (mezhcom@kalmsu.ru)
Очиров Батр Викторович	аспирант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
Очирова Нина Гаряевна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону, Российская Федерация (ngochirova00@mail.ru)
Очирова Оюуна Анатольевна	доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социальные технологии» ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», г. Улан-Удэ, Россия (sociologm@mail.ru)
Равочкин Никита Николаевич	доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Сластен Алина Игоревна	аспирант кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета (a.i.slasyon@yandex.ru)
Тепкеев Владимир Толгасвич	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН (tvt75@mail.ru)
Тихонова Валентина Львовна	кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»
Туфанов Евгений Васильевич	доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Ставропольский Государственный Аграрный Университет» (e.vt@mail.ru)

Хойт Санджи Кубаевич	директор АНО «Центр поддержки общественных и научных инициатив», Элиста (hojd@mail.ru)
Хохолкина Лариса Константиновна	преподаватель филологических дисциплин Факультета среднего профессионального образования ФГОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (fspo@kalmsu.ru)
Шматько Ольга Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет», г. Ставрополь (shmatolga@yandex.ru)

ABOUT THE AUTHORS

Antonov Vladimir	Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia (wlanto50@mail.ru)
Bredikhin Sergey	Doctor Sc. Philology, Professor of Department of Translation Studies North-Caucasus Federal University (bredichinsergey@yandex.ru)
Grechukhina Zemfira	Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University (grechukhinaz@mail.ru)
Doronin Yuri	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Gulevskaya Natalya	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Teacher of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces) of the S.M. Kirov Ministry of Defense of the Russian Federation
Gulevsky Alexey	Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kadyrbaev Alexander	Doctor of Historical Sciences, leading researcher of the Department of Oriental History. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (kadyr_50@mail.ru)
Karpenko Inna	Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of philosophy and history of Stavropol State Agrarian University (inna.kravchenko.1972@mail.ru)
Khokholkina Larisa	Teacher of philological disciplines of the Faculty of Secondary Vocational Education of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (fspo@kalmsu.ru)
Khoyt Sandzhi	Director of the «Center for Support of Public and Scientific Initiatives», Elista (hoyd@mail.ru)

Koltsov Petr	Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History, Kalmyk State University (petrkoltsov52@mail.ru)
Komandzhaev Alexander	Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Documentation and Archival Studies of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (ak.narma@mail.ru)
Kononov Valery	Senior Researcher at the Crimean Regional Center for Archaeological Research LLC (kononov1978@mail.ru)
Kyshpanakov Vladimir	Candidate of economy science, Doctor of Historical Science, Professor Khakas State University named after Katanov N.F. (kyshpanakovv@mail.ru)
Lepilkina Olga	Doctor Sc. Philology, Professor of Department of Journalism North-Caucasus Federal University (oll5@mail.ru)
Madzhaeva Sanya	Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University (sanya-madzhaeva@yandex.ru)
Magomadova Taysia	Grozny State Oil Technical University, Grozny, Chechen Republic, Russia (tay666@mail.ru)
Marchenko Tatiana	Cand. Sc. Philology, Assistant Professor of Department of Translation Studies North-Caucasus Federal University (tatiana-marchenko-25@yandex.ru)
Muratova Evgenya	Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia (evgmuratova@yandex.ru)
Nadbitov Ruslan	Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communication and Regional Studies of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (mezhcom@kalmsu.ru)
Ochirov Batr	Postgraduate student, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Ochirova Nina	Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department of Humanitarian Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation (ngochirova00@mail.ru)
Ochirova Oyuuna	Doctor of sociological sciences, professor Professor of the Department of “Social Technologies” FSBEI HE “East-Siberian State University of Technology and Management”, Ulan-Ude, Russia (sociologm@mail.ru)
Ravochkin Nikita	Doctor of philosophical science, associate professor, Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Associate Professor at the Department of Pedagogical Technologies Kuzbass State Agricultural Academy
Shmatko Olga	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National History 07.00.02. Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University, Stavropol (shmatolga@yandex.ru)
Slasten Alina	Postgraduate student, Tver State University
Tepkeev Vladimir	Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (tvt75@mail.ru)
Tikhonova Valentina	Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies of FSBEI of HE Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev (opera-15@mail.ru)
Tufanov Evgeniy	Doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of philosophy and history of the Stavropol State Agrarian University (e.vt@mail.ru)
Zakutnov Oleg	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies of FSBEI of HE Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev (zakutnov-oleg@mail.ru)
Zolotarev Sergey	Doctor of Philosophy, Associate Professor, Social Philosophy 09.00.11. Professor of the Department of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University, Stavropol (zolotarev26@yandex.ru)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY

Kadyrbaev A.Sh.

ON THE HISTORY OF RELATIONS OF THE KALMYKS
OF THE VOLGA REGION AND THE OIRATS OF DZHUNGARIA
WITH THE NOGAIS, TURKMEN AND KAZAKHS
IN THE XVII-XVII CENTURIES6

Koltsov P.M., Khoyt S.K.

ADAPTIVE ABILITIES OF THE OYRADS17

Komandzhaev A.N., Tepkeev V.T.

‘IT IS KNOWN TO US, THE GREAT SOVEREIGN, OUR ROYAL MAJESTY,
THAT DURING TROUBLED TIMES IN ASTRAKHAN, YOU, OUR SUBJECT,
WITH YOUR ARMY, THE GREAT SOVEREIGN, SERVED FAITHFULLY
AND DILIGENTLY’. SOVEREIGN LETTER OF PETER ALEKSEEVICH
TO KALMYK KHAN AYUKA 1707.....25

Kononov V.Yu.

EARRINGS AND TEMPLE RINGS FROM SARMATIAN-MEOTIAN MONUMENTS
OF THE KUBAN.....32

Kyshpanakov V.A.

THE NUMBER AND PLACEMENT OF DESCENDANTS OF DEPORTED PEOPLES
IN KHAKASSIA (KALMYKS AND GERMANS ACCORDING
TO THE RESULTS OF THE 2020 CENSUS).....44

Nadbitov R.K., Khokholkina L.K.

THE RUSSIAN-JAPANESE DISPUT ON THE TERRITORIAL BELONGING
TO THE SOUTHERN KURIL ISLANDS: HISTORICAL ASPECTS
OF THE DEVELOPMENT OF THE PROBLEM AND ITS CURRENT STATE.....57

Ochirov B.V.

LEGAL STATUS OF THE PRIVILEGED ESTATES OF THE NOMAD PEOPLES
OF THE STAVROPOL PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY66

Ochirova N.G.

CULTURAL POLICY OF THE SOVIET STATE AND ITS INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF REGIONAL CULTURE
(BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA) IN THE 1970s–1980s76

Tufanov E.V., Karpenko I.N.

PERSONNEL POLICY OF THE SOVIET PARTY ADMINISTRATIVE APPARATUS
OF THE 1921-1950s (BASED ON THE MATERIALS
OF PARTY CONGRESSES AND CONFERENCES)84

PHILOLOGICAL SCIENCES

Magomadova T.D., Muratova E.N.

THE HISTORICAL ASPECT OF THE CONSIDERATION
OF ADVERBIAL WORDS IN THE SCIENTIFIC LANGUAGE PICTURE94

Madzhaeva S.I., Grechukhina Z.R.

SYNONYMY IN MEDICAL TERMINOLOGY:
THE REASONS FOR ITS FORMATION101

Marchenko T.V., Bredikhin S.N., Lepilkina O.I.

SPECIFIC FEATURES OF FORMING THE ASSOCIATIVE POTENTIAL
OF A NEW PRECEDENT PHENOMENON AND POLYCODE OBJECTIFICATION
IN MODERN BRITISH MEDIADISOURSE109

Slasten A.I.

IRONIC REINTERPRETATION AS A MEANS OF CREATING
A PHRASEOLOGISM ПОЛУЧИТЬ НА ОРЕХИ
(UKR. ОТРИМАТИ НА ГОРІХИ, BEL. АТРЫМАЦЬ НА АРЭХІ)116

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Antonov V.I.

SYMBOLS OF COLOR IN THE TRADITIONAL WORLD PERCEPTION
OF THE MONGOLIAN ETHNOS124

Gulevsky A.N., Gulevskaya N.A., Doronin Yu.P.

WARS OF THE FUTURE: OPTIONS AND PREDICTIONS
.....137

Zolotarev S.P., Shmatko O.N.

PROBLEMS OF MODERN NETWORK COMMUNICATION:
A PHILOSOPHICAL ANALYSIS.....146

Ochirova O.A.

MONGOLIAN ETHNIC GROUPS OF RUSSIA:
SOCIAL PORTRAIT OF A BUDDHIST PILGRIM.....154

Ravochkin N.N.

MEANING IN IDEAS GENESIS PROCESS.....166

Tikhonova V.L., Zakutnov O.I.

US AND RUSSIAN PUBLIC RELATIONS ACTIVITIES
IN KAZAKHSTAN AS A FACTOR IN THE SPREAD
OF IDEOLOGICAL INFLUENCE IN THE REGION174

ABOUT THE AUTHORS191

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– статья должна содержать список литературы (15–30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объём текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуемая подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется ссылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik.kalmgu@yandex.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
<https://kalmgu.ru/category/vestnik-kalmgu/>

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№3(59)/2023

Подписано в печать 28.09.2023 г.
Дата выхода в свет 29.09.2023 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 13,32.
Тираж 300 экз. Заказ №5291. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014